

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

LOMONOSOV
PHILOLOGY
JOURNAL

Lomonosov Philology Journal

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER TWO

MARCH - APRIL

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2025

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 2

МАРТ – АПРЕЛЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — **ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **РАЗЛЮГОВА Елена Эмильевна**, д.ф.н., профессор кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по литературоведению — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; **БЕЛИКОВ Александр Евгеньевич**, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИЗОТОВ Андрей Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **КОРОВИН Владимир Леонидович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПАХСАРЬЯН Наталья Тиграновна**, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПЕТРУХИНА Елена Васильевна**, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **СОЛОПОВ Алексей Иванович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); **БАКЕС Жан-Луи (Jean-Louis Backès)**, д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Ун-т Париж IV); **ВРАНЕШ Бранко (Branko Vraneš)**, д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **ДАЙ Гуйцзюй (Dai Guiju)**, PhD, профессор (КНР, Пекинский ун-т иностранных языков); **ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич**, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); **ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti)**, д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); **КОЛЛАРОВА Эва (Eva Kollárová)**, PhD, профессор (Словакия, «Русский язык в центре Европы»); **ЛЕВЕРС Даниэль (Daniel Leuwers)**, д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, ун-т г. Тур); **МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Biljana Mirchevska Bosheva)**, д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия); **МИРКУРБАНОВ Насирулла Мирсултанович (Nasirulla Mirkurbanov)**, к.ф.н., профессор (Узбекистан, Национальный университет Узбекистана им.М. Улугбек); **ПЕНЧЕВА Антония Иванова**, д.ф.н., доцент (Болгария, УНСС); **ПЕТРУХИНА Наталья Михайловна**, д.ф.н., профессор (Узбекистан, Узбекский государственный ун-т мировых языков); **ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович**, д.ф.н., профессор, чл.-корр. РАН (Россия, ИМЛИ РАН); **РОВДО Иван Семенович (Ivan Rovdo)**, д.ф.н., профессор (Белоруссия, БГУ); **РЫЧКОВА Людмила Васильевна**, к.ф.н., профессор (Гродненский ГУ, Белоруссия); **СОКОЛОГОРСКАЯ Ирен (Irène Sokologorsky)**, д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Париж VIII); **СУВАЙДЖИЧ Бошко (Boško Suvajdzic)**, д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **СУЛЕЙМЕНОВА Элеонара Дюсеновна**, д.ф.н., профессор (Казахстан, президент Казахстанской ассоциации рус. яз. и лит.); **ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич**, д.ф.н., профессор (Донецкий национальный университет); **УХЛИК Младен (Mladen Uhlík)**, PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны); **ЦРВЕНКОВСКА Эмилия (Emilija Crvenkovska)**, д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия)

Редактор *Т.А. Пирусская*

© Издательство Московского университета, 2025
© «Вестник Московского университета», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Сидорова М.Ю., Ли Гуаньяо.* Историческое время, субъект истории и субъект-историк: к проблеме текстового представления 9
- Клушина Н.И.* Автор, языковая личность и искусственный интеллект 20
- Назарова Т.Б.* Общеупотребительная бизнес-терминология в языке и речи: системные свойства и адгерентная коннотативность 32
- Птенцова А.В., Чжэньчжэнь Дуань.* *Пройдоха, проныра, пролаза:* сопоставительный семантический анализ 47
- Мамечков С.Г., Шевелёва М.Н.* Об окончаниях творительного падежа единственного числа в языке прозы М.Ю. Лермонтова в контексте предшествующей традиции 58
- Беляев О.И.* Позиционные классы союзов в бартагском языке 70
- Иванчина О.Ю.* Аббревиация в англоязычной лексике космических исследований 88
- Меркулов Г.В.* Особенности графики ранних румынских манускриптов (на примере Codex Neagoeanus (1620) и Codex Sturdzanus (1580–1619)) 100
- Любжин А.И.* «Царь Петр» Антуана-Леонара Тома: замысел и европейский контекст 110
- Семёнов В.Б.* Английская анонимная поэма-видение XV в. «Остров Дам»: между мифом и китчем 129
- Гуменюк О.Н.* Образно-композиционная структура крымскотатарской народной песни печальной любви 145
- Пулатова В.И., Низамова М.Н.* Элементы антиутопии в романе К. Исигуро «Клара и Солнце» 156

<i>Кольцова Н.З.</i> Неомифологический роман 1920–1940-х гг. как жанр русской литературы	167
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Мызников С.А., Королькова М.Д.</i> Рецензия на книгу: Баженова Т.Е. (ред.) Лексический атлас самарских говоров: карты и комментарии. Самара, 2021. 80 с.: ил.	178
<i>Дмитриев А.П.</i> «Проникая в непроницаемую сущность»: Рецензия на книгу: Поэзия мысли: от романтизма к современности. К 220-летию Е.А. Боратынского. Коллективная монография / общ. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. СПб.: Нестор-История, 2023. 448 с. (Серия: Русская литература и философия: пути взаимодействия; вып. 6)	185
<i>Гусейнов В.Н.</i> Горьковский опыт конструирования социального оптимизма. Рецензия на книгу: М. Горький. Письма о литературе / под научн. ред. А.Г. Плотниковой; сост. О.В. Быстрова, Е.В. Кудрина, Е.Н. Никитин, А.Г. Плотникова. М.: Литературный институт имени А.М. Горького, 2023. (Серия «Писатели о творчестве»). 368 с.	192
<i>Шевчук Ю.В.</i> Рецензия на книгу: <i>Лувэй Цзоу, Михайлова М.В.</i> Женская линия в русской поэзии: до и после А.А. Ахматовой. СПб.: Нестор-История, 2023. 204 с.	202
<i>Савельева О.М.</i> Рецензия на книгу: Славятинская М.Н. Учебник древнегреческого языка. 3-е издание. Исправленное и дополненное. М.: ФЛИНТА, 2022. 732 с.	207

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Миронова Н.И., Кедрова Г.Е.</i> Международная научная конференция «Общая и прикладная фонетика: к 100-летию со дня рождения профессора Любови Владимировны Златоустовой»	212
<i>Голубков М.М., Семина А.А.</i> VIII Международная научная конференция «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)»	219

CONTENTS

ARTICLES

- Sidorova M.Yu, Li Guanyao.* Historical Time, the Subject of History and the Subject-Historian: On the Problem of Textual Representation 9
- Klushina N.I.* Author, Linguistic Personality and Artificial Intelligence 20
- Nazarova T.B.* Core Business Terminology in Language and Speech: Systemic Characteristics and Adherent Connotativeness 32
- Ptentsova A.V., Zhenzhen Duan.* Пройдоха (*rascal*), проныра (*sneak*), пролаза (*slyboots*): Comparative Semantic Analysis 47
- Matechkov S.G., Sheveleva M.N.* On Instrumental Singular Case Endings in Lermontov's Prose in the Context of the Previous Tradition 58
- Belyaev O.I.* Position Classes of Conjunctions in Bartangi 70
- Ivanchina O.Yu.* Abbreviations in the English of Space Exploration 88
- Merkulov G.V.* Orthographical Peculiarities of Early Romanian Manuscripts (On the Example of Codex Neagoeanus (1620) and Codex Strudzanus (1580–1619)) 100
- Lyubzhin A.* Antoine-Léonard Thomas' *Tsar Peter*: Conception and the European Context 110
- Semyonov V.* The English Anonymous Vision Poem of the 15th Century *The Isle of Ladies*: Between Myth and Kitsch 129
- Humeniuk O.* Figurative and Compositional Structure of the Crimea Tatar Folk Song of Sad Love 145
- Pulatova V.I., Nizamova M.N.* Dystopian Elements in the Novel *Klara and the Sun* by K. Ishiguro 156
- Koltsova N.Z.* Neo-mythological Novel of the 1920s–40s as a Genre of Russian Literature 167

REVIEWS

- Myznikov S.A., Korolkova M.D.* Book Review: Lexical Atlas of Samara Dialects: Maps and Comments. Ed. by Tatyana E. Bazhenova. Samara, 2021. 80 p. 178

<i>Dmitriev A.P.</i> “Penetrating the Impenetrable Essence”: Poetry of Thought: from Romanticism to Modernity. To the 220 th Anniversary of E.A. Boratynsky. Collective monograph / general. ed. and comp. E.A. Tahoe-Godi. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2023. 448 p. (Series: Russian Literature and Philosophy: Ways of Interaction; issue 6)	185
<i>Guseynov V.N.</i> Gorky’s Experience of Constructing Social Optimism. Review of the Book: <i>M. Gorky. Letters About Literature</i> / Ed. by A.G. Plotnikova; comp. O.V. Bystrova, E.V. Kudrina, E.N. Nikitin, A.G. Plotnikova. Moscow, Gorky Literary Institute, 2023. (Series “Writers on Creativity”). 368 p.	192
<i>Shevchuk Yu.</i> Review of the Book: Luwei Zou, Mikhailova M.V. The Female Line in Russian Poetry: Before and After A.A. Akhmatova. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2023. 204 p.	202
<i>Saveljeva O.M.</i> Review of the Book: <i>A Textbook of Ancient Greek</i> by Marina N. Slaviatinskaya. 3rd ed., corrected and amended. Moscow, FLINTA Publ., 2022. 732 p.	207

ACADEMIC LIFE

<i>Mironova N.I., Kedrova G.E.</i> International Scientific Conference “General and Applied Phonetics: On the 100 th Anniversary of the Birth of Professor Lyubov Vladimirovna Zlatoustova”	212
<i>Golubkov M.M., Semina A.A.</i> VIII International Conference “Russian Literature of 20 th –21 st Centuries as a Whole Process (Issues of Theoretical and Methodological Research)”	219

СТАТЬИ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ, СУБЪЕКТ ИСТОРИИ И СУБЪЕКТ-ИСТОРИК: К ПРОБЛЕМЕ ТЕКСТОВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

М.Ю. Сидорова, Ли Гуаньяо

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; sidorovadoma@mail.ru; liguanyaao767@gmail.com

Аннотация: В статье дан список текстовых тактик репрезентации исторического времени, выявленных при анализе русскоязычных учебников по истории Китая, отмечена их универсальность и национальная специфика, проанализированы две ключевые тактики, связанные с взаимодействием позиций субъекта-историка (модусной) и субъектов истории (диктумной и модусной). Это 1) вариативность точки отсчета на шкале времени — ее движение по воле историка от современности до глубокой древности; 2) дифференциация или слияние позиций внетекстового модусного субъекта — историка и внутритекстовых субъектов истории, которые, помимо диктумной роли (участие в событиях), могут играть и модусную (оценка, свидетельствование, планирование событий и т. п.). Лингвистический анализ подтверждает постулированные в работах историков, философов, культурологов характеристики исторического времени и его отличия от календарного времени — социальный характер, связь с ценностными категориями и целеполаганием, с нарративной интригой, категориями субъекта и пространства, разграничение концепций «Время-1» и «Время-2». «Изменение» как главный герой истории проявляется не только в динамике событий, но и в динамике точек зрения на них. Рассмотрена роль конкретных языковых средств (в частности, прилагательных и наречий *временный, временно, вовремя, некоторое время, позже, последующий, прежний, новый, древний* и др.; существительных с темпоральным компонентом значения типа *предание, пережиток*; предложно-падежных синтаксем и т. п.) в организации нелинейного, социально обусловленного и событийно наполненного исторического времени как текстового конструкта. Для объяснения предложений, в которых время события локализуется относительно времени другого события и относительно современности, вводится понятие «тройной временной связки».

Ключевые слова: русский язык; историческое время; история Китая; текстовые тактики

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-1

Для цитирования: Сидорова М.Ю., Ли Гуаньяо. Историческое время, субъект истории и субъект-историк: к проблеме текстового представления // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 9–19.

HISTORICAL TIME, THE SUBJECT OF HISTORY AND THE SUBJECT-HISTORIAN: ON THE PROBLEM OF TEXTUAL REPRESENTATION

Marina Sidorova, Li Guanyao

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; sidorovadoma@mail.ru;
liguanyao767@gmail.com*

Abstract: The article provides a list of textual tactics of representing historical time, identified in the analysis of Russian-language textbooks on the history of China, their universality and national specificity are noted, two key tactics related to the interaction of the positions of the subject-historian (*modus*) and subjects of history (*dictum* and *modus*) are analyzed. These are 1) the variability of the reference point on the time scale — its movement according to the will of the historian from modernity to ancient times; 2) the differentiation or fusion of the positions of an extra-textual *modus* subject — historian and intra-textual subjects of history, which, in addition to a *dictum* role (participation in events), can also play a *modus* role (assessment, witnessing, planning events, etc.). Linguistic analysis confirms the characteristics of historical time postulated in the works of historians, philosophers and cultural historians, and its differences from calendar time — social character, connection with value categories and goal-setting, with narrative intrigue, categories of subject and space, differentiation of the concepts of “Time-1” and “Time-2”. “Change” as the main character of history is manifested not only in the dynamics of events, but also in the dynamics of points of view on them. The role of specific linguistic means (in particular adjectives and adverbs *temporary, temporarily, in time, some time, later, subsequent, former, new, ancient*, etc.; nouns with a temporal component of meaning, such as *tradition, relic*; noun forms, etc.) in the organization of nonlinear, socially conditioned and event-filled historical time as a text construct is considered. To explain the sentences in which the time of an event is localized relative to the time of another event and relative to modernity, the concept of a “triple time bundle” is introduced.

Keywords: Russian language; historical time; history of China; text tactics

For citation: Sidorova M.Yu, Li Guanyao (2025) Historical Time, the Subject of History and the Subject-Historian: On the Problem of Textual Representation. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 9–19.

Историческое время — фундаментальное понятие в области исторических и социальных наук. Оно представляет собой сложное и многомерное явление, которое не ограничивается лишь линейной последовательностью событий, но имеет когнитивную, символическую и социальную значимость. Понимание исторического времени влияет на понимание истории в целом и общества. Так, И.М. Савельева и А.В. Полетаев в работе «Теория исторического знания» показывают, что понятие исторического времени совмещает два подхода к времени, сформированные человечеством: «Время-1», которое

«представляется как некая среда, в которой происходит движение (изменение)», и «Время-2» — «нечто движущееся (меняющееся)» [Савельева, Полетаев 2008: 61]. Соответственно, «обращение к концепции “Время-1” выражается в попытках “заполнить” время событиями» [Савельева, Полетаев 2008: 69], оно связано с фигурой «наблюдателя», модусного субъекта, организующего эти события в хронологии и способного мыслить о них одновременно. «Время-2» связано с действующими субъектами исторического процесса, для которых и мимо которых оно неумолимо течет из прошлого в будущее (в этот процесс вовлекается и модусный субъект — историк, постольку, поскольку мимо него время также протекает). Историческое время не равно времени календарному: длительный период календарного времени может оказаться практически ничтожен в историческом смысле, при этом за незначительный отрезок календарного времени общество может проделать огромный путь во времени историческом. Историческое время социально и «определено» конкретно-исторической деятельностью людей. Календарное время однократно и однонаправленно, в историческом возможны цикличность, повторяемость, «движение вспять» [Барг 1984]. Действительность историческому времени придает именно его социальный характер: «Историческое время — это, прежде всего, время истории как реального процесса, содержанием которого являются события, из которых соткана жизнь человечества, отдельных народов, социальных групп и общностей, отдельных индивидов, событий, за которыми стоят действия людей, их стремления, интересы, цели, чувства...» [Корягина 2008: 541]. Историческое время отражает и непрерывность жизни общества, и ее дискретность, разделенность на интервалы [Там же].

И эта непрерывность, и эта дискретность, и другие свойства исторического времени придаются ему сознанием человека, который пишет историю. Историческое время — инструмент для создания **образа** прошлого [Герасимов 2018]. И.К. Калимонов и М.В. Байтеева, анализируя герменевтические подходы П. Рикёра и Р. Козеллека, подчеркивают важность вовлеченности историков в конструирование исторического времени [Калимонов, Байтеева 2011]. Н.В. Гриценко убедительно показывает, что для прояснения содержательной и концептуальной сущности исторического времени требуется обращение к анализу понятий «исторический факт», «историческое событие», «историческое изменение», изучение хронотопа и различение моментного и интервального компонентов времени, а также понимание того, что историческое время конструируется на основе понятия об «исторической ценности» [Гриценко 2004]. В социальном измерении З.А. Чеканцева различает субъективное и объ-

ективное восприятие времени, подчеркивая значимость времени как инструмента и контекста исторической работы. Историческое время выступает при этом как междисциплинарный объект [Чеканцева 2010].

Что же объединяет все перечисленные исследования, демонстрирующие общий современный вектор рассмотрения исторического времени? Во-первых, то, что в них историческое время понимается как продукт, с одной стороны, интеллектуальной деятельности историка, пишущего историю (модусного субъекта), с другой — социальной деятельности субъектов исторического процесса, творивших историю (диктумных субъектов). Во-вторых, то, что историческое время трактуется в них как время социальное, то есть время событий, происходящих в социуме, шагов, которые этот социум делает в том или ином направлении, с той или иной скоростью, в определенной последовательности. В-третьих, то, что, являясь когнитивным конструктом, историческое время включает не просто отражение реальности, но ее определенное понимание, в основе которого лежит интенция, целеполагание автора текста. Из сказанного вытекает целесообразность лингвистического анализа средств вербализации времени в историческом тексте, выходящего на уровень обобщений, касающихся тактик и стратегий порождающего текст субъекта.

Как и в предыдущей нашей статье [Сидорова, Гуаньяо 2024: 407–411], в качестве **материала** мы используем учебники по истории Китая для российских вузов¹.

Актуальность темы связана не только с повышенным интересом к китайской проблематике в современном научно-образовательном пространстве, но и со спецификой дисциплины «История Китая», которая позволяет выявить как общие для исторического текста, так и национально обусловленные характеристики. Эта специфика состоит, по крайней мере, в трех параметрах. Это 1) древность китайской цивилизации, что дает возможность рассматривать наш объект на большой исторической протяженности; 2) сочетание в интерпретации истории Китая разными авторами линейного и циклического подходов; 3) ценностная ориентация традиционной китайской историографии, на которую опираются и современные историки. «Обычно каждая новая династия после своего утверждения на престоле создавала комиссию профессиональных историков, в задачу которых входило написание истории предшествующей ди-

¹ Если эти учебники цитируются как научные источники, ссылки на них оформляются соответствующим образом, если служат источниками примеров, то обозначаются первой буквой фамилии (первого) автора, например, С — Симонская, М — Меликсетов.

настии... Они составлялись высококвалифицированными специалистами, стремившимися достаточно объективно изложить исторические события предшествующей династии и подвести читателя к выводам, которые должны были подтвердить легитимность правящей династии. Естественно, что доказательство легитимности новой династии подчас требовало новой интерпретации и событий далекого прошлого... Однако это “переписывание” истории происходило при строгом соблюдении накопленной веками конфуцианской этики и дидактики, нравоучительной заданности: история всегда должна была подтверждать, что небесную санкцию на управление Китаем (Поднебесная империя) может получить только тот, кто обладает наивысшей благодатью-добродетелью дэ» [Меликсетов et al. 2002: 3–4].

Безусловно, современный российский историк, автор учебника, работает в рамках другой модели. Но в любом случае он создает текст, в котором «конфигурирующий акт построения интриги сочетается со способами объяснения/понимания при репрезентации прошлого» [Рикер 2004: 260], а важнейшим инструментом этой конфигурации и объяснения служит взаимодействие категорий времени и субъекта. В чем же состоят базовые текстовые приемы этого конструирования и какими языковыми средствами они реализуются? Ответ на этот вопрос составляет **цель** данной статьи.

Выстраивая нарративную интригу и организуя движение исторического времени в историческом тексте, автор осуществляет селекцию и комбинацию языковых средств в рамках целого ряда текстовых тактик [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998], выходящих далеко за пределы простого расположения событий в хронологической последовательности (или одновременности). Изучение конкретных языковых средств и приемов построения текста в нашем материале позволило выделить следующие тактики историка — автора учебника (этот автор может быть и коллективным).

1. Вариативность точки отсчета на шкале времени — ее движение по воле историка от современности до глубокой древности.

2. Разделение или слияние позиций внетекстового модусного субъекта — историка и внутритекстовых субъектов истории, которые, помимо диктумной роли (участие в событиях), могут играть и модусную (оценка, свидетельствование, планирование событий и т. п.).

3. Сочетание различных принципов интервального членения хронологической шкалы — общеисторических и специфичных для истории Китая: календарного (*год, десятилетие, век* и т. п.), стадийного (*этап, период, стадия, цикл, эпоха*), событийного (*довоенный/послевоенный, в эпоху X*).

4. Управление динамикой действия, длительностью событий и промежутков между ними, как бы «не заполненных» событиями.

5. Варьирование точности указания на время события (от минут до тысячелетий).

6. Взаимодействие между категориями времени и пространства с учетом позиции субъектов истории и субъекта-историка.

7. Делинеаризация исторического времени, в том числе с помощью разнообразных приемов «забегания» вперед и «оглядки» в прошлое.

8. Операции с категориями «новое — старое» и «впервые» (*первый*) с целью реализовать определенную идею исторического прогресса.

9. Указание на типичность или частотность, повторяемость (качественную или количественную) события или признака.

10. Положительная или отрицательная оценка того или иного исторического интервала или момента времени с точки зрения всего социума или его части.

11. Фокусировка на отдельном субъекте истории, приводящая к выстраиванию исторического времени вокруг событий, связанных с ним.

12. Взаимосвязанное выражение темпоральных отношений и причинно-следственных, целевых, уступительных.

Объем статьи позволяет рассмотреть две первых тактики, которые, вероятно, являются ключевыми.

1. Вариативность точки отсчета на шкале времени и направления взгляда из этой точки (вперед или назад).

Историк волен назначить точкой отсчета любой момент или интервал на линии времени — от современности до глубокой древности — и в соответствии с этим оперировать темпоральными показателями *предыдущий, последующий (последовавший), следующий, прежний, старый, давно, новый* и под.

Как и в *предыдущий* период, революционная борьба в городе и в деревне развертывалась неравномерно (С); Его учение стало ортодоксальной идеологией господствующего класса в *последовавшие* века (С); *Следующий* поход, возглавленный китайским полководцем Су Дин-фаном, привел в 657 г. к полному поражению Западного каганата (С) — в подобных примерах хорошо ощутима концепция «Время-1», автор учебника имеет возможность как бы «одновременно» смотреть на два похода на Западный каганат — второй из них называется следующим именно потому, что в поле зрения историка одновременно удерживается и первый.

Славу и известность сунской культуре обеспечила ее глубокая органичная приверженность *древней* культурной традиции, зачатую *по-новому* осмысленной (Б) — культурная традиция характеризуется как *древняя* (уходящая далеко в прошлое) по отношению к эпохе Сун, которая ее *по-новому* осмысляет.

Первый минский император, использовавший советы конфуцианских ученых, хотел решить эту задачу аграрными мероприятиями,

напоминавшими **стародавнюю** надельную систему (С) — система является *стародавней* по отношению к тому моменту, когда ее хотел возродить первый минский император, а характеристика императора как *первого* говорит о том, что за ним последуют и другие.

Феодалы, войска, горожане Кайфына поддержали **нового** правителя, желая прекращения междоусобиц и объединения страны (С); Группировка сановников совершила дворцовый переворот и возвела на престол родственника **прежнего** императора — Ван Мана (С) — новый правитель со временем становится *прежним*, а *прежний* когда-то был *новым*, появление первого или второго прилагательного рядом с его номинацией зависит от того, в какой момент исторического времени, в связи с каким событием автор считает нужным упомянуть о нем, чтобы подчеркнуть историческую непрерывность или дискретность.

На смену власти тобийских правителей в северо-восточном государстве Ци и в северо-западном — Чжоу пришли китайцы. Боеспособное тобийское конное войско **давно** перестало существовать (С) — войско перестало существовать *давно* по отношению к приходу к власти китайцев, а не к современности. По отношению к нашим дням приход к власти в Ци и Чжоу китайцев и исчезновение тобийского конного войска произошли одинаково давно — речь идет о второй половине VI в. Но в текстах учебников показатель *давно* для локализации событий относительно нашего времени не используется.

Древность в китайской истории не просто протяженна, она многослойна. На каждом этапе древней истории Китая есть нечто, что социумом этого этапа по отношению к нему уже осмысливается как древность. Древнее по отношению к нашей современности опирается на более древнее и древнейшее: *В древнекитайских мифах и исторических преданиях содержатся указания на то, что «в древности люди знали мать и не знали отца»* (С). За *древнекитайскими* мифами уже стоит период, который воспринимается во время их создания как *древность*. О I в. н. э. сообщается: *Ученые выполнили поистине колоссальную текстологическую работу над древними памятниками* (С), при этом памятники самого I века также считаются *древними* (относительно нашего времени). Прилагательное *древний* используется в текстах учебников как в значении «существовавший в далеком прошлом и более не существующий», так и в значении «возникший давно, очень старый», причем в некоторых случаях для разграничения этих значений требуются специальные знания, например: *Полководцы южного царства, применив хитрость в стиле древнего классического военного искусства Китая, нанесли полчищам Фу Цзяня жестокое поражение* (С).

2. Разделение или слияние позиций внетекстового модусного субъекта — историка и внутритекстовых субъектов истории, кото-

рые, помимо диктумной роли (участие в событиях), могут играть и модусную (оценка, планирование событий и т. п.).

Диктумные субъекты, находящиеся в потоке событий «Времени-2», не ведают будущего, не обладают знанием того, как долго будет продолжаться то или иное событие и когда оно закончится. Автор, локализуя событие на хронологической оси и относительно других событий, может добавить его характеристику по длительности, которая не могла быть известна участникам события на момент его начала: *И начались **долгие** переговоры с чиновниками Ведомства Церемоний (С); После смерти У-ди, Китай вступил в **длительный** период стагнации (С).* В тот момент, когда переговоры начались, еще не было известно, что они будут долгими. *После смерти У-ди* (темпоральная локализация) в Китае начался период стагнации, но то, что он был длительным, стало ясно значительно позже. Автор говорит об этом, потому что это важно для оценки событий с точки зрения исторического времени.

На эту тактику работают прилагательное *временный*, наречие *временно* и выражение *некоторое время*: *Тяжелое поражение революционных сил в 1927 г. привело к **временному** спаду политической активности рабочего класса и крестьянства (С); Но вскоре императрицей стала У Цзэ-тянь (У Хоу), которая **временно** устранила законных наследников (С); Вэй Чан-хуй захватил **на некоторое время** власть в Нанкине (С).* Они обслуживают взгляд назад из более позднего момента истории, чем тот, на котором находится повествователь в данной точке текста. Констатация, что устранение законных наследников было *временным*, подразумевает, что позднее ситуация изменилась. Субъект речи — автор учебника — знает историю «до конца» и реализует это знание в выборе языковых средств, который дает еще один, дополнительный эффект — компактность изложения. В одно предложение как бы стягиваются эксплицированная ситуация (Х захватил власть) и ее «отмена» (Х лишился власти). Аналогичную роль играют маркеры *вначале*, *первоначально*, *первое время*.

С увеличением количества модусных субъектов усложняется и временной план: *Арабские историки Абу Саид и Масуди, **жившие позднее, в следующем веке**, рассказывали о стычке жителей местного иностранного поселения с повстанцами, но китайские источники умалчивают об этом (С).* Здесь три субъекта мысли (автор учебника, арабские историки и китайские источники), при этом автор, с одной стороны, смотрит на ситуацию со своей точки отсчета (он знает содержание арабских и китайских источников), с другой — в качестве темпорального ориентира использует момент *стычки*. Возникает некоторый парадокс: относительно автора араб-

ские историки — в прошлом, что манифестируется прошедшим временем глагола и причастием совершенного вида, а относительно события (стычки) и его участников — в будущем (*позднее, в следующем веке*), и обе позиции совмещаются в предложении. Ср. аналогичные тактические приемы в другом учебнике: *Китайские историки назвали это время периодом Троецарствия, короткая история которого овеяна в китайской традиции ореолом рыцарского романтизма. О войнах между тремя царствами сохранилось много преданий, которые **позже были положены в основу** большого литературного романа Ло Гуань-чжуна «Троецарствие», **написанного тысячелетие спустя*** (Б) — рядом с субъектом — автором учебника — в этом фрагменте возникают китайские историки, безымянные «авторы» преданий (при этом существительное *предание* в силу своего словарного значения, включающего компонент «из поколения в поколение», маркирует большую продолжительность времени) и романист Ло Гуань-чжун. И здесь мы снова видим сочетание причастия совершенного вида с темпоральным маркером *тысячелетие спустя*, которое ориентирует время написания романа и относительно нашей современности, и относительно периода Троецарствия. Типичная для исторического текста тактика, которую можно назвать «тройной временной связкой». В целом история Китая раскрывается в исследованных нами текстах не только как история дел, но и как история мыслей, запечатленных в текстах, переосмысливавшихся и перереформулировавшихся тысячелетиями.

Диктумные субъекты истории могут в тексте учебника «заглядывать в будущее» с помощью интенциональных предикатов, сообщающих об их планах, намерениях, надеждах. Некоторые из их планов сбываются, другие нет, о чем опять же известно не им, но автору: *Готовившееся здесь выступление должно было быть частью общекитайского восстания, планировавшегося Объединенным союзом. Однако выступление **пришлось начать неожиданно*** (М).

Историк и субъекты истории могут по-разному оценивать течение исторического времени, своевременность или несвоевременность событий. При этом одни и те же лексемы могут выражать позицию разных субъектов. Например, слово *пережиток*, имеющее отрицательную коннотацию. Ср.: *Никаких иных божеств и храмов в их честь чжоуская религиозная система не знала, хотя на низшем своем уровне была знакома... с анимистическим поклонением явлениям природы, с **пережитками тотемизма, магией, знахарством и т. п.*** (М) — здесь слово *пережитки* принадлежит субъектной сфере автора, сами чжоусцы не считали свои религиозные воззрения *пережитками тотемизма; Отказавшись от участия в обработке ритуального большого поля (т. е. показав свое отношение к системе*

больших полей как к **пережитку** прошлого), взамен он ввел налог в виде десятины (М) — здесь принципиальное значение имеет отнесенность слова *пережиток* к субъектной сфере правителя, что объясняет причину проведения им реформ.

В заключение следует отметить, что перечисленные тактики а) действуют во взаимосвязи на всем протяжении текста (выстраивая последовательность событий, историк одновременно управляет динамикой действия, точками зрения и точкой отсчета, добавляет причинно-следственные смыслы, проводит свою идею прогресса, выстраивает хронотоп и т. п.); б) не просто обеспечены соответствующими языковыми средствами, а, как можно предположить, имеют с этими языковыми средствами общую когнитивную обусловленность, отражая взгляд человека говорящего не только на историю, но на категории времени, события, пространства, субъекта в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.
2. Герасимов Г.И. Историческое время // *Философия и культура*. 2018. № 4. С. 28–38.
3. Гриценко Н.В. Историческое время в социально-философском контексте. АКД. Таганрог, 2004.
4. Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
5. Калимонов И.К., Байтеева М.В. Понятие «Историческое время» и творчество историка: взгляды П. Рикёра и Р. Козеллека // *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*. 2011. 153 (3). С. 255–266.
6. Корягина Е.А. К проблеме определения исторического времени // *Вестник Башкирского университета*. 2009. Т. 14. № 2. С. 538–542.
7. Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004.
8. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. СПб., 2008.
9. Сидорова М.Ю., Ли Гуаньяо. Языковые средства выражения времени в историческом нарративе (на материале российских учебников по истории Китая) // *Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология*. 2025. № 1. С. 70–81.
10. Чеканцева З.А. Время историка // *Образы времени и исторические представления. Россия–Восток–Запад*. М., 2010. С. 66–78.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Буддыгерова Л.Н. История Китая: учебное пособие. Хабаровск, 2016.
2. Меликсетов А.В. История Китая: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002.
3. Симоновская Л.В. История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.

REFERENCES

1. Barg M.A. Kategorii i metody istoricheskoy nauki [Categories and Methods of Historical Science]. Moscow, 1984. (In Russ.)
2. Gerasimov G.I. Istoricheskoe vremya [Historical Time]. *Filosofiya i kultura*, 2018, no. 4, pp. 28–38. (In Russ.)
3. Gritsenko N.V. Istoricheskoe vremya v sotsial'no-filosofskom kontekste [Historical Time in the Socio-Philosophical Context]. Dissertation, Taganrog, 2004. (In Russ.)

4. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, 1998. (In Russ.)
5. Kalimonov I.K., Bayteeva M.V. Ponyatie “Istoricheskoe vremya” i tvorchestvo istorika: vzglyady P. Rikera i R. Kozelekka [The Concept of “Historical Time” and the Historian’s Creativity: Views of P. Ricoeur and R. Koselleck]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2011, vol. 153, no. 3, pp. 255–266. (In Russ.)
6. Koryagina E.A. K probleme opredeleniya istoricheskogo vremeni [On the Problem of Defining Historical Time]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2009, vol. 14, no. 2, pp. 538–542. (In Russ.)
7. Ricoeur P. *Pamyat’, istoriya, zabvenie* [Memory, History, Forgetting]. Moscow, 2004. (In Russ.)
8. Saveleva I.M., Poletaev A.V. *Teoriya istoricheskogo znaniya* [Theory of Historical Knowledge]. Saint Petersburg, 2008. (In Russ.)
9. Sidorova M.Yu., Li Guanyao. *Toponimy v tekstakh rossiyskikh uchebnikov po istorii Kitaya (po dannym chastotnogo analiza)* [Toponyms in the Texts of Russian Textbooks on the History of China (Based on Frequency Analysis Data)]. *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniye*. 2024, no. 3, pp. 407–411. (In Russ.)
10. Chekantseva Z.A. *Vremya istorika* [The Historian’s Time]. *Obrazy vremeni i istoricheskije predstavleniya. Rossiya–Vostok–Zapad*, Moscow, 2010, pp. 66–78. (In Russ.)

SOURCES OF EXAMPLES

1. Buldygerova L.N. *Istoriya Kitaya: uchebnoe posobie* [History of China: a textbook]. Khabarovsk, 2016. (In Russ.)
2. Meliksetov A.V. *Istoriya Kitaya: uchebnik. 2-e izd., ispr. i dop.* [History of China: a textbook. 2nd ed., revised and enlarged]. Moscow, 2002. 736 p. (In Russ.)
3. Simonovskaya L.V. *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of China from ancient times to the present day]. Moscow, 1974. 7 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 09.09.2024

Принята к публикации 18.02.2025

Отредактирована 01.03.2025

Received 09.09.2024

Accepted 18.02.2025

Revised 01.03.2025

ОБ АВТОРАХ

Сидорова Марина Юрьевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; sidorovadoma@mail.ru

Ли Гуаньяо — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; liguanyao767@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Marina Sidorova — Prof. Dr., Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; sidorovadoma@mail.ru

Li Guanyao — PhD student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; liguanyao767@gmail.com

АВТОР, ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Н.И. Клушина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; nklushina@mail.ru

Аннотация: В современную цифровую эпоху для стилистики раскрываются широкие научные перспективы, связанные с появлением искусственного интеллекта (ИИ) как нового типа автора. В исследовании анализируются базовые для русской стилистики концепции образа автора В.В. Виноградова и языковой личности Ю.Н. Караулова, которые получают новую трактовку в связи с технологической революцией в языке, порожденной внедрением в коммуникацию искусственного интеллекта. Выдвигается гипотеза, что существующие в научном поле понятия *дискурсивная языковая личность*, *дискурсивно-информационная языковая личность*, *сетевая личность* суть разновидности *языковой личности*, введенной в научный оборот Ю.Н. Карауловым, а возникший терминологический разнобой объясняется описанием *языковых личностей* в различных типах дискурсов (спортивном, медийном, сетевом и т. п.). Постулируется, что категории образа автора и языковой личности, лежащие в основе русской стилистики, в новую цифровую эпоху объединяются в гуманистическую концепцию авторства, которой противостоит технологическая концепция автора нового типа — искусственного интеллекта. На основе анализа существующей научной литературы и собственных экспериментов по созданию текстов с помощью ИИ делаются выводы о том, что в современном коммуникативном пространстве активно представлены и «работают» два типа авторов — гуманитарный (автор-человек) и технологический (автор — искусственный интеллект). Гуманитарная и технологическая языковые личности формируют три типа языкового пространства — гуманитарное, технологическое и диффузное (гуманитарно-технологическое). Предварительно можно утверждать, что появление искусственного интеллекта открывает для стилистики новые познавательные возможности, а сам искусственный интеллект становится не только технологическим и цивилизационным феноменом, но и стилистическим. Новые перспективы в исследовании проблемы авторства ставят и новые задачи этического, аксиологического и философского уровня, решение которых придает стилистике статус интегративной трансдисциплинарной науки. Цивилизационный слом, инспирированный искусственным интеллектом, можно рассматривать как новое «осевое время», черты которого наиболее ярко просматриваются через призму именно стилистики.

Ключевые слова: автор; образ автора; языковая личность; искусственный интеллект; стилистика цифровой эпохи

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-2

Для цитирования: Клушина Н.И. Автор, языковая личность и искусственный интеллект // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 20–31.

AUTHOR, LINGUISTIC PERSONALITY AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

N.I. Klushina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; nklushina@mail.ru

Abstract: In the modern digital age, the wide scientific perspectives for stylistics are revealed due to the emergence of Artificial Intelligence (AI) as a new type of author. The study analyses the concepts of author's image introduced by V.V. Vinogradov and of linguistic personality introduced by Yu. N. Karaulov, which receive a new interpretation in connection with the technological revolution in language caused by the introduction of artificial intelligence into communication. The hypothesis is put forward that the concepts of discursive linguistic personality, discursive-informational linguistic personality, network personality existing in the scientific field are the varieties of Yu.N. Karaulov's linguistic personality, and the terminological discrepancy arising is explained by the description of linguistic personalities in different types of discourses (sports, media, network, etc.). It is postulated that the categories of the author's image and linguistic personality, which constitute the conceptual basis of Russian stylistics, in the new digital era are united in the humanistic concept of authorship, which is opposed by the technological concept. Based on the analysis of the existing scientific literature and our own experiments on creating texts with the help of AI, we conclude that two types of authors are actively represented and 'work' in the modern communicative space — humanitarian (human author) and technological (artificial intelligence as an author). Humanitarian and technological linguistic personalities form three types of linguistic space — humanitarian, technological and diffuse (humanitarian-technological). Preliminarily, it can be stated that the emergence of artificial intelligence opens new cognitive possibilities for stylistics, and artificial intelligence itself becomes not only a technological and civilisational phenomenon, but also a stylistic one. This situation opens new perspectives for stylistics in the study of the problem of authorship and poses new ethical, axiological and philosophical challenges, dealing with which gives stylistics the status of an integrative transdisciplinary science. Civilisational breakdown, inspired by artificial intelligence, can be considered as a new 'axial time', the features of which are most clearly seen through the prism of stylistics.

Keywords: author; author's image; linguistic personality; artificial intelligence; stylistics of the digital age

For citation: Klushina N.I. (2025) Author, Linguistic Personality and Artificial Intelligence. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 20–31.

1. Постановка проблемы

Последняя технологическая революция в языке, связанная с развитием и внедрением в человеческую коммуникацию искусственного интеллекта (ИИ) [Клушина 2023], открывает перед стилистикой новые познавательные возможности. Обозначим некоторые из них, которые пока еще в первом приближении будут рассмотрены в данном исследовании:

1. ИИ для стилистики стал новым типом автора, который мы определяем как *технологическую языковую личность*.

2. ИИ сегодня научился пользоваться коллективными стилями (в первую очередь функциональными) и соблюдать жанровые каноны. В данной области он начинает соперничать с автором-человеком.

3. Языковое пространство, которое изучает стилистика, перестало быть исключительно гуманитарным, человеческим, оно разделилось на три области: гуманитарную (демиург — человек), технологическую (генератором которой является ИИ) и диффузную (гуманитарно-технологическую), в которой присутствуют соавторы: человек и ИИ или ИИ и человек (в разных пропорциях).

2. Методы и методика анализа

Исходя из этих поставленных задач целью нашего исследования стала разработка оригинальной концепции авторства в современной коммуникации и концепции профилирования языкового пространства на основании включения в него искусственного интеллекта (ИИ) как нового типа автора.

В своей работе мы опирались на базовые стилистические концепции образа автора В.В. Виноградова [Виноградов 1959, 1971] и языковой личности Ю.Н. Караулова [Караулов 2004]. Также мы учитывали современные концепции *дискурсивной личности*, *дискурсивной языковой личности*, *информационно-медийной языковой личности*, *сетевой личности* и др., развивающие идеи Ю.Н. Караулова на современном эмпирическом материале. Для выдвижения гипотезы и постулирования собственной стилистической концепции мы исходили из авторской научной рефлексии, а также из предшествовавшего собственного научного опыта. Значимыми для нас были идеи С. Гайды в области общей стилистики, а также Б. Тошовича в области интернет-стилистики, генераторской стилистики и стилистики виртуальности. Плодотворным опытом стала и работа Стилистической комиссии Международного комитета славистов, в рамках которой дискутировались новейшие направления современной стилистики, что также влияло на выработку авторского стилистического мировоззрения.

В исследовании, помимо предложенных еще В.И. Вернадским общенаучных методов наблюдения и обобщения, использовались традиционные стилистические методы и методики анализа контента. Эмпирический материал получали методом случайной выборки из контента российских СМИ и социальных медиа. Для изучения роли искусственного интеллекта в генерировании текстов применяли лингвистические эксперименты, поставленные с помощью авторских запросов различным чатам-GPT, разработанным на базе отечественной поисковой системы «Яндекс» и мессенджера «Телеграм».

3. Автор и его языковая репрезентация

Существует множество научных подходов, в которых предпринимаются попытки понять, как личность отражается в языке.

Классической для русской стилистики стала концепция «образ автора» академика В.В. Виноградова. Основой для нее послужили тексты высокой культуры — произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя и др. Сам термин принадлежит В.В. Виноградову. Под ним он понимал «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчицами и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [Виноградов 1971: 3].

Эта концепция широко обсуждалась в филологической науке середины XX века, расширялась или сужалась, уточнялась (напр., в работах Б.М. Эйхенбаума, В.М. Жирмунского, Д.С. Лихачёва и др.), дискутировалась (например, в исследованиях М.М. Бахтина). В XXI веке данная идея В.В. Виноградова об образе автора художественного текста получила развитие в теории языковой личности Ю.Н. Караулова и других последовавших за ним российских лингвистов.

В концепции В.В. Виноградова отразился холистический подход, присущий русской исследовательской традиции, в концепции Ю.Н. Караулова — аналитический. Если В.В. Виноградов шел от текста к личности его автора, то Ю.Н. Караулов вначале сформулировал структуру языковой личности, а потом рассматривал ее реализацию в созданных ею текстах.

Ю.Н. Караулов под языковой личностью подразумевал «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [Караулов 2004: 35] и выделял в структуре языковой личности три уровня [Караулов 2004: 37]:

- 1) нулевой, или вербально-семантический (лексико-грамматический);
- 2) первый, или лингвокогнитивный;
- 3) второй, или мотивационный.

Такое понимание языковой личности позволило в дальнейшем разработать методики поуровневого изучения различных типов языковых личностей, что обеспечило широкое вхождение данной концепции в современную лингвистику. На ее основе сложилась лингвоперсонология, создавшая типологию языковых личностей, или лингвокультурных типажей (напр., С.Г. Воркачев, В.И. Карасик и др.), а также речевое портретирование (напр., О.Н. Паршина и др.), которое сместило акцент с языковой личности на ее речевую репрезентацию и ее речевой портрет.

Но наибольшее значение концепция языковой личности приобрела в работах российских ученых, посвященных описанию различных типов дискурсов, в частности, что интересует нас, медиадискурса.

4. Типы авторов в современной стилистике

Категория образа автора В.В. Виноградова сегодня стала основной категорией идиостилистики. Образ автора, по В.В. Виноградову, проявляется прежде всего в уникальности авторского стиля. Идиостилика как раз и изучает индивидуальные, неповторимые стили выдающихся авторов, часто нарушающих сложившуюся традицию и создающих новые тенденции в использовании общего (коллективного) языка (а в случае, например, с Пушкиным можно говорить и о реформировании языка и стиля эпохи).

Если виноградовский автор уникален, то карауловская языковая личность скорее типизирована. Категория языковой личности Ю.Н. Караулова в современной стилистике стала основой для изучения коллективных стилей — современных журналистов, блогеров, политиков, спортивных комментаторов и других публичных людей, выражающих свое мнение в определенном типе дискурса, накладывающего ограничительные рамки на их публичные дискурсивные практики. Именно поэтому, как нам кажется, в современном научном поле происходит моделирование различных типов языковых личностей, ищутся общие закономерности в их речевой деятельности и описываются характерные особенности, свойственные данному типу языковой личности, с учетом индивидуального языкового употребления (характерных стилистических приемов), не противоречащих в то же время коллективному (интерсубъективному) стилю, принятому для данного типа личностей.

В современном отечественном исследовательском поле фигурируют номинации *коммуникативная языковая личность*, *дискурсивная языковая личность*, *сетевая языковая личность* (напр., Е.Г. Малышева, О.С. Иссерс и др.), манифестирующие коммуникативно-дискурсивный поворот в лингвистике. Медийный поворот был отражен в анализе современного творчества журналистов и блогеров, что добавило

еще несколько терминов — *информационно-медийная языковая личность* (напр., А.В. Болотнов и др.) и *медиаличность* (напр., И.В. Жилавская и др.). Изучение языка интернета включило в терминологическое поле термины *цифровая личность*, *электронная личность*, *дигитальная личность* и *виртуальная личность* [Потапова Р.К., Потапов В.В. 2017; Digital Humanities: Eine Einführung 2017 и др.].

На наш взгляд, все данные термины являются производными от «языковой личности» Ю.Н. Караулова, адаптируя ее к новым экстралингвистическим реалиям и интралингвистическим поворотам. С одной стороны, они конкретизируют предмет исследования, с другой — множат синонимические номинации, не меняя сути. Таким образом, если применить методологический принцип бритвы Оккама, можно говорить о том, что при всем многообразии терминологических вариаций «языковой личности» по сути мы имеем дело не с разными типами языковой личности, а с ее профилированием в коммуникационных средах, то есть в различных типах дискурсов, в частности в медиaprостранстве и в сетевом пространстве как наиболее репрезентативных дискурсах цифровой эпохи.

Дигитальный поворот вводит в научное поле современной стилистики принципиально новую «языковую личность» — искусственный интеллект, которую мы предварительно обозначаем как *технологическую языковую личность*. То есть мы полагаем, что в современной стилистике можно говорить не о множестве вышеперечисленных, а только о двух принципиально различных типах языковой личности — гуманитарной и технологической. Это ставит перед современной стилистикой важные вопросы:

- ИИ как новый тип автора;
- уникальность и/или тривиальность авторского стиля ИИ;
- наличие/отсутствие гуманитарной структуры у сгенерированного нейросетями текста;
- место и роль ИИ в современном языковом пространстве.

Ответы на данные вопросы, лежащие в плоскости не только лингвистики, но и философии, этики, культурологии и других наук, не очевидны и не всегда возможны. Поэтому пока наметим проблемное поле и скорректируем исследовательские задачи. Ограничим себя рамками современной медиакommunikации, оговорив, что в ней сегодня все активнее и эксплуатируется ИИ.

5. Гуманитарное и технологическое языковые пространства

С появлением нового типа языковой личности — ИИ — современное языковое пространство перестает быть безусловно человеческим. Мы вправе сегодня его разделить на гуманитарное (человеческое) и технологическое (роботизированное, искусственное)

языковые пространства исходя из того, какой автор их создавал — человек или ИИ. Также можно выделить диффузную зону, т. е. гуманитарно-технологическое языковое пространство, в котором присутствуют соавторы: человек и ИИ или ИИ и человек (в разных пропорциях). Таким образом, ИИ может существовать в замкнутом технологическом языковом пространстве, создавая и организуя его. А может вторгаться в гуманитарное, человеческое пространство, в том случае когда человек использует ИИ как своего помощника-ассистента или соавтора для определенных утилитарных целей — например, написания некреативных текстов или анализа больших данных.

В гуманитарном языковом пространстве современного медиадискурса сформировались и активно функционируют две актуальные коммуникативные модели: нормативная коммуникативная модель [Клушина 2024] и креативная коммуникативная модель [Клушина 2023]. Первая, нормативная модель распространена в официальном сегменте интернета и настроена на сложившиеся языковые и коммуникативные нормы. Она сохраняет традиции литературного языка и ориентируется на устоявшиеся каноны речевого поведения. Мы ее наблюдаем в официальных медиа при создании новостного контента, репортажей и отчетов с официальных мероприятий и в других стандартизированных медиажанрах. Тип автора, который проявляется в данной модели, — это человек-журналист, носитель литературного языка, ориентированный на информирование общества и воздействие на него с помощью выработанных традицией языковых средств и стилистических приемов. Например:

В Москве строят новую штаб-квартиру «Яндекса» с пятью подземными этажами

В Москве на улице Косыгина неподалеку от метро «Воробьевы горы» кипит стройка. Сначала там снесли гостиницу «Корстон», известную в советское время как «Орленок». Сейчас тут возводят новую штаб-квартиру «Яндекса» — здание из нескольких крыльев, которое будет не только оригинально выглядеть, но и вместит в себя много функций... (из «Российской газеты»).

Вторая, креативная коммуникативная модель стала общепринятой в неофициальном сегменте интернета, то есть в соцсетях и мессенджерах. Данная модель в первую очередь реализует креативную функцию языка, ориентируясь на творческое нарушение нормы. Наиболее показательными в данном сегменте интернета становятся коммуникативные реакции пользователей в комментариях, которые как раз и создают особую коммуникативную модель, включающую новый, мультимедиаальный код языка, знаки новой устности и окказиональное словотворчество [Клушина 2023]. Здесь,

в сетевом креативном пространстве, сложился особый тип авторства, который я называю «коллективный Пушкин», поскольку по своему влиянию на язык творчество пользователей Сети сродни роли Пушкина для развития национального языка. Креативный сетевой узус, который формирует «коллективный Пушкин», служит обновлению языковых средств выражения мысли и созданию новых стилистических возможностей для передачи эмоций и обертонов. Как пример, приведем реакции пользователей Сети под текстом о новом офисе «Яндекса» в Москве:

- *Ахаха, на реальной фотке действительно не очень убедительно.*
- *Согласен, какой-то мегахрущ строят, немного не соответствует передовой IT-компани*
- *Яндекс. Хрущевка*
- *Помимо «кафе, аптек, салонов красоты и другого бизнеса» в самом здании работать-то будет кто-то? Ирония (-:*

Данные коммуникативные модели — нормативная и креативная — используются в гуманитарном языковом пространстве.

Третья коммуникативная модель (нейросетевая, или технологическая коммуникативная модель) — это «творчество» ИИ. ИИ в медиапространстве возвращает нас к норме и традиции, поскольку используется в основном для генерирования стандартизированного контента. Он уже успешно применяется в медиа — в качестве виртуального диктора, для прогнозов погоды (напр., Снежанна Туманова на Кубанском телевидении [см. Журналистика 2024]), для написания новостей и отчетов. В некреативных жанрах авторство ИИ трудно определить, если оно не маркировано. И даже в так называемой креативной индустрии (в рекламе) ИИ справляется с созданием рекламных текстов порой не хуже рекламиста-человека, поскольку следует жанровым нормам рекламы и ее стандартным и частотным рекламным выразительным приемам. Например, на наш запрос написать рекламу однокомнатной квартиры в Москве чат-GPT «Яндекса» сгенерировал следующий текст:

*****Роскошная однокомнатная квартира в сердце Москвы*****

Ищите идеальную квартиру в самом центре столицы? У нас есть невероятное предложение, которое нельзя пропустить!

*****Ключевые особенности:*****

** Просторная жилая площадь 40 кв. м*

** Панорамные окна с захватывающим видом на город*

** Кондиционер и система «умный дом» для максимального комфорта*

Не упустите возможность стать владельцем этой эксклюзивной квартиры в самом сердце Москвы.

Такая модель функционирует в технологическом языковом пространстве и мимикрирует под нормативную гуманитарную коммуникативную модель.

В диффузном гуманитарно-технологическом языковом пространстве формируется гуманитарно-технологическая коммуникативная модель, в которой присутствует как человек, так и искусственный интеллект. Например, в следующем тексте зачин создан человеком, а остальной текст производится ИИ:

Будет ли нужен журналист в будущем или ИИ сможет его заменить? Рассмотрим прогнозы, которые формулирует сам ИИ:

Роль журналистов в будущем будет зависеть от ряда факторов, включая развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) и меняющиеся потребности общества.

Возможные сценарии:

1. Журналисты и ИИ будут работать вместе:

** ИИ может помочь журналистам собирать и анализировать большие объемы данных, выявлять тенденции и проверять факты.*

** Журналисты могут сосредоточиться на интерпретации и представлении информации, а также на создании повествований, которые резонируют с аудиторией.*

2. ИИ может автоматизировать определенные задачи:

** ИИ может генерировать новости, сводки и отчеты на основе данных.*

** Это может освободить журналистов для более творческих и аналитических задач, таких как расследования и интервью.*

6. Предварительные итоги и постановка вопросов

Г.М. Макклэун описал внешние расширения человека, которые происходят с помощью усовершенствования технологий: колесо — расширение функций ноги, телевидение — глаза и т. п. [Макклэун 2003]. В таком понимании ИИ — это расширение естественного интеллекта. Подобное расширение может дать человеку новые возможности, если ИИ будет использован как помощник (например, в обработке больших данных и т. п.). И тогда наиболее важными становятся возможности и способы контроля данного помощника.

Но нейросети могут самообучаться. Есть ли пределы самообучению? Р. Шекли в рассказе «Страж-птица» [Шекли 2003] спрогнозировал возможный путь самообучения роботов, который приводит человечество на грань катастрофы.

Но помимо технологической катастрофы, с неконтролируемым внедрением ИИ в нашу жизнь человечеству может грозить и гуманитарная катастрофа, которая прорисовывается в рассматриваемой нами проблеме личности, авторства и ИИ: вытеснит ли технологи-

ческое языковое пространство гуманитарное? Останется ли место в будущем для авторов-людей?

На эти вопросы пока нет даже частичного ответа, поэтому их необходимо публично обсуждать, чтобы хоть немного приблизиться к пониманию нового цивилизационного поворота, запущенного ИИ. К. Ясперс обосновал теорию осевого времени [Ясперс 1991], которая сегодня вновь становится актуальной в связи с глобальными изменениями жизни человечества, помещенного в новую технологическую среду, оказывающую все более глубокое воздействие на человеческую культуру и цивилизацию. Цивилизационный слом, провоцирующий создание нового гуманизма современного осевого времени, прослеживается в том числе через базовые категории стилистики.

Перед современной стилистикой открываются новые научные перспективы, поскольку расширяется предмет и объект ее исследования. Акад. С. Гайда считал стилистику интегративной наукой, поскольку сам предмет ее исследования можно познать только с помощью различных дисциплин. С. Гайда полагал, что основой стилистики является изучение человека говорящего (*homo loquens*), текста и стиля [Гайда 2015; 2016]. Как видим, каждая из этих трех базовых категорий стилистики получает новое звучание в цифровую эпоху. Категория автора требует уточнения и переосмысления из-за вхождения в коммуникативное пространство нового, технологического автора. Категория стиля также нуждается в переосмыслении, поскольку возникает дискуссионная ситуация «ИИ и его стиль». Текст, созданный человеком, то есть гуманитарный текст, и текст, созданный ИИ, требует нового взгляда на текст. Сам язык в новой цифровой реальности рассматривается как диглоссия естественного и искусственного языков [Тошович 2024]. Таким образом, мы предполагаем в ближайшем будущем становление и развитие новой стилистики — *стилистики цифровой эпохи* — как актуального и творческого развития общей теории традиционной стилистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М., 1959.
2. *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М., 1971.
3. *Гайда С.* Актуальные задачи стилистики // Актуальные проблемы стилистики. 2015. № 1. С. 11–22.
4. *Гайда С.* Стиль как вызов // Актуальные проблемы стилистики. 2016. № 2. С. 13–23.
5. Журналистика в 2023 году: творчество, профессия, индустрия: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. М., 2024.
6. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2004.
7. *Клушина Н.И., Николаева А.В.* Введение в интернет-стилистику. М., 2020.
8. *Клушина Н.И.* Тенденции развития лексики русского языка в коммуникативном пространстве интернета // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 3. С. 52–60.

9. *Клушина Н.И.* Норма, креативность и искусственный интеллект // Тезисы докладов VII Международной конференции «Культура русской речи» (Гротовские чтения). Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2024. С. 92–94.
10. *Макклюэн Г.М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., 2003.
11. Мултимедијална стилистика / Под ред. Д. Дојчиновић, Г. Милашин. Бањалука, 2018.
12. *Потанова Р.К., Потанов В.В.* Основы многоаспектного исследования «электронной личности» по голосу речи в информационно-коммуникационной среде Интернета // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2017. № 1–2. С. 87–111.
13. Стилистика славянских стран на рубеже XX–XXI веков / Под ред.: Гайда С., Тошович Б., Клушина Н.И., Ицкович Т.В. М., 2023.
14. *Тошович Б.* Интернет-стилистика. М., 2015.
15. *Тошович Б.* Структура интернет-стилистики. М., 2018.
16. *Тошович Б.* Лингвистика, стилистика и поэтика виртуальности. М., 2024.
17. *Шекли Р.* Страж-птица. М., 2003.
18. Языковая личность: аспекты изучения: Сборник научных статей памяти члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова / Под ред. И.В. Ружицкого и Е.В. Потёмкиной. М., 2017.
19. Языковая личность и медиасреда: коммуникативно-когнитивные аспекты взаимодействия: коллективная монография / [Н.С. Болотнова, А.В. Болотнов, Н.М. Камнева и др.]; под редакцией проф. Н.С. Болотновой. Томск, 2017.
20. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991.
21. Digital Humanities: Eine Einführung / F. Jannidis, H. Kohle, M. Rehbein (Hg). Stuttgart., 2017.

REFERENCES

1. Vinogradov V.V. O yazyke khudozhestvennoi literatury [On the language of fiction]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1959. (In Russ.)
2. Vinogradov V.V. O teorii khudozhestvennoi rechi [On the theory of artistic speech]. Moscow: Vy'sshaya shkola, 1971. (In Russ.)
3. Gaida S. Aktual'nye zadachi stilistiki [Current challenges of stylistics] // Aktual'nye problemy stilistiki. 2015, no. 1, pp. 11–22. (In Russ.)
4. Gaida S. Stil' kak vyzov [Style as a challenge] // Aktual'nye problemy stilistiki. 2016, no. 2, pp. 13–23. (In Russ.)
5. Zhurnalistika v 2023 godu: tvorchestvo, professiya, industriya: sb. mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Journalism in 2023: creativity, profession, industry]. Moscow: Fakul'tet zhurnalistiki MGU, 2024. (In Russ.)
6. Karaulov Yu.N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. Moscow: URSS, 2004. (In Russ.)
7. Klushina N.I., Nikolaeva A.V. Vvedenie v internet-stilistiku [Introduction to Internet stylistics]. Moscow: Flinta, 2020. (In Russ.)
8. Klushina N.I. Tendentsii razvitiya leksiki russkogo yazyka v kommunikativnom prostranstve interneta [Trends in development of Russian language lexicon in Internet communicative space]. Terra Linguistica. 2023, no. 14 (3), pp. 52–60. (In Russ.)
9. Klushina N.I. Norma, kreativnost' i iskusstvennyi intellekt [Norm, creativity and artificial intelligence] // Tezisy dokladov VII Mezhdunarodnoi konferentsii «Kul'tura russkoi rechi» (Grotovskie chteniya) Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN. Moscow: RAN, 2024, pp. 92–94. (In Russ.)

10. Makklyuen G.M. Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding Media: The External Extensions of Man]. Moscow: Kuchkovo Pole, 2003 (In Russ.)
11. Multimedijalna stilistika / Ed. D. Dojchinovich, G. Milashin [Multimedia stylistics]. Вањалука: Matica srpska, 2018. (In Russ.)
12. Potarova R.K., Potapov V.V. Osnovy' mnogoaspektного issledovaniya «elektronnoj lichnosti» po golosu rechi v informacionno-kommunikacionnoj srede Interneta [Foundations of multidimensional research of 'electronic personality' by voice of speech in the information and communication environment of the Internet] // Che-lovek: Obraz i sushhnost'. Gumanitarny'e aspekty. 2017, no. 1–2, pp. 87–111.
13. Stilistika slavyanskikh stran na rubezhe XX–XXI vekov / Ed.: S. Gaida, B. Toshovich, N.I. Klushina, T.V. Itskovich [Stylistics of Slavic countries at the turn of XX–XXI centuries]. Moscow: Flinta, 2023. (In Russ.)
14. Toshovich B. Internet-stilistika [Internet stylistics]. Moscow: Flinta: Nauka, 2015. (In Russ.)
15. Toshovich B. Struktura internet-stilistiki [The structure of Internet stylistics]. Moscow: Flinta, Nauka, 2018. (In Russ.)
16. Toshovich B. Lingvistika, stilistika i poetika virtual'nosti [Linguistics, stylistics and poetics of virtuality]. Moscow: Flinta, 2024. (In Russ.)
17. Shekli R. Strazh-ptitsa [Watchbird]. Moscow: Nauka RAN, 2003. (In Russ.)
18. Yazykovaya lichnost': aspekty izucheniya: Sbornik nauchnykh statei pamyati chlenakorrespondenta RAN Yuriya Nikolaevicha Karaulova. Ed. I.V. Ruzhitskogo i E.V. Potemkinoi [Linguistic personality: aspects of the study]. Moscow: MAKS Press, 2017. (In Russ.)
19. Yazykovaya lichnost' i mediasreda: kommunikativno-kognitivnye aspekty vzaimodeistviya: kolektivnaya monografiya [N.S. Bolotnova, A.V. Bolotnov, N.M. Kamneva i dr.]; ed. N.S. Bolotnova [Language personality and media environment: communicative and cognitive aspects of interaction]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo CzNTI, 2017. (In Russ.)
20. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii [The meaning and purpose of history]. Moscow: Politizdat, 1991. (In Russ.)
21. Digital Humanities: Eine Einföhrung / F. Jannidis, H. Kohle, M. Rehbein (Hg.). Stuttgart: Springer, 2017. (In Eng.)

Поступила в редакцию 08.09.2024

Принята к публикации 18.02.2025

Отредактирована 03.03.2025

Received 08.09.2024

Accepted 18.02.2025

Revised 03.03.2025

ОБ АВТОРЕ

Клушина Наталья Ивановна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; nklushina@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia I. Klushina — Prof. Dr. Habil., Professor, Department of Russian Language Stylistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Chairman of the Stylistic Commission of the International Committee of Slavists; nklushina@mail.ru

ОБЩЕПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ БИЗНЕС-ТЕРМИНОЛОГИЯ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ: СИСТЕМНЫЕ СВОЙСТВА И АДГЕРЕНТНАЯ КОННОТАТИВНОСТЬ

Т.Б. Назарова

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва,
Россия; tatara_nazarova@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается явление коннотативности, которое крайне редко связывается с понятиями термина, терминологии и термино-системы. С использованием большой аутентичной выборки показано, что вопреки утверждениям многих поколений терминологов об отсутствии коннотаций у терминов как слов специального языка некоторые из общеупотребительных бизнес-терминов могут обрести адгерентными коннотациями в развернутых произведениях речи. Этот вывод основывается на исследовании окружения конкретного бизнес-термина в аутентичном высказывании — его лексико-фразеологической сочетаемости и изучении семантики и стилистических особенностей тех слов, с которыми термин оказывается сближенным в одних и тех же контекстах (в пределах предложения и сверхфразового единства). Адгерентные коннотации могут быть как положительными, так и отрицательными. Рассматриваемые в статье общеупотребительные бизнес-термины *venture capital (VC)*, *venture capitalist*, *venture-capital firm* и *venture-capital company* включены в многообразие корпусных одноязычных словарей, ни один из которых не регистрирует какого-либо случая или примера адгерентной коннотативности, которая обнаруживается только в привлеченных к исследованию образцах современного англоязычного медиадискурса. Материал аутентичного англоязычного речеупотребления приближает изучающих современный английский язык и в особенности деловой английский к реальности того, что имеет место в мире бизнеса, и таким образом расширяет и дополняет предлагаемые в бизнес-словарях значения и смыслы, охватывая и детализируя то, что оказалось за пределами как словарных дефиниций, так и многочисленных иллюстративных фраз, сочетаний, предложений и высказываний, включаемых составителями в микроструктуру современных бизнес-словарей.

Ключевые слова: бизнес-термин; словарная статья; контекст; медиадискурс; коннотация; адгерентная коннотация

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-3

Для цитирования: Назарова Т.Б. Общеупотребительная бизнес-терминология в языке и речи: системные свойства и адгерентная коннотативность // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 32–46.

CORE BUSINESS TERMINOLOGY IN LANGUAGE AND SPEECH: SYSTEMIC CHARACTERISTICS AND ADHERENT CONNOTATIVENESS

T.B. Nazarova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; tamara_nazarova@mail.ru

Abstract: The present article revisits the concepts of term and terminology which at the systemic level are generally known to be devoid of any connotations. The study of a number of corpora-based business dictionaries demonstrates how core business terms are conceptualized and categorized within terminological systems as such. No connotations are observed in the dictionary entries for the core business terms *venture capital (VC)*, *venture capitalist*, *venture-capital firm* and *venture-capital company* selected for in-depth study and description. The situation changes dramatically when one turns to extended business-related media texts in which the reality of the world of business is confronted and exposed whereby the terms under analysis are shown to gradually acquire and display adherent connotations — either positive or negative. The material assembled and researched in the article brings the English language learners and the Business English students closer to what is going on across industries when it comes to venture capital, venture capitalists, venture-capital firms and venture-capital companies. English-based media discourse thus gives access to English as English through the authenticity of language in functional use related to real-life agents, enterprises and events.

Keywords: core business term; dictionary entry; context; media discourse; connotation; adherent connotation

For citation: Nazarova T.B. (2025) Core Business Terminology in Language and Speech: Systemic Characteristics and Adherent Connotativeness. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 32–46.

Введение

Термины как слова специального языка, терминологии разных областей знания и терминосистемы как упорядоченные ряды и линии соподчинения терминологических единиц привлекали внимание исследователей и терминографов на протяжении многих десятилетий. Новейшие работы, связанные с описанием и систематизацией многообразия специализированных терминосистем, опираются на сложившийся в отечественном языкознании к настоящему времени четкий методологически обоснованный перечень противопоставлений: термин — не-термин, консубстанциональный термин — неконсубстанциональный термин, моноксемный термин — полилексемный термин, родовой термин — видовой термин, моносемантический термин — полисемантический термин, термин

заимствованный — термин исконный. Для англоязычных терминосистем весьма актуальным оказывается разграничение регионально-маркированных терминов и регионально-нейтральных терминологических единиц.

В ходе поступательного описания и поэтапной систематизации словарного состава английского языка делового общения [Nazarova 1997, 2009, 2020; Назарова 2018] эти значимые противопоставления подтверждены и расширены за счет еще одного соотношения: **общеупотребительная бизнес-терминология — отраслевая бизнес-терминология** (или **отраслевые терминосистемы**). Общеупотребительные бизнес-термины выполняют центростремительную функцию, обозначая понятия, общие для многообразия первичных, вторичных, третичных и четверичных отраслей, в то время как отраслевые терминосистемы берут на себя центробежную функцию, указывая на специфику отрасли и тем самым отличая ее от других в отраслевой структуре мира бизнеса [Nazarova 2020].

Отраслевая категоризация важна для понимания мира бизнеса и узуса, с ним связанного. В одной из наиболее известных англоязычных классификаций приводится 24 отрасли: Automotives, Aviation, Banking, Chemicals, Construction, Defense, E-commerce, Electronics, Engineering, Food and Agribusiness, Information Technology, Insurance, Media, Mining, Oil and Gas, Pharmaceuticals, Power, Real Estate, Renewable Energy, Retail, Steel, Telecoms, Tourism and Hotels, Water (Business: the Ultimate Resource, p. 1824). В каждой из отраслей во все усложняющейся структуре глобализованного мира бизнеса две терминосистемы — общеупотребительная бизнес-терминология и отраслевая терминология — сосуществуют, сохраняя свое основное семиотическое предназначение, но демонстрируя разные количественные соотношения [Назарова 2024].

Не менее важным вкладом в изучение общеупотребительной бизнес-терминологии, отраслевых терминосистем и, шире, терминологии в целом является вывод о способности некоторых общеупотребительных бизнес-терминов приобретать коннотации, т. е. обрести эмоционально-экспрессивно-оценочными обертонами в развернутых произведениях речи, а значит, обнаруживать адгедентную коннотативность. В предыдущих работах автора статьи [Nazarova 2009, 2014] обсуждались пять общеупотребительных бизнес-терминов: conglomerate, globalization, team, teamwork, consultant. Наблюдение над тем, как эти термины функционируют в разных типах современного англоязычного дискурса, позволило сделать вывод о том, что мы имеем дело с явлением, противоречащим хрестоматийным утверждениям многих терминологов и терминографов о нейтральности терминов как слов специального языка. Иначе

говоря, было установлено, что перечисленные общеупотребительные бизнес-термины, став весьма распространенными и популярными, сумели в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств приобрести адгерентную (преимущественно пейоративную) коннотативность. Настоящая статья продолжает изучение сформулированной проблематики и строится вокруг общеупотребительных бизнес-терминов *venture capital (VC)*, *venture capitalist*, *venture-capital firm* и *venture-capital company*.

Материал

На первом этапе исследования сформулированной проблематики изучаются словарные статьи терминов *venture capital*, *venture capitalist*, *venture-capital firm* и *venture-capital company* в корпусных одноязычных толковых словарях английского языка делового общения — *Oxford Business English Dictionary (OBED)*, *Longman Business English Dictionary (LBED)*, *Cambridge Business English Dictionary (CBED)*. Переход от системного уровня к функциональному осуществляется с использованием материала англоязычной печатной качественной прессы.

Общеупотребительные бизнес-термины *venture capital (VC)* и *venture capitalist* в корпусных толковых одноязычных словарях английского языка делового общения

Начнем с материала *Oxford Business English Dictionary (OBED)*. В соответствии с алфавитной организацией макроструктуры словаря мы находим интересующие нас словарные статьи (р. 594), в каждой из которых заголовочный бизнес-термин сопровождается толкованием и иллюстративной фразеологией; в заголовочной строке также оказывается терминологический синоним, заключенный в скобки:

venture capital (*also risk capital*) noun (Finance) money that is invested in a new company to help it develop or expand, which may involve a lot of risk but can also bring good profits

to **attract/find/look for/raise/seek** venture capital, venture capital **backing/funding**, a venture capital **company/firm/group/investor**

venture capitalist noun (Finance) a private investor or a financial business that invests money in new companies, which may involve a lot of risk and bring good profits: *to raise money from venture capitalists* → **angel investor**

С учетом ссылки на термин-фразеологизм приводим и его словарную статью (р. 20):

angel investor noun (*Finance, informal*) a private person who invests their own money in a project, especially a new business: *The majority of small businesses receive money from friends, family and angel investors.*

Материал из словаря Longman Business English Dictionary (LBED) предлагает несколько иной порядок размещения рассматриваемых бизнес-терминов в макроструктуре словаря: во-первых, заголовочный бизнес-термин *venture capital* не снабжен на соответствующей странице (р. 575) словарной статьей, но сопровождается ссылкой на термин *capital*, который представлен как заголовочный родовой термин (р. 71) с алфавитным перечнем видовых терминов, среди которых мы находим (р. 72) термин **risk capital** и его определение — *capital invested in a business activity that involves a lot of risk, but which may be very profitable*. Термин *venture capital* завершает эту часть словарной статьи и подается составителями словаря в качестве синонима (= *venture capital*).

Аналогичным образом в этом же словаре фиксируется термин *venture capitalist* (р. 575), т. е. без толкования, но с отсылкой к родовому термину *capitalist* (р. 73) в двух значениях: **1** someone who supports capitalism **2** someone who owns or controls a lot of money and lends it to businesses to create more wealth. Вслед за родовым термином приводится единственный видовой термин **venture capitalist** FINANCE someone who invests money in new businesses: *In the fourth quarter, venture capitalists invested \$317 million in computer-related business start-ups.*

Словарь Cambridge Business English Dictionary (CBED) содержит оба термина (р. 908). Структура словарной статьи обнаруживает больше сходства с первым из двух словарей, приведенных выше. Заголовочное слово снабжено толкованием, термином-синонимом и многообразием иллюстративной фразеологии (частотные словосочетания и предложения, содержащие одно из устойчивых сочетаний):

venture capital noun [U] (*also risk capital*) FINANCE money invested in a new business, especially one that involves risk: **backed/financed by venture capital** *The computer industry relied for much of its development on small firms backed by venture capital.* **attract/find/raise venture capital** *The two partners finally raised \$1.5 million in venture capital.*

Словарная статья термина *venture capital* завершается перечислением словосочетаний, следующих одной из двух коллигационных моделей **v + n** и **n + n**, что дает ясное представление о морфосинтаксической сочетаемости, сопровождающей этот термин в языковой системе и, соответственно, в развернутом произведении речи. Здесь же мы получаем и сведения когнитивного плана, так как за устойчивой коллигацией обнаруживаются разные виды естественной категоризации, представленной разными моделями лексико-фразе-

ологической сочетаемости: процесс поиска венчурного капитала **look for/seek venture capital**, источники венчурного капитала **venture-capital backers/fund**, компании, предлагающие венчурный капитал **a venture-capital company/firm/group**, обобщенные представления об опоре на венчурный капитал **venture-capital backing/funding/investments**.

В этом же словаре мы находим словарную статью термина *venture capitalist*:

venture capitalist noun [C] a person or financial organization that invests in new businesses, especially ones that involve risk: *The internet start-up is looking to raise €5 million from venture capitalists by the end of March.*

Материал из трех корпусных толковых словарей английского языка делового общения дает представление о естественной категоризации, характерной для рассматриваемых терминологических единиц в системном плане и извлеченной усилиями корпусных лексикографов из разнообразных источников современного англоязычного речепотребления. Сходства и различия в отражении разных объемов естественной концептуализации и категоризации в макроструктуре и микроструктуре этих трех одноязычных словарей вполне объяснимы и связаны прежде всего с избранным лексикографами подходом и невозможностью охвата всего разнообразия, присущего языку в речи. Изучение материала современного англоязычного медиадискурса, во-первых, подтвердит наличие того, что мы называем естественной категоризацией, и, во-вторых, расширит наши представления о мыслительных процессах, сопутствующих бизнес-терминам в речи, за счет многообразия проявлений контекстуально-обусловленной категоризации [сравни: «оценочная категоризация» — Болдырев 2014].

Бизнес-термины *venture capital* (VC), *venture capitalist*, *venture-capital firm* и *venture-capital company* в аутентичной англоязычной статье деловой тематики

Поскольку не представляется возможным представить весь корпус собранного материала в рамках одной публикации, автор ограничивается 8 отрывками разной протяженности в порядке их появления в аутентичной статье объемом более 15 000 слов (статья опубликована в журнале *The NEW YORKER* в ноябре 2020 года).

Прежде всего приведем название статьи (заголовок) и следующий за ним подзаголовок: *The ENABLERS. Venture capitalists used to exert discipline on startups. Now they often encourage recklessness.* Это название привлекает внимание как читающего статью, так и исследующего сформулированную научную проблематику по нескольким

причинам. Во-первых, заголовок сведен к артиклевой форме одного полнзначного существительного во множественном числе, и эта намеренная минимизация лексического состава названия статьи становится весьма эффективным риторическим приемом, тем более что в оформлении заголовка издатели прибегли к прописным буквам. Во-вторых, имеет значение и само слово, которому уже удалось занять свое место в словарном составе современного английского языка наряду с более привычными и зарегистрированными в корпусных толковых словарях бизнес-английского — глаголом *enable* (e.g. *enable sb/sth to do sth*), суффиксом *-enabled* (e.g. *internet-/web-/wifi-enabled*), прилагательным *enabling* (e.g. *to create an enabling business environment*) и видовым термином *enabling clause* (the section of a formal agreement, a law, etc., that gives someone legal authority to do something).

Существительное *enabler* обозначает деятеля от глагола *enable* и является отражением популярной в англоязычном узусе тенденции к использованию так называемого *Vague English*, когда более простое выражение или более точное терминологическое обозначение заменяются менее прозрачной и в силу этого более броской лексической единицей (моноксемной или полилексемной). The ENABLERS в заголовке и в тексте рассматриваемой статьи рассчитано именно на такой эффект — сочетание высокопарности и обобщенного обозначения класса деятелей (*англ.* *action-agent* как лексико-морфологическая категория, например: *speak — speaker, do — doer, write — writer, learn — learner, etc.*).

В-третьих, следующий за заголовком подзаголовок содержит то, что можно назвать оксюмороном — сочетанием противоположных понятий: *to exert discipline on startups* и *encourage recklessness* становятся контекстуальными антонимами, что также сказывается на значении и коннотативности термина *venture capitalist* (венчурный капиталист). Можно с уверенностью сказать, что название статьи, представляющее собой комплекс из заголовка и подзаголовка, справилось со своими функциями: внимание привлечено, читающий заинтригован, а исследователь готов к тому, что содержание статьи и оценочность, представленная в ней, будут неоднозначными, а значит, есть прямой смысл извлечь из статьи все контексты с терминами *venture capital, venture capitalist, venture-capital company* и *venture-capital firm* (в порядке появления) с особым вниманием к значениям и смыслам, сочетаниям, сближениям, соположениям, а также к возникающим в развернутых высказываниях «добавочным значениям, окраске, окрашенности» [Ахманова 1969: 203], т. е. адгерентным коннотациям.

Ниже приводятся разные фрагменты аутентичной статьи — как короткие, так и более развернутые. Собранный корпус материала включает намного больше отрывков, нежели те восемь, что воспроизводятся в порядке появления в тексте статьи, но уже и этого объема материала достаточно, чтобы увидеть некоторые закономерности, сопровождающие рассматриваемые общеупотребительные бизнес-термины *venture capital*, *venture capitalist*, *venture-capital firm* и *venture-capital company* в современном англоязычном медиадискурсе деловой направленности.

1. Neuner and Coonerty also started looking for venture capital. They had raised some money from family and friends, but, as Neuner put it to me, “V.C. funding is the stamp of approval.” He noted, “in every startup story, V.C.s supercharge everything. They are the fairy godmothers of success.”

В этом первом из отрывков мы находим нейтральные частотные сочетания (start) look(ing) for venture capital и raise money from family and friends, отражающие системную концептуализацию и категоризацию, присущую полнозначным словам и терминам в составе этих комплексов, и не противоречащие морфосинтаксической и лексико-фразеологической сочетаемости в микроструктуре представленных выше современных корпусных одноязычных бизнес-словарей. Составной термин *V.C. funding* также может быть отнесен к частотной и привычной сочетаемости интересующего нас термина. Восприятие материала меняется, когда мы смотрим на те единицы, с которыми этот термин сближается в высказывании одного из предпринимателей: *V.C.funding* и *stamp of approval* в рассматриваемом высказывании отождествляются и становятся контекстуальными синонимами, что не может не сказываться на обретении термином положительной коннотации. Аналогичным образом к проявлениям адгерентной положительной коннотации ведет и сближение, с одной стороны, сочетания *startup story* и, с другой стороны, короткого выразительного высказывания *V.C.s supercharge everything*. Стилистический прием перифраза в сочетании с вертикальным контекстом в заключительном предложении приведенного фрагмента статьи “They are the fairy godmothers of success” также усиливают впечатление повышенной положительной оценочности. **Fairy godmother** noun — a woman in traditional children’s stories who has magic powers and helps people (Macmillan English Dictionary, p. 498).

2. When Jeremy Neuner began having meetings with venture capitalists, he said, “their first question was ‘How do you compete with WeWork? Why should we invest with you instead of them?’ ” WeWork was reportedly losing millions of dollars each month, but it was expanding to new locations at a feverish pace. Neumann’s promises to V.C.s were so wildly

optimistic, bordering on ridiculous, that Neuner was convinced WeWork had to be a scam.

В этом отрывке, как и в предыдущем, использованы зарегистрированные в корпусных словарях сочетания *have a meeting with venture capitalists* и *expand to new locations*. Это показатели естественной концептуализации и категоризации, присущей рассматриваемым понятиям в языковой системе. Неожиданным оказывается соседство названия одной из компаний, получивших гигантские объемы венчурного капитала, WeWork, с существительным **scam** noun — *an illegal way of making money, usually by tricking people* (Cambridge Business English Dictionary, p. 750). Факты, упоминаемые в высказывании предпринимателя, и оценочность, сопровождающая их (*losing millions of dollars each month, expanding at a feverish pace, wildly optimistic promises, bordering on the ridiculous*), делают вывод говорящего (“Neuner was convinced WeWork had to be a scam.”) в высшей степени обоснованным. Сближение в развернутом высказывании терминологических единиц и сочетаний с явной отрицательной оценочностью не может не оказывать воздействия на смысловой потенциал и заряд оценочности бизнес-термина в речи, а значит, неизбежно приводит к появлению у терминологических единиц контекстуально-обусловленных, т. е. адгерентных, отрицательных коннотаций.

3. Venture capitalists began telling Jeremy Neuner that making piddly investments in his company wasn't worth their time; moreover, if they funded NextSpace, they might be excluded from buying into WeWork someday. To Neuner, this seemed nuts. He was building a solid business, but the V.C.s wanted fantasy.

Некоторые из неформальных лексических единиц, использованных в этом отрывке, требуют опоры на толковые одноязычные словари: прилагательное **piddly** — сравни **piddling** adj *informal* — *small or not important* (Macmillan English Dictionary, p. 1065); прилагательное **nuts** adj *informal* — *crazy* (Macmillan English Dictionary, p. 971).

Основное контекстуальное сближение, напоминающее по характеру антонимию, сводится к противопоставлению *solid business vs fantasy*. Противопоставление *He was building a solid business vs the V.C.s wanted fantasy* не может не сказываться на значении термина *venture capitalist*, обременяя его в данном контексте отрицательными дополнительными созначениями, т. е. пейоративной адгерентной коннотативностью. Неформальные *piddly* и *nuts*, с одной стороны, подтверждают мысль профессора Дэвида Кристала о неизбежной коллоквиализации англоязычного узуса [“...the increasing colloquialisation of written English in the decades since 1966” — Crystal 2017:

111] и, с другой стороны, в силу отрицательной оценочности вносят вклад в адгерентную коннотативность рассматриваемого ряда общепотребительных бизнес-терминов.

4. What Neuner hadn't realized was that some venture capitalists had become co-conspirators with such hype artists, handing them millions of dollars and encouraging their worst tendencies, in the hope that one lucky wager would more than offset many bad bets.

Контекстуальное сближение в этом фрагменте, с одной стороны, понятий *venture capitalist* и *co-conspirator* (от слова **conspirator** noun — someone who secretly makes a plan with another person or group to do something bad or illegal, especially in politics, Macmillan English Dictionary, p. 296) и, с другой стороны, присутствие в высказывании таких лексических единиц и лексико-фразеологических сочетаний, как *hype artists, encourage their worst tendencies, one lucky wager, offset many bad bets*, неизбежно сказываются на восприятии читающим ключевого понятия, связывая его с целым рядом отрицательных эмоций, а значит, и негативных коннотаций, обусловленных контекстом и отношением говорящего к предмету речи.

5. "V.C.s seem like these quiet, boring guys who are good at math, encourage you to dream big, and have private planes. You know who else is quiet, good at math, and has private planes? Drug cartels."

Рассматриваемый отрывок представляет собой законченное высказывание реального лица, т. е. мы имеем дело с прямым и полным цитированием, характерным для средств массовой информации. Контекстуальное отождествление *V.C.s* и *drug cartels* существенно раздвигает границы мира бизнеса и включает в рассматриваемое концептуальное пространство преступное сообщество. Аналогия в данном случае явно не в пользу венчурных капиталистов. Учитывая, что автор статьи прибегает в данном случае к цитатной речи и воспроизводит высказывание реального представителя современного мира бизнеса, мы распознаем открытый тип коммуникации между коммуникантами, доверяющими друг другу, что, собственно, и объясняет повышенную эмоциональность сказанного в сочетании с элементом преувеличения. Однако трудно обойти вниманием присутствующую в изложении отрицательную оценочность и, соответственно, отрицательную контекстуально-обусловленную, т. е. адгерентную, коннотативность использованного говорящим бизнес-термина *venture capitalist*.

6. From the start, venture capitalists have presented their profession as an elevated calling. They weren't mere speculators — they were midwives to innovation. The first V.C. firms were designed to make money by identifying and supporting the most brilliant startup ideas, providing the funds and the strategic advice that daring entrepreneurs needed in

order to prosper. For decades, such boasts were merited. Genentech, which helped invent synthetic insulin, in the nineteen-seventies, succeeded in large part because of the stewardship of the venture capitalist Tom Perkins, whose company, Kleiner Perkins, made an initial hundred-thousand-dollar investment.

В рассматриваемом отрывке выстраиваются следующие значимые концептуальные соотношения, расширяющие естественную системную категоризацию двух из интересующих нас четырех терминологических единиц: venture capitalists — (their) profession as an elevated calling; speculators — midwives to innovation; (the first) venture-capital firms — brilliant startup ideas — (providing) the funds and the strategic advice — daring entrepreneurs — to prosper; invent — succeed — the stewardship of the venture capitalist Tom Perkins — make an initial investment.

Положительная оценочность, столь очевидная в этом обсуждении деятельности первых венчурных компаний и фирм, неизбежно претерпевает изменения в дальнейшем изложении, как об этом свидетельствует следующий фрагмент. Осмысление реальной ситуации осуществляется «в рамках другой системы координат: системы мнений, оценок, ценностей, стереотипов» [Болдырев 2014: 159].

7. The V.C. industry has grown exponentially since Perkins's heyday, but it has also become increasingly avaricious and cynical. It is now dominated by a few dozen firms, which, collectively, control hundreds of billions of dollars. Most professional V.C.s fit a narrow mold: according to surveys, just under half of them attended either Harvard or Stanford, and eighty per cent are male. Although V.C.s depict themselves as perpetually on the hunt for radical business ideas, they often seem to be hyping the same Silicon Valley trends — and their managerial oversight has dwindled, making their investments look more like trading-floor bets. Steve Blank, an entrepreneur who currently teaches at Stanford's engineering school, said, "I've watched the industry become a money-hungry mob. V.C.s today aren't interested in the public good. They're not interested in anything except optimizing their own profits and chasing the herd, and so they waste billions of dollars that could have gone to innovation that actually helps people."

Перечислим наиболее существенные концептуальные соотношения из рассматриваемого развернутого отрывка: the V.C. industry — become increasingly avaricious and cynical; most professional V.C.s fit a narrow mold; perpetually on the hunt for radical business ideas — hyping the same Silicon Valley trends, dwindle, trading-floor bets, a money-hungry mob (об отрасли), aren't interested in the public good, optimizing their own profits, chasing the herd, waste billions of dollars, could have gone to innovation.

Приведенные перечни и соотношения демонстрируют то, что получило название «номинативной плотности» в рассуждениях В.И. Карасика о разных лингвокультурах. Номинативная плотность — это множественное вариативное обозначение фрагмента реальности, его детализация [Писарева 2022: 17]. Можно с уверенностью утверждать, что пишущий намеренно нарушает принципы общения, например the Maxim of Quantity (по Грайсу), так как читающий получает избыточный объем отрицательных суждений о предмете мысли. В данном случае, однако, количество переходит в качество, т. е. номинативная плотность ведет к неизбежному формированию оценочной категоризации.

8. This clubby, self-serving approach has made many V.C.s rich. In January, 2020, the National Venture Capital Association hailed a “record decade” of “hyper growth” in which its members had given nearly eight hundred billion dollars to startups, “fueling the economy of tomorrow.” ... five of the top twenty venture-capital firms are currently making more deals than they did last year.

В этом отрывке мы находим формы множественного числа ключевых для настоящего исследования бизнес-терминов V.C.s (venture capitalists) и venture-capital firms, которые по усмотрению пишущего оказываются соположенными в рассматриваемом контексте с оценочными прилагательными clubby и self-serving, с одной стороны, и существительным hyper growth, с другой стороны. Названные лексические единицы становятся опорными в «конструировании оценочного суждения» [Кошелева 2024: 11], призванного подчеркнуть явную смену устремлений венчурных капиталистов: основным приоритетом становится не столько финансирование новых идей и инновационных подходов, сколько поиск беспрецедентной доходности, пропорциональной избыточным объемам вложений в весьма ограниченный перечень проектов.

Заключение

Рассмотрение материала современной англоязычной качественной прессы позволяет сделать несколько выводов. Бизнес-термины venture capital, venture capitalist, venture-capital firm и venture-capital company используются часто и, как правило, следуют естественной концептуализации и категоризации, отраженной в соответствующих словарных статьях авторитетных современных толковых корпусных словарей английского языка делового общения. Пересечения по линии морфосинтаксической и лексико-фразеологической сочетаемости между словарным материалом и выборкой из аутентичной англоязычной статьи подтверждают высказанные обобщения. Вместе с тем, в современных аналитических статьях о мире бизнеса

привычные модели концептуализации и категоризации сосуществуют с многообразием проявлений авторской оценочной категоризации, расширяющей наши представления о ключевых понятиях и соответствующих общеупотребительных бизнес-терминах и тем самым приближающей представителей читающего сообщества к реалиям и реальности мира бизнеса. Парадоксальным в этом смысле является тот факт, что корпусные словари, гарантирующие беспрепятственный доступ к реальному речепотреблению (напомним, что именно англоязычные корпусные лексикографы, работающие под эгидой наиболее авторитетных издательских домов, в своих вступительных статьях неизменно делают упор на *real English, English as English, authentic usage, unsimplified linguistic usage, up-to-the-minute usage, an up-to-date picture of today's English, etc.*), обходят контексты, подобные приведенным в настоящей статье, отражая только часть реального узуса, с которым регулярно сталкиваются читающие на английском языке специалисты и тем более изучающие современный английский язык как иностранный. Между тем, адгерентные коннотации, как об этом свидетельствуют проанализированные фрагменты из аутентичной англоязычной статьи, сопровождают общеупотребительные бизнес-термины, а значит, реальное бытование общеупотребительной бизнес-терминологии не всегда оказывается отраженным в словарях английского языка делового общения в своем естественном многообразии, что делает необходимым дальнейшее исследование избранной проблематики с последовательным обсуждением наблюдений и выводов на страницах научных журналов и в ходе профессионального общения на научно-практических конференциях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.
3. Кошелева В.П. Средства репрезентации каузации убывания свойств объекта в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. н. Тамбов, 2024.
4. Назарова Т.Б. Бизнес-терминология и метод когнитивного моделирования: от общеупотребительных бизнес-терминов к отраслевым терминотемам // Когнитивные исследования языка. Сборник «Когнитивный подход к описанию терминологических систем и специальных видов дискурса». К 90-летию В.Ф. Новодрановой. М., 2024. С. 476–482.
5. Назарова Т.Б. Основные этапы в функциональной стратификации словарного состава английского языка делового общения // Сборник материалов VIII Международной научной конференции «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения» (Москва, РУДН, 19–20 апреля 2018 г.). М., 2018. С. 25–28.
6. Петрова Е.В. Когнитивный потенциал прецедентного имени. Автореферат дис. ... канд. филол. н. Красноярск, 2024.

7. *Писарева А.Г.* Когнитивно-прагматические аспекты языковой репрезентации события в англоязычном спортивном Интернет-дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. н. Самара, 2022.
8. *Business: the Ultimate Resource.* Bloomsbury Publishing Plc, 2002.
9. *Cambridge Business English Dictionary.* Cambridge University Press, 2011.
10. *Crystal D.* Plenary: Who would of thought it? The English Language 1966–2066 // IATEFL 2016 Birmingham Conference Selections. Ed. by Tania Pattinson. Totton, 2017. P. 107–115.
11. *Longman Business English Dictionary.* Pearson Education Limited, 2007. 596 p.
12. *Nazarova T.B.* Special Phraseology in Business English Vocabulary: Forms and Functions // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2020. P. 1–10.
13. *Nazarova T.B.* Core Business Terminology and Connotation // Terminology Science in Russia Today. From the Past to the Future. Larissa A. Manerko, Klaus-Dieter Baumann, Hartwig Kalverkamper (eds). Berlin: Frank & Timme, 2014. P. 205–209.
14. *Nazarova T.B.* Business English. A Course of Lectures with Exercises, Activities, and Tasks. M., 2009.
15. *Nazarova T.B.* Business English Vocabulary: Stratification and Methodology // New Developments in Modern Anglistics. Akhmanova Readings 1996. M., 1997. P. 27–36.
16. *Oxford Business English Dictionary.* Oxford University Press, 2005.
17. The ENABLERS // The NEW YORKER Magazine. November 30, 2020. P. 38–47.

REFERENCES

1. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, *Sovetskaya entsiklopediya Publ.*, 1969. 608 p. (In Russ.)
2. Boldyrev N.N. Kognitivnaya semantika [Cognitive Semantics]. Tambov, G.R. Derzhavin Tambov State University Publ. 2014. 236 p. (In Russ.)
3. Kosheleva V.P. Sredstva reprezentatsii kauzatsii ubivaniya svoystv obekta v sovremennom angliyskom yazyke. Avtoreferat dis. ... kand. filol. n. [Means of Representing the Causation of Property Reduction in Modern English]. Tambov, 2024. 22 p. (In Russ.)
4. Nazarova T.B. Biznes-terminologiya i metod kognitivnogo modelirovaniya: ot obshcheupotrebitel'nykh biznes-terminov k otraslevym terminosistemam [Business Terminology and the Method of Cognitive Modelling: From Core Business Terms to Industry-specific Terminological Systems]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka. Sbornik "Kognitivnyy podkhod k opisaniyu terminologicheskikh sistem i spetsial'nykh vidov diskursa". K 90-letiyu V.F.Novodranovoy.* Moscow, 2024, pp. 476–482. (In Russ.)
5. Nazarova T.B. Osnovnye etapy v funktsional'noy stratifikatsii slovarnogo sostava angliyskogo yazyka delovogo obshcheniya [The Main Stages in the Funktsional Stratification of Business English Vocabulary]. *Sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki inostrannogo yazyka delovogo i professional'nogo obshcheniya"* (Moscow, RUDN, 19–20 April, 2018). Moscow, RUDN Publ., 2018, pp. 25–28. (In Russ.)
6. Petrova E.V. Kognitivnyy potentsial precedetnogo imeni. Avtoreferat dis. ... kand. filol.n [Cognitive Potential of Precedent Names]. Krasnoyarsk, 2024. 26 p. (In Russ.)
7. Pisareva A.G. Kognitivno-pragmaticheskie aspekty yazykovoy reprezentatsii sobytiya v angloyazychnom sportivnom Internet-diskurse. Avtoreferat dis. ... kand. filol.n. [Cognitive and Pragmatic Aspects of Language Representation of Events in English Sports Internet Discourse]. Samara, 2022. 22 p.
8. *Business: the Ultimate Resource.* Bloomsbury Publishing Plc, 2002.

9. Cambridge Business English Dictionary. *Cambridge University Press*, 2011. 954 p.
10. Crystal, David. Plenary: Who would of thought it? *The English Language 1966–2066. IATEFL 2016 Birmingham Conference Selections*. Ed. by Tania Pattinson. Totton: *Hobbs the Printers Ltd*, 2017, pp. 107–115.
11. Longman Business English Dictionary. *Pearson Education Limited*, 2007. 596 p.
12. Nazarova T.B. *Business English. A Course of Lectures with Exercises, Activities, and Tasks*. Moscow, *AST/Astrel*, 2009. 272 p.
13. Nazarova T.B. *Business English Vocabulary: Stratification and Methodology // New Developments in Modern Anglistics. Akhmanova Readings 1996*. Moscow, *Dialogue-MSU Publ.*, 1997, pp. 27–36.
14. Nazarova T.B. *Special Phraseology in Business English Vocabulary: Forms and Functions*. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. Online First. 2020, pp. 1–10.
15. Nazarova T.B. *Core Business Terminology and Connotation. Terminology Science in Russia Today. From the Past to the Future*. Larissa A. Manerko, Klaus-Dieter Baumann, Hartwig Kalverkamper (eds). Berlin, *Frank & Timme*, 2014, pp. 205–209.
16. *Oxford Business English Dictionary*. *Oxford University Press*, 2005. 616 p.
17. *The ENABLERS // The NEW YORKER Magazine*. November 30, 2020, pp. 38–47.

Поступила в редакцию 30.06.2024

Принята к публикации 18.02.2025

Отредактирована 03.03.2025

Received 30.06.2024

Accepted 18.02.2025

Revised 03.03.2025

ОБ АВТОРЕ

Назарова Тамара Борисовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова; tamara_nazarova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tamara B. Nazarova — Doctor of Philology, Professor, Department of English Linguistics, Lomonosov Moscow State University; tamara_nazarova@mail.ru

ПРОЙДОХА, ПРОНЫРА, ПРОЛАЗА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А.В. Птенцова

*Совместный университет МГУ-ППИ, Китай, г. Шэньчжэнь;
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Институт языкознания РАН, Москва, Россия; anna.ptentsova@gmail.com*

Дуань Чжэньчжэнь

*Совместный университет МГУ-ППИ, Китай, г. Шэньчжэнь;
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; zhenzhen@mail.ru*

Аннотация: Данная статья посвящена комплексному анализу лексической семантики разговорных существительных-синонимов *пройдоха*, *пронеры*, *пролаза*, указывающих на людей, которые достигают цели нечестным путем, и передающих негативную оценку со стороны говорящего. Исследование было проведено на материале Национального корпуса русского языка с применением методов контекстуального и компонентного анализа, который позволяет выявить общие и дифференциальные семы данных существительных.

Анализ показал, что по ряду существенных признаков синоним *пройдоха* противопоставлен синонимам *пронеры* и *пролаза*. Этими признаками являются: 1) цель, к которой стремится субъект (часто денежная выгода для *пройдохи*; часто обладание каким-либо физическим объектом для *пронеры* и *пролазы*); 2) способы достижения цели (преимущественно обман, часто с опорой на личное обаяние, для *пройдохи*; преимущественно разного рода действия, направленные как бы на огибание препятствий, для *пронеры* и *пролазы*); 3) оценка со стороны говорящего (хотя в целом *пройдоха* выражает негативную оценку, но в некоторых случаях говорящий может относиться к субъекту с симпатией); 4) способность указывать на лиц женского пола (существует для *пронеры* и *пролазы*, практически отсутствует для *пройдохи*).

Пронеры и *пролаза* не имеют контрастных семантических признаков, которые противопоставляли бы их между собой. Единственным заметным отличием является отличие стилистическое: *пролаза* — уходящее слово, оно встречается в основном подкорпусе Национального корпуса примерно в шесть раз реже, чем синоним *пронеры*.

Ключевые слова: лексическая семантика; синонимы; негативно-оценочная лексика; Национальный корпус русского языка

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке стипендии Правительства Шэньчжэня и Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

Для цитирования: Птенцова А.В., Чжэньчжэнь Дуань. *Пройдоха, проныра, пролаза: сопоставительный семантический анализ* // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 47–57.

ПРОЙДОХА (RASCAL), ПРОНЫРА (SNEAK), ПРОЛАЗА (SLYBOOTS): COMPARATIVE SEMANTIC ANALYSIS

Anna V. Ptentsova

Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; annaptentsova@mail.ru

Duan Zhenzhen

Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; zhenzhen@mail.ru

Abstract: The article is about the lexical semantics of conversational synonymous nouns *пройдоха* (*rascal*), *проныра* (*sneak*), *пролаза* (*slyboots*), indicating people who reach the goal dishonestly, and conveying a negative assessment on the part of the speaker. The study was conducted on the material of the Russian National corpus. We used contextual and component analysis methods, which allows us to identify common and differential semes of these nouns.

The analysis showed that, according to several essential features, the synonym *пройдоха* is opposed to the synonyms *проныра* and *пролаза*. These features are: 1) the goal that the person strives for (often monetary gain for *пройдоха*; often the possession of some physical object for *проныра* and *пролаза*); 2) methods of achieving the goal (mostly deception, often relying on personal charm, for *пройдоха*; mainly all kinds of actions aimed, as it were, at getting around obstacles, for *проныра* and *пролаза*); 3) an assessment on the part of the speaker (although in general *пройдоха* expresses a negative assessment, but in some cases the speaker may treat the person with sympathy); 4) the ability to indicate females (exists for *проныра* and *пролаза*, but is practically absent for *пройдоха*).

Проныра and *пролаза* do not have semantic features that would contrast them with each other. The only noticeable difference is a stylistic one: *пролаза* is the outgoing word, it is found in the main subcorpus of the Russian National Corpus approximately six time less often than the synonym *проныра*.

Keywords: lexical semantics; synonyms, negative evaluation vocabulary; Russian National Corpus

Funding: The research was financed by the grant of the Government of Shenzhen and Shenzhen MSU-BIT University.

For citation: Ptentsova A.V., Zhenzhen Duan. (2025) *Пройдоха (rascal), проныра (sneak), пролаза (slyboots): Comparative Semantic Analysis*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 47–57.

Введение

В русском языке существует обширная группа синонимичных существительных, указывающих на людей, которые достигают своих целей разного рода нечестными или не вполне честными способами — в ситуации, когда достижение этих целей прямым и честным путем затруднено по какой-либо причине и поэтому другие люди их достичь не могут. Все эти существительные выражают негативную оценку говорящего.

Число таких существительных довольно велико: это в первую очередь слова синонимического ряда ЛОВКАЧ: *разг. ловкач, разг. пройдоха, разг. проныра, разг. пролаза, разг. прохвост, разг. прохиндей* и др. (см. [Евгеньева 2003, 2: 514; Александрова 2001: 196]), а также члены синонимического ряда ХИТРЕЦ: *хитрец, плут, лиса* и др. (см. [Евгеньева 2003, 2: 650; Александрова 2001: 539]).

Среди существительных первого из указанных рядов обращают на себя внимание слова, сходные не только по смыслу, но и в словообразовательном отношении — это стилистически отмеченные в качестве разговорных *пройдоха, проныра* и *пролаза*. Эти существительные связаны с глаголами с приставкой *про-*, указывающей на движение вперед — обычно сквозь препятствия, затрудняющие перемещение; ср. характерные сочетания, в которых реализуется данное значение приставки: *пройти сквозь <через> стену; пронырнуть между двумя подводными скалами* (а также *пронырнуть в самую гущу толпы*), *пролезть сквозь узкую щель*. Таким образом, в основе значения слов *пройдоха, проныра, пролаза* лежит образ человека, продвигающегося сквозь препятствия к намеченной цели¹.

Негативная оценка со стороны говорящего обусловлена, как уже говорилось, тем, что для достижения целей субъект прибегает к нечестным приемам. В качестве таких приемов часто выступают *уловки, хитрости, ухищрения* и *маневры*; ср. толкование существительных — членов синонимического ряда УЛОВКА в [НОСС 2004: 1196]:

¹ Следует отметить, однако, что в случае *пройдохи* внутренняя форма слова значительно более затемнена, чем в случае *проныры* и *пролазы*: едва ли обычный носитель современного русского языка сможет установить семантическую и словообразовательную связь между *пройдохой* и глаголом *пройти* (от которого к тому же данное существительное образовано, согласно [Фасмер 1971: 373] не напрямую, а через субстантивировавшуюся причастную форму *проида*; отметим, впрочем, что *проида*, а также *проидоха*, не зафиксировано ни в древнерусском подкорпусе НКРЯ, ни в исторических словарях русского языка). В то же время для двух других существительных связь с производящими глаголами очевидна любому русскоговорящему (благодарим Т.В. Крылову, высказавшую это важное соображение). Тем не менее, *пройдоха*, безусловно, отчетливо связывается с представлением о достижении субъектом цели путем (нечестного) преодоления препятствий.

‘отвлекающий прием, с помощью которого субъект пытается преодолеть препятствие на пути к цели или уклониться от чего-либо’².

Итак, данные существительные обладают очень большим семантическим сходством, подкрепленным словообразовательной структурой; ср. описание в [Евгеньева 2003, 2: 514]: «Эти слова употребляются в обиходно-разговорной речи для обозначения ловкого, изворотливого человека, умеющего устраивать свои дела, <...> *пройдоха* <...> — тот, кто умеет устраивать дела не только ловкостью, изворотливостью, но и хитростью; *проныра*, *пролаза* — тот, кто отличается *пронырливостью*, умением всюду проникнуть, найти себе доступ».

Тем не менее, некоторое смысловое различие между синонимами все же имеется. Из процитированного описания следует по меньшей мере тот факт, что существительное *пройдоха* находится на большем семантическом расстоянии от *проныры* и *пролазы*, чем эти два последних существительных друг от друга.

Рассмотрим следующий контекст:

(1) *Пройдоха-сапожник выдрал из «Сочинений Н.В. Гоголя» одну из тех вклеек, на которой дана фоторепродукция гоголевской рукописной странички, и этот-то фотографический снимок горе-исследователь принял за подлинник!* (К.И. Чуковский).

Легко видеть, что слово *пройдоха* не может быть заменено здесь на слова *проныра* и *пролаза*.

Задачей настоящей статьи является семантический анализ трех названных существительных с целью установления их сходства и различий. Такой анализ позволяет объяснить и даже предсказать возможность или невозможность взаимозамен данных синонимов в тех или иных контекстах, а его результаты могут оказаться полезными как носителям языка, так и тем, кто изучает русский язык как иностранный.

Материалом для работы послужили данные основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ³); при обработке этих данных использовались методы контекстуального и компонентного анализа. Рассматривая употребление каждого из существительных в конкретных контекстах и определяя возможность/невозможность взаимозамен, мы постарались выявить те компоненты значения синонимов, которые обеспечивают правильность использования их в одних случаях и обуславливают невозможность их использования в других случаях.

² Последняя часть толкования относится к синониму *увертка*. Этот прием, однако, не ассоциируется с действиями *пройдохи*, *проныры* и *пролазы*, поскольку все три слова указывают на активное стремление субъекта к достижению желаемой цели, а не на уклонение его от чего-либо нежелательного.

³ Дата обращения — 20.09.2024; в примерах из НКРЯ в скобках указывается фамилия автора произведения.

Семантические особенности существительного *пройдоха*

Целью, к которой стремится *пройдоха*, обычно является получение финансовой выгоды или карьерный рост:

(2) *Все знали, что Кисмет скупает краденое. А потом перепродает втридорога. Но официально старший пройдоха считался антикваром* (С. Кузнецова);

(3) *[Он] возненавидел всю эту муть с диссертацией, говорил, что лучше честно получать сто тридцать целковых, чем мучиться, надирать здоровье и унижаться перед нужными людьми. И Лена теперь тоже так считала и презрительно называла знакомых кандидатов дельцами, пройдохами* (Ю. Грифонов).

Добиваясь своих целей, *пройдоха* часто прибегает к прямому обману; ср. (1), (2); ср. также:

(4) *Большая часть его находок — подделка, купленная на базарах у пройдох* (Слава Сэ);

(5) *Стоит ли виноватить несчастного за то, что был доверчив и поверил пройдохе-риэлтору, будто перекрытия в доме — не трухлявая сосна, а ж/б?* (М. Кантор).

Сочетания типа *отпетый* <бессовестный, отчаянный> *пройдоха* указывают на готовность *пройдохи* идти на обман любого масштаба (ср. семантически близкие сочетания *отпетый мошенник, бессовестный лжец, отчаянный жулик*).

С одной стороны, *пройдоха* способен действовать достаточно грубо и напористо, оказывая психологическое давление и стремясь подчинить своей воле волю оппонента — он как бы идет напрямую к поставленной цели; ср.:

(6) *Пиарищика люди обычно представляют себе как циничного пройдоху, готового впарить, всучить кому угодно что угодно* (И. Левонтина).

С другой стороны, при отсутствии нужды в подобных крайних мерах *пройдоха* действует значительно мягче; он склонен входить в доверие к людям и часто использует для этого личное обаяние; ср.: *Микеле, восемнадцатилетний курчавый синеглазый пройдоха, весельчак, тончайший мастер по части развлечения вина водой <...> замер перед княгиней* (А. Соболев).

Люди часто отзываются о *пройдохе* лишь с легкой иронией или даже выражают некоторую симпатию; ср.:

(7) *Молодой человек заалел как маков цвет, и простодушная улыбка осветила его почти девичье лицо симпатичного пройдохи* (В. Катаев);

(8) *Этот ловкий пройдоха, обаятельный парень и душа общества, умел как-то легко переносить все невзгоды* (А. Азольский).

Ср. также пример, иллюстрирующий как склонность *пройдохи* к откровенному обману, так и склонность других людей восхищаться ловкостью такого обмана:

(9) *Идея подменить жезл принадлежит Талейрану. Приказав лично ювелиру срочно изготовить копию, он переправил ее на Мальту, где и совершил руками своего агента, входившего в состав капитула, подмену. Таким образом, ничего не подозревающие мальтийцы вручили своему августейшему патрону фальшивку. Подлинник же бесследно исчез. — Вот это пройдоха!* — восхитился Березовский (Е. Парнов)

По отношению к *пройдохе* возможны и другие высказывания, прямо выражающие такую симпатию или восхищение; ср.: *Ай да пройдоха!* Ср. также:

(10) *«Ах ты, пройдоха!» — ухмыльнувшись, почти ласково подумал о нём торговец вином (Б. Телков).*

В этом отношении *пройдоха* сближается с существительными *хитрец* и особенно *плут* и *уменьш-ласк. плутишка*; ср. *Ай да хитрец <плут, плутишка>!* Отметим, что ловкость и подобные качества в русской картине мира вообще относятся к числу свойств, вызывающих одобрение, даже если они используются для неблагоприятных целей, ср., например, вполне частотную сочетаемость прилагательных положительной оценки с существительными негативной оценки: *ловкий <виртуозный, хитроумный> обман; утонченная <искусная> лесть, ловкая проделка; ловкая подделка, изощренная ложь.*

В художественной литературе *пройдоха* часто выступает в роли яркого и запоминающегося персонажа, мастерски умеющего перехитрить окружающих (наиболее ярким примером такого типа может служить известный персонаж И. Ильфа и Е. Петрова Остап Бендер). Он может предстать как обаятельный плут или как циничный человек, лишенный моральных принципов и движимый исключительно личной выгодой, но независимо от того, насколько негативно оценивается такой персонаж, *пройдоха* всегда вызывает у читателя эмоциональный отклик, будь то симпатия, легкая ирония или осуждение.

Из приведенных примеров следует еще одно свойство *пройдохи*: своих целей он обычно добивается посредством слов. В самом деле, те из описанных выше ситуаций, которые связаны с обманом, с обязательностью предполагают ложные высказывания, обращенные, так сказать, к адресату обмана (хотя не исключают и каких-либо действий, как в (9)), а глаголы *впарить* и *всучить* в (6) указывают на то, что на оппонента воздействуют назойливыми уговорами или расхваливанием предлагаемого объекта.

Еще одно важное свойство существительного *пройдоха* состоит в том, что оно, формально принадлежа к числу существительных

общего рода, обычно обозначает лишь лиц мужского пола, ср. (1) — (10) (даже в (3) и (4), где пол субъекта не указывается прямо, речь почти наверняка идет именно о лицах мужского пола). Ср. также затрудненность сочетаний и высказываний типа ^{??} *эта хитрая пройдоха*; ^{??} *Она такая пройдоха*.

Семантические особенности существительных *проныра* и *пролаза*

Будем рассматривать два этих существительных вместе, поскольку контрастных семантических различий между ними выявить не удается.

Наиболее отчетливо заметно стилистическое различие *проныры* и *пролазы*: при том, что оба слова, как и *пройдоха*, являются разговорными, второе из них постепенно выходит из активного употребления и должно быть, как кажется, снабжено в словаре пометой уходящ.: на 243 вхождения слова *проныра* (и 571 вхождение слова *пройдоха*) в НКРЯ приходится лишь 41 случай вхождения существительного *пролаза*⁴.

Примечательно, что эти два существительных часто употребляются в паре, что подчеркивает их семантическую близость; ср. (11), а также (14):

(11) *Ему, пролазе, ровно ничего не стоит сослаться в речи, в диспуте, в статье на частный, на подслушанный разговор. Он не знает различия между литературным спором и доносом. Впрочем, этого не знает литературный простак, а пролаза и проныра знает, ох, как знает* (А. Воронский).

В отличие от слова *пройдоха*, существительные *проныра* и *пролаза* фокусируются на извилистом пути к цели, на способности человека как бы пролезть в узкую щель или двигаться, огибая препятствия. Это отличие от *пройдохи*, способного во многих случаях идти к цели напористо и как бы по прямой, обусловлено, видимо, значением исходных глаголов. В самом деле, глагол *пройти* ассоциируется с продвижением по прямой (сквозь препятствия или без препятствий), в то время как *пронырнуть* или *пролезть* вызывают представления о непрямой траектории движения при обязательном наличии препятствий.

Типичное прилагательное, характеризующее подобных людей — *изворотливый* (которое, впрочем, в отдельных случаях может сочетаться и с существительным *пройдоха*):

⁴ Отметим, что в [Евгеньева 2003, 2: 514] *пролаза*, как и *проныра* и *пройдоха*, имеет лишь помету «разг.», а в [Александрова 2001: 196] ни одно из данных существительных не имеет помет.

(12) *Есть такая должность на заводе — снабженец; это изворотливый человек, обладающий опытом налаживания контактов, ловкач, проныра, деляга, которого дирекция посылает к соседям, чтобы он привез новые детали к старым станкам (М. Кантор).*

Ср. также выразительный контекст, относящийся к XIX веку, но не имеющий, как кажется, никаких признаков устарелости (за исключением упомянутой выше стилистической отмеченности слова *пролаза*); отметим здесь употребление глагола *втереться*, описывающего как бы продвижение с ощущением трения, сопротивления:

(13) *Как невозможно истребить в саду червей и других вредных пресмыкающихся, так невозможно изгнать из общества этих пролаз с медными лбами, которые вотрутятся всюду, где только двери не заколочены наглухо (Ф.В. Булгарин).*

Проныра и *пролаза*, как правило, не используются для описания ситуации, в которой субъект прибегает к прямой лжи или к грубому, «в лоб», нарушению установлений, принятых в обществе, а скорее указывают на умение формально обойти правила и ограничения. Отметим в связи с этим невозможность или затрудненность сочетаний ^{??}*циничный проныра <пролаза>*, **отпетый проныра <пролаза>*, а также **прожженный проныра <пролаза>*.

Впрочем, обман не совсем невозможен для *проныры* и *пролазы*:

(14) *Этот проныра и пролаза так ловко всех обвел вокруг пальца, что никто и не заметил, как он обогатился (Ф.М. Достоевский).*

Однако следует отметить, что данный контекст, описывающий обман ради денежной выгоды, относится к XIX веку и, в отличие от (13), по-видимому, отражает несколько устаревшее словоупотребление.

Обычно целью *проныры* и *пролазы* является не чисто финансовая выгода, а приобретение в личное пользование каких-либо объектов:

(15) *То с килограммом муки, то с килограммом сахару, через неделю с пятнадцатью пачками папирос пришел. <...> То целых два килограмма пшена тащит. То уже две бутылки водки принес. Словом — пронырой стал, добытчиком (В. Шапко).*

Отметим для (15) возможность замены (с легким стилистическим отличием) слова *проныра* на синоним *пролаза* и невозможность его замены на синоним *пройдоха*, чему способствует контекст слова *добытчик*, которое укрепляет семантический фокус на идее приобретения разного рода объектов в личное пользование.

Вернемся коротко к примеру (2), на котором также удобно проиллюстрировать различие между *пронырой* и *пролазой*, с одной стороны, и *пройдохой*, с другой. В ситуации скупки краденого *пронырой* и *пролазой* мог бы быть назван человек, умеющий в обход всевозможных препятствий найти и выкупить ценную вещь (акцент — на приобретении объекта в свое распоряжение), в то время как словом

пройдоха в (2) охарактеризован человек, умеющий при помощи обмана выгодно продать эту вещь (акцент на финансовом выигрыше).

По той же причине невозможны замены слова *пройдоха* на *проныру* и *пролазу* в (4) — (6). В (4) и (5) речь идет о получении финансовой выгоды путем обмана, в (6) — о «впаривании» клиенту какого-либо объекта, а не о приобретении объекта в свое владение, и опять-таки о получении таким образом финансовой выгоды.

Отметим, однако, что то, что стремится получить *проныра* и *пролаза*, не обязательно является физическим объектом — это может быть определенное положение в обществе, престижная позиция на карьерной лестнице и под.:

(16) *Наверняка нашептывали Димочке, что я — провинциальная проныра из Мухосранска, хочу заполучить прописку, академическую дачу и так далее* (Е. Колина).

Контексты подобного типа являются одинаково подходящими для всех трех синонимов, представляя собой, тем самым, зону их семантической нейтрализации (ср. допустимость сочетания *провинциальный пройдоха, желающий заполучить прописку и академическую дачу*).

В отличие от *пройдохи*, *проныра* и *пролаза* обычно достигает цели не словами, а действиями:

(17) *Он чистопробный авантюрист, шпион по натуре, разведчик, умный проныра: он сторожил чужое открытие, воровал у великого поэта черновики, списывал украдкой у него из тетрадей формулы Времени* (А. Иличевский);

(18) *Но каков, однако, пролаза, — прибавил он, — на два дня приехал в Москву, успел уже съездить к генерал-губернатору и получить от него приглашение на бал* (А.Ф. Писемский).

Интересно отметить, что *проныра* и *пролаза* оцениваются в русском языке в целом более негативно, чем *пройдоха*: невозможно сказать **симпатичный <*обаятельный> проныра <пролаза>*.

Будучи, как и *пройдоха*, словами общего рода, *проныра* и *пролаза*, в отличие от *пройдохи*, достаточно регулярно указывают на лиц женского пола; ср. (16), а также:

(19) *Вторую надзирательницу я прозвала «дрянью»: проныра, маленькая, паршивенькая, хитренькая, подленькая, с личиком в кулачок* (Т. Окуневская).

И все же, несмотря на перечисленные различия, противопоставляющие существительное *пройдоха*, с одной стороны, и *проныра* и *пролаза*, с другой, в целом слово *пройдоха* весьма близко семантически словам *проныра* и *пролаза*. Как и в случае с другими синонимами, легко находятся контексты, где *пройдоха* без затруднений заменяет существительные *проныра* и *пролаза*; ср. (16). Ср. также

контекст, где *проныра* и *пройдоха* используются, по сути, как варианты и указывают на одно и то же лицо:

(20) На картине «Деревенский адвокат» изображена контора сельского адвоката <...>. За столом адвокат-проныра принимает дань от клиентов живой натурой: куры, яйца, овощи <...>. Манера письма указывает на авторство Питера Брейгеля Старшего, но нет никаких сведений, что он когда-либо писал картину на подобный сюжет. Второй пункт — на картине изображен адвокат-пройдоха, а вот физиономия самого адвоката — вылитый портрет Рудольфа Второго Габсбургского (Л. Залесова-Докторова).

Заключение

Проведенный анализ показывает, что из трех синонимов существительное *пройдоха* оказывается противопоставленным существительным *проныра* и *пролаза* по ряду существенных признаков. Такими признаками являются: 1) цель, к которой стремится субъект (часто денежная выгода для *пройдохи*; часто обладание каким-либо физическим объектом для *проныры* и *пролазы*; улучшение позиции в той или иной социальной иерархии может служить целью в случае всех трех синонимов; соответствующие контексты являются зоной их семантической нейтрализации); 2) способы достижения цели (преимущественно обман, часто с опорой на личное обаяние, для *пройдохи*; преимущественно разного рода действия, направленные как бы на огибание препятствий, для *проныры* и *пролазы*); 3) оценка со стороны говорящего (*пройдоха* может оцениваться с симпатией); 4) способность указывать на лиц женского пола (существует для *проныры* и *пролазы*, практически отсутствует для *пройдохи*).

Анализ трех данных синонимов демонстрирует богатство и выразительность русского языка, предоставляющего широкий спектр лексических средств для передачи различных оттенков значений. Изучение подобных синонимических рядов открывает интересные перспективы для дальнейших лингвистических исследований в области лексической семантики, прагматики и стилистики, а также способствует более глубокому пониманию специфики русской языковой картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Около 11 000 синонимических рядов. 2001. 568 с.
2. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под ред. Ю.Д. Апресяна. Второе издание, исправленное и дополненное. 2004. 1488 с.
3. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т. 2. Под ред. А.П. Евгеньевой. 2003. 702 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. 1971. 828 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

5. Национальный корпус русского языка, основной подкорпус [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 13.09.2024).
6. Национальный корпус русского языка, газетный подкорпус [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 13.09.2024).

REFERENCES

1. Aleksandrova Z.E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: Okolo 11 000 sinonimicheskikh rjadov [Dictionary of synonyms of the Russian language: About 11,000 synonymous rows]. 2001. 568 p.
2. Novyi objasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [A new explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. Ed. Yu.D. Apresjan. Second edition, revised and expanded]. 2004. 1488 p.
3. Slovar' sinonimov russkogo yazyka v dvuh tomah [Dictionary of synonyms of the Russian language in two volumes. Ed. A.P. Yevgenyeva. V. 2]. 2003. 702 p.
4. M. Vasmer. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language. V. III]. 1971. 828 p.

SOURCES OF EXAMPLES

5. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka, osnovnoi podkorpus [The main subcorpus of the National Russian corpus] [Online source]. URL: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 13.09.2024).
6. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka, gazetnyi podkorpus [Newspaper subcorpus of the National Russian corpus] [Online source]. URL: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 13.09.2024)

Поступила в редакцию 28.09.2024

Принята к публикации 18.02.2025

Отредактирована 03.03.2025

Received 28.09.2024

Accepted 18.02.2025

Revised 03.03.2025

ОБ АВТОРАХ

Птенцова Анна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; филологического факультета Совместного университета МГУ-ППИИ; anna.ptentsova@gmail

Чжэньчжэнь Дуань — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; филологического факультета Совместного университета МГУ-ППИИ; zhenzhen@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Ptentsova — PhD, Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University; anna.ptentsova@gmail.com

Duan Zhenzhen — PhD, Student of the Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University; zhenzhen@mail.ru

ОБ ОКОНЧАНИЯХ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА В ЯЗЫКЕ ПРОЗЫ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В КОНТЕКСТЕ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ ТРАДИЦИИ

С.Г. Мамечков, М.Н. Шевелёва

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; mamechkov@list.ru; mnsheveleva@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о распределении односложных и двусложных окончаний творительного падежа единственного числа *-ой (-ей) / -ую (-ею)*, а также *-ью / -ию* в языке лермонтовской прозы (романа «Герой нашего времени») в сравнении с предшествующей традицией — прозой А.С. Пушкина, его современника А.А. Бестужева-Марлинского и с прозой Н.М. Карамзина. Обнаруживается как общая динамика в распределении этих окончаний в пользу расширения употребления односложных флексий, так и индивидуальные особенности пушкинской художественной прозы, отличающие ее от предшествующей и последующей традиции, и индивидуальные особенности прозы М.Ю. Лермонтова. В прозе Карамзина и прозе Бестужева-Марлинского преобладают двусложные окончания с факультативным проникновением односложных вариантов без их специального распределения, сходная картина с некоторым увеличением частотности односложных форм наблюдается в нехудожественной прозе Пушкина, в пушкинской же художественной прозе односложные окончания вводятся в конструкции с несколькими формами Т. п. для достижения количественного баланса синтагмы, придания ей «легкости». В лермонтовской прозе односложные окончания Т. п. в целом более употребительны сравнительно с предшествующей традицией, при этом части романа в данном отношении неоднородны: близкие к традициям романтической прозы «Бэла» и «Тамань» более консервативны, в то время как в «Княжне Мери» односложные окончания решительно преобладают — реалистическая проза Лермонтова ориентируется, как можно полагать, на естественное употребление.

Ключевые слова: односложные и двусложные окончания творительного падежа единственного числа; пушкинская проза; проза Лермонтова; динамика литературной нормы

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-5

Для цитирования: Мамечков С.Г., Шевелёва М.Н. Об окончаниях творительного падежа единственного числа в языке прозы М.Ю. Лермонтова в контексте предшествующей традиции // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 58–69.

ON INSTRUMENTAL SINGULAR CASE ENDINGS IN LERMONTOV'S PROSE IN THE CONTEXT OF THE PREVIOUS TRADITION

Stepan G. Mamechkov, Maria N. Sheveleva

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mamechkov@list.ru;
mnsheveleva@mail.ru*

Abstract: The paper deals with the distribution of monosyllabic and two-syllable endings of Instrumental case *-ою (-ей) // -ою (-ею)* and *-ью/-юю* in Lermontov's prose (*A Hero of Our Time*) compared to the previous tradition — A. Pushkin's prose, A. Bestuzhev-Marlinsky's and N. Karamsin's prose. Both the overall growth of frequency of monosyllabic endings as well as the individual peculiarities of Pushkin's fiction, that distinguish it from the previous and subsequent traditions, and the individual features of Lermontov's prose are examined. In Karamsin's and Bestuzhev-Marlinsky's prose two-syllable endings predominate with sporadic penetration of monosyllabic variants without their special distribution. A similar picture with a slight increase in frequency of monosyllabic forms is observed in Pushkin's non-fiction prose, but in his fiction monosyllabic endings are introduced into constructions with several forms of Instrumental case to achieve a certain quantitative balance of syntagma, make it "lighter". In Lermontov's prose monosyllabic endings of Ins sg are generally more common than in the previous tradition, although the parts of the novel are heterogeneous: "Bela" and "Taman", close to the traditions of romantic prose, are more conservative, while in "Princess Mary" monosyllabic endings strongly dominate — as it can be assumed, Lermontov's realistic prose is oriented towards the real language usage.

Keywords: monosyllabic and two-syllable endings of the Instrumental singular case; Pushkin's prose; Lermontov's prose; evolution of literary norm

For citation: Mamechkov S.G., Sheveleva M.N. (2025) On Instrumental Singular Case Endings in Lermontov's Prose in the Context of the Previous Tradition. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 58–69.

Как известно, в русском литературном языке первой половины XIX в. двусложные окончания Т. п. ед. ч. ж. р. *-ою (-ею)* преобладали над односложными окончаниями *-ой (-ей)*, которые оценивались в грамматиках как просторечные [Греч 1827: 94], — прямо противоположно ситуации в современном русском языке, где двусложные варианты этих окончаний периферийны, используются преимущественно в поэзии и трактуются как архаизмы [Зализняк 1977: 26; АГ 1980: 489; см. также Кукушкина 2016: 205]. Сходная, хотя несколько более продвинутая ситуация наблюдается в отношении односложных и специфически книжных двусложных окончаний Т. ед. суще-

ствительных III склонения *-ью* и *-ию*.¹ При этом в беллетристику начала XIX в. односложные окончания Т. ед. *-ой* (*-ей*) несомненно проникают [Булаховский 1954: 108] — правда, традиционно считалось, что в языке русской прозы этого времени они используются как факультативные варианты двусложных окончаний и не имеют какого-либо распределения по отношению к двусложным формам.

Как показали наши предшествующие исследования, в действительности распределение этих форм в рассматриваемый период существенно менялось, причем обнаруживается как общая хронологическая динамика в распределении односложных/двусложных окончаний Т. п. ед. ч., так и индивидуальные особенности разных авторов. Оказалось, что этот незначительный, на первый взгляд, морфонологический параметр выявляет показательные различия языка прозаических текстов первой половины XIX века².

Данная статья посвящена исследованию по названному параметру языка прозы М.Ю. Лермонтова, а именно романа «Герой нашего времени» в сопоставлении с предшествующей литературной традицией конца XVIII — начала XIX века — прозой Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина и современника Пушкина А.А. Бестужева (Марлинского).

Обнаружилось, что, если в прозе Карамзина и Бестужева-Марлинского, а также в нехудожественной прозе Пушкина в распределении односложных vs двусложных окончаний Т. ед. наблюдается картина, в целом сходная с традиционно описываемой для литературного языка начала XIX в. (преобладание двусложных окончаний и факультативная допустимость окончаний односложных без какого-либо специального их распределения, см. выше) с некоторой хронологической динамикой в сторону увеличения числа одно-

¹ Напомним, что односложные окончания Т. ед. *-ой* (*-ей*) возникают в результате действия в истории русского языка тенденции к факультативному или обязательному отпадению конечного безударного нередуцированного гласного, не составляющего самостоятельного морфа [Зализняк 2002: 552–554]; в Т. ед. новый односложный вариант длительное время сосуществовал, а в литературном языке сосуществует до сих пор со старым двусложным. Односложное окончание Т. ед. существительных III склонения (основ на *-*i*) *-ью* [-ju] представляет закономерный результат утраты слабого редуцированного, в то время как двусложная форма на *-ию* — искусственное книжное сохранение гласного *-и*.

² Исследованию распределения односложных и двусложных окончаний Т. ед. (*-ою/-ой*, *-ию/-ью*) в прозе Карамзина, Пушкина, Бестужева-Марлинского посвящены работы [Мамечков, Шевелева 2016, 2020; Мамечков 2022, 2023], где описан материал повестей и «Писем русского путешественника» Карамзина, повестей Бестужева-Марлинского, прозаических текстов Пушкина разных жанров — пушкинской художественной прозы («Повести Белкина», «Дубровский», «Капитанская дочка»), исторического сочинения «История Пугачева», избранных статей о литературе и театре, а также писем Пушкина к Н.Н. Гончаровой-Пушкиной, максимально близких, как можно полагать, к живому языку пушкинского круга.

сложных форм, в пушкинской художественной прозе наблюдаются особые закономерности в распределении этих окончаний, требующие специального внимания. Как выяснилось, значимым фактором для выбора односложного или двусложного окончания Т. ед. в художественной прозе Пушкина оказывается фактор синтагматический: имеем ли мы дело с одиночным существительным в Т. п. ед. ч. или со словосочетанием «прилагательное (местоимение-прилагательное) + существительное» в Т. ед. / многословной конструкцией с соположением нескольких форм Т. п. ед. ч. [Мамечков, Шевелева 2016, 2020] (см. подробнее ниже). Соответственно, описание распределения односложных vs двусложных окончаний Т. ед. и в текстах других авторов — предшественников и современников Пушкина, а также в прозе Лермонтова проведено с учетом этого синтагматического параметра.

В художественных сочинениях Н.М. Карамзина формы Т. п. ед. ч. с двусложными окончаниями во всех позициях доминируют — примеры форм с односложными окончаниями единичны, и эти окончания не имеют никакого особого распределения; см. Таблицу 1.

Таблица 1

Окончания		Повести Карамзина ³		«Письма...» Карамзина ⁴		
Одиночные существительные	I скл. -ою :-ой	53:1		71:0		
	III скл. -ию:-ью	14:4		18:3		
Словосочет. «прил.+сущ. I скл.»	Оба двусложн. -ою +-ою		25		27	
	Хотя бы одно односл.	-ой+-ою	0	Всего: 2	1	Всего: 1
		-ою+-ой	1		0	
		-ой+-ой	1		0	
Словосочет. «прил.+сущ. III скл.»	Оба двусложн. -ою +-ию		15		18	
	Хотя бы одно односл. (-ою+-ью)		6		5	

Сходная картина наблюдается и в художественной прозе чуть более позднего времени — у Бестужева-Марлинского, современни-

³ Рассматривались повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь», «Остров Борнгольм», «Сиерра-Морена».

⁴ Исследована первая часть «Писем русского путешественника» (письма 1–40) по изд.: Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1987 (Литературные памятники).

ка Пушкина. Здесь примеров форм с двусложными окончаниями Т. ед. немного больше, чем в прозе Карамзина, но все-таки их еще мало, и эти окончания также не имеют распределения (соотношение *-ою/-ой* 51:10 для одиночных существительных и 23:6 для словосочетаний «прил. + сущ.», где хотя бы одна форма имеет односложное окончание) — см. Таблицу 2.

Таблица 2

Окончания		Проза А. Бестужева (Марлинского) ⁵		
Одиночные существительные	I скл. <i>-ою:-ой</i>	51:10		
	III скл. <i>-ию:-ью</i>	14:12		
Словосочет. «прил.+сущ. I скл.»	Оба двусложн. <i>-ою+-ою</i>		23	
	Хотя бы одно односл.	<i>-ой+-ою</i>	2	Всего: 6
		<i>-ою+-ой</i>	2	
		<i>-ой+-ой</i>	2	
Словосочет. «прил. + сущ. III скл.»	Оба двусложн. <i>-ою +-ию</i>		8	
	Хотя бы одно односл. (<i>-ою+-ью</i>)		8	

Особая ситуация, как мы уже говорили, обнаруживается в пушкинской прозе, причем употребление форм Т. ед. в нехудожественных сочинениях Пушкина отличается от их употребления в художественной прозе. В нехудожественных прозаических произведениях Пушкина нет особого распределения рассматриваемых форм, при этом во всех позициях преобладают двусложные окончания — ситуация соответствует основной литературной норме своего времени. В художественной же прозе Пушкина значимым оказывается синтагматический фактор: в атрибутивных словосочетаниях «прил. + сущ.» в большинстве случаев хотя бы один из компонентов имеет односложное окончание (см. Таблицу 3), то же наблюдается и в многословных конструкциях, притом что у одиночных существительных преобладают двусложные окончания Т. ед. Таким образом, в языке пушкинской художественной прозы обнаруживается явная закономерность: в неоднословных конструкциях с формами Т. ед. хотя бы одна из форм, как правило, принимает односложное окончание (чаще препозитивное определение-прилагательное) — тем самым достигается некоторый количественный баланс синтагмы, близкий к ритмическому, удается избежать «нагромождения» форм с двусложны-

⁵ Исследованы художественные произведения А. Бестужева-Марлинского «Ночь на корабле», «Ревельский турнир», «Часы и зеркало», «Красное покрывало», «Будочник-оратор», «Месть».

ми окончаниями (см. примеры в [Мамечков, Шевелева 2020]). В этом пункте приоткрывается один из секретов «легкости» пушкинской прозы, избегающей громоздкого повторения двусложных окончаний [Мамечков, Шевелева 2020: 17] (ср. о проблеме ритмики пушкинской прозы в [Томашевский 2008])⁶. Обратим внимание, что в распределении окончаний существительных III склонения *-ию/-ью* в пушкинской художественной прозе наблюдается сходная картина с распределением окончаний *-ою/-ой* — см. Таблицу 3.

Таблица 3

Окончания		Дубров-ский	Капитан-ская дочка	История Пугачева	Письма к жене	
Одиночные существительные	I скл. <i>-ою/-ой</i>	19:9	57:22	52:13	14:26	
	III скл. <i>-ию/-ью</i>	11:7	24:11	19:25	3:6	
Словосочет. «прил.+сущ. I скл.»	Оба двусложн. <i>-ою+-ою</i>		2	9	20	1
	Хотя бы одно односл.	<i>-ой+-ою</i>	6	12	3	1
		<i>-ою+-ой</i>	2	1	1	1
		<i>-ой+-ой</i>	2	5	3	2
Всего:		10	18	7	4	
Словосочет. «прил.+сущ. III скл.»	Оба двусложн. <i>-ою+-ию</i>		2	8	12	1
	Хотя бы одно односл.	<i>-ой+-ию</i>	0	5	1	1
		<i>-ою+-ью</i>	2	3	2	1
		<i>-ой+-ью</i>	4	6	0	1
Всего:		6	14	3	3	

Надо заметить, что употребление окончаний *-ою/-ой* у личных местоимений (*тобою/тобой* и под.) у всех рассмотренных авторов, в том числе в прозе Пушкина, оказывается существенно более консервативным, чем у существительных и прилагательных (см. материал в [Мамечков, Шевелева 2020; Мамечков 2022]).

Итак, рассмотрим в контексте предшествующей традиции распределение односложных/двусложных форм Т. п. ед. ч. в языке прозы Лермонтова. Описание проводится по тем же позициям, что

⁶ К вопросу о распределении двусложных/односложных окончаний Т. ед. *-ою/-ой* в пушкинской прозе в связи с проблемой ее ритмической организации обращался Б.В. Томашевский: он искал решение проблемы в выявлении структуры конечной части фразы (числа безударных слогов) по отношению к ударению [Томашевский 2008: 281–283]. Наш подход предполагает взгляд на распределение этих форм безотносительно к ударению и положению в конечной/неконечной части колона — со стороны их сочетаемости в синтагме.

и применительно к прозе Пушкина, Карамзина, Марлинского, при этом сложность композиционной структуры романа «Герой нашего времени» и неоднородность его частей требует отдельного рассмотрения материала каждой повести в составе романа.

Результаты исследования представлены в Таблице 4. Прокомментируем полученные данные, отличающиеся от данных по распределению соответствующих окончаний в прозе Пушкина и тем более его предшественников и современников, с одной стороны, и имеющие различия между разными частями романа — с другой.

Таблица 4

Окончания		Бэла	Максим Максимыч	Тамань	Княжна Мери	Фаталист						
Одиночные существительные	I скл. -ою :-ой	18:17	2:2	8:3	21:43	3:5						
	III скл. -ию:-ью	2:15	0:0	0:3	2:25	0:1						
Словосочет. «прил. + сущ. I скл.»	Оба двусложн. -ою +ою	4	0	2	2	0						
	Хотя бы одно односл.	-ой+-ою	3	Всего: 5	0	Всего: 4	0	Всего: 2	3	Всего: 32	0	Всего: 0
		-ою+-ой	0		1		0		4		0	
		-ой +-ой	2		3		2		25		0	
Словосочет. «прил. + сущ. III скл.»	Оба двусложн. -ою +ию	0	0	0	1	1						
Словосочет. «прил. + сущ. III скл.»	Хотя бы одно односл. (-ою+-ью)	1	0	4	7	0						
	Оба односл. (-ой +-ью)	2	0	0	11	1						
Много- словные кон- струк- ции	Все двусложные	0	0	0	0	0						
	Хотя бы одно односложное/все односложные	2/3	0	2/3	2/8	0						

В отличие от прозы Пушкина, в лермонтовской прозе одиночные существительные гораздо чаще имеют односложные окончания: если в «Бэле» число окончаний -ою /-ой примерно равное (18:17, ср. также «Максим Максимыч» — 2:2), то в «Княжне Мери» новые односложные окончания -ой уже значительно преобладают (21:43, ср. «Фаталист» — 3:5). У существительных III склонения преобладание

живых односложных форм на *-ью* над книжными *-ию* еще более существенно, причем опять особенно ярко это проявляется в повести «Княжна Мери» («Бэла» — 2:15, «Княжна Мери» — 2:25). Ср. некоторые примеры:

И слышно было, как он трепал рукою по гладкой шее своего скакуна («Бэла»); ...где катился поток, то скрываясь под ледяною корою, то с пеною прыгая по черным камням («Бэла»); ...колокольчик по временам звенел под дугою («Максим Максимыч»); ...стрелю выскочила из комнаты («Тамань»); она покачала головой («Бэла»); Он был ранен пулей в ногу («Княжна Мери»); Однако ж вы мне должны описать маменьку с дочкой (Там же); Я говорил раза два с княжной... (Там же);

ср. у существительных III склонения: *Извозчики с криком и брашною колотили лошадей («Бэла»); одна только княгиня Лиговская с дочерью («Княжна Мери»); окруженные молодежью (Там же)*⁷.

Особого внимания требует употребление односложных/двусложных окончаний в составе атрибутивных словосочетаний «прил. + сущ.» — позиции, где в художественной прозе Пушкина, в отличие от прозы Карамзина и Марлинского, обнаруживается тенденция к введению односложных окончаний для соблюдения количественного баланса синтагмы. В прозе Лермонтова такой закономерности не наблюдается, однако конструкций с односложными окончаниями в большинстве повестей романа больше, чем с двумя двусложными (ср. «Бэла» — 4:5, «Максим Максимыч» — 0:4, «Тамань» — 2:2); особенно разительное преобладание односложных форм в атрибутивных сочетаниях мы видим в «Княжне Мери», где это соотношение в пользу окончания *-ой* относительно *-ою* составляет 2:32 (!), причем в 25 случаях из 32 односложное окончание *-ой* имеют обе формы в составе словосочетания «прил. + сущ.» — см. Таблицу 4. Столь значительного доминирования односложных окончаний Т. ед. над двусложными в прозе Пушкина не наблюдалось, в особенности — обратим на это внимание — употребления обеих форм с окончаниями *-ой* (напомним, что у Пушкина чаще одна из форм принимает односложное окончание, но не обе — см. выше). Обратим также внимание на то, что по данному параметру язык повести «Княжна Мери» в составе романа отличается от «Бэлы» и «Тамани»: именно в «Княжне Мери» односложных окончаний оказывается решительно больше. Некоторые примеры:

⁷ Личные местоимения в прозе Лермонтова в отношении употребительности окончаний *-ою/-ой*, как и в предшествующей традиции, существенно более консервативны (см. выше), ср. «Бэла» — 14:9, «Княжна Мери» — 39:15, односложные окончания здесь утверждаются со значительным отставанием.

За моею тележкой четверка быков тащила другую («Бэла»);⁸ оставайся полной хозяйкой всего, что я имею («Бэла»); Вот наконец мы взобрались на Гуд-гору, остановились и оглянулись: на ней висело серое облако, и его холодное дыхание грозило близкой бурей («Бэла»); вдали серебряной бахромой сверкали снеговые горы («Княжна Мери»); я дал ей почувствовать очень запутанной фразой (Там же); Росистый вечер дышал упоительной прохладой (Там же).

В словосочетаниях «прил. + сущ. III скл.» примеров с двумя двусложными окончаниями почти нет во всех частях романа (см. Таблицу 4), причем в «Княжне Мери» снова преобладают конструкции с двумя односложными окончаниями. Некоторые примеры: *тянется серебряною нитью («Бэла»); да и с какой целью? («Тамань»); Русские барышни большею частью питаются только платонической любовью («Княжна Мери»); окутанная черной шалью (Там же).*

Сходная картина обнаруживается в многословных конструкциях, при этом здесь примеры со всеми двусложными окончаниями вообще отсутствуют во всех повестях (см. Таблицу 4), ср. примеры: *а внизу Арагва, обнявшись с другой безыменной речкой... («Бэла»); и он верной, но осторожной поступью прошел мимо меня («Тамань»); ...самой милой улыбкою («Княжна Мери»); ...под этой толстой, серой шинелью (Там же); все мои больные заняты этой важной новостью (Там же); Я расхохотался, увидев эту маленькую фигурку под огромной косматой шапкой (Там же)⁹.*

Таким образом, распределение двусложных/односложных окончаний Т. ед. в прозе Лермонтова оказывается более продвинутым в смысле употребительности односложных окончаний сравнительно с предшествующей традицией, в том числе сравнительно с пушкинской прозой. При этом важно отметить, что степень представленности односложных форм в разных частях «Героя нашего времени» неодинакова. Наиболее консервативными в данном отношении оказываются близкие к традициям романтической прозы «Бэла» и «Тамань» — доля односложных форм здесь меньше, чем в других повестях. Напротив, в «Княжне Мери», фактически представляющей собой светскую повесть [Вацуро 1981: 449], решительно

⁸ Местоимения-прилагательные по поведению исследуемых окончаний не отличаются от прилагательных, поэтому рассматриваются нами как прилагательные (см. так же выше).

⁹ В сравнении с предшествующей традицией картина употребления односложных/двусложных окончаний в многословных конструкциях такова: в прозе Карамзина и Бестужева-Марлинского преобладают примеры со всеми двусложными окончаниями, в художественной прозе Пушкина в большинстве случаев хотя бы одна из форм таких конструкций имеет односложное окончание, в прозе Лермонтова же решительно преобладают окончания односложные — по сравнению с началом XIX в. ситуация меняется на противоположную.

преобладают односложные окончания. Картина в «Княжне Мери» оказывается ближе всего к той, что наблюдалась в письмах Пушкина к жене (см. выше, Таблица 3), близких к живому языку пушкинского круга. Таким образом, язык этой части романа — уже реалистической прозы Лермонтова — приближается в отношении распределения односложных/двусложных окончаний Т. ед. к языку образованного дворянского общества своего времени. Если в художественной прозе Пушкина односложные окончания Т. ед. вводятся с эстетической целью создания ритмической «легкости» прозаического текста, то у Лермонтова это, по всей видимости, прежде всего ориентация на отражение естественного живого употребления.

Как мы видим, по данному параметру реалистическая проза Лермонтова оказывается наиболее продвинутой в отношении отражения реального употребления рассматриваемых форм сравнительно с предшествующей литературной традицией. Обратим также внимание на значимость распределения односложных vs двусложных окончаний Т. ед. (как, вероятно, и ряда других малозаметных на первый взгляд признаков) для характеристики языка прозаических сочинений первой половины XIX века, в том числе и при решении проблемы их атрибуции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Изд. 2-е. М., 1954. 468 с.
2. Вацуро В.Э. Проза Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 447–449.
3. Греч Н. Практическая русская грамматика. СПб., 1827. 579 с.
4. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977. 880 с.
5. Зализняк А.А. Правило отпадения конечных гласных в русском языке // Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 550–558.
6. Кукушкина О.В. Морфонология современного русского литературного языка. М., 2016. 337 с. (электронное издание).
7. Мамечков С.Г. Односложные и двусложные формы Тв. ед. в языке прозы начала XIX века: Пушкин и Марлинский // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022. № 2 (10). С. 24–29.
8. Мамечков С.Г. О формах Творительного падежа единственного числа в прозе Н.М. Карамзина // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2023. № 4 (16). С. 17–22.
9. Мамечков С.Г., Шевелева М.Н. Об одном морфонологическом архаизме в языке прозы А.С. Пушкина (на материале «Повестей Белкина») // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных и научно-методических статей. Вып. 12. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 86–97.

10. Мамечков С.Г., Шевелева М.Н. Об односложных и двусложных окончаниях Творительного падежа единственного числа в языке прозы А.С. Пушкина // Stephanos. 2020. № 3 (41). С. 9–26.
11. Русская грамматика / АН СССР. Т. I. М., 1980. 784 с.
12. Томашевский Б.В. Ритм прозы («Пиковая дама») // Томашевский Б.В. Избранные работы о стихе. СПб., 2008. С. 243–299.

REFERENCES

1. Bulakhovskii L.A. *Russkii literaturnyi yazyk pervoi poloviny XIX veka. Fonetika. Morfologiya. Udarenie. Sintaksis* [Russian Literary Language of the First Half of the 19th Century]. 2nd ed., Moscow, *Uchpedgiz Publ.*, 1954. 468 p. (In Russ.)
2. Grech N. *Prakticheskaya russkaya grammatika* [Practical Russian Grammar]. St. Petersburg, 1927, 578 p. (In Russ.)
3. Kukushkina O.V. *Morfologiya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. [Morphology of the modern Russian literary language]. Moscow, *MSU Publishing House*, 2016. 337 p. [Electronic edition]. (In Russ.)
4. Mamechkov S.G. *Odnoslozhnye i dvuslozhnye formy Tv.ed. v yazyke prozy nachala XIX veka: Pushkin i Marlinskii* [Monosyllabic and two-syllable endings of Instrumental singular case in the language of the early 19th-century prose: Pushkin and Marlinsky], *Professorskii zhurnal. Seriya: Russkii yazyk i literatura*. [Professors' Journal. Series: Russian language and literature]. 2022, no. 2 (10), pp. 24–29. (In Russ.)
5. Mamechkov S.G. *O formakh Tvoritel'nogo padezha edinstvennogo chisla v proze N.M. Karamzina* [On the Instrumental Singular Case Forms in N.M. Karamzin's Prose], *Professorskii zhurnal. Seriya: Russkii yazyk i literatura*. [Professors' Journal. Series: Russian language and literature]. 2023, no. 4 (16), pp. 17–22. (In Russ.)
6. Mamechkov S.G., Sheveleva M.N. *Ob odnom morfonologicheskom arkhazime v yazyke prozy A.S. Pushkina (na materiale «Povestei Belkina»)* [Upon a Certain Morphological Archaism in the Language of Pushkin's Prose (based on «The Belkin Tales»)]. *Yazyk, literatura, kul'tura: Aktual'nye problemy izucheniya i prepodavaniya: Sbornik nauchnykh i nauchno-metodicheskikh statei*. 2016, Issue 12, pp. 86–97. (In Russ.)
7. Mamechkov S.G., Sheveleva M.N. *Ob odnoslozhnykh i dvuslozhnykh okonchaniyakh Tvoritel'nogo padezha edinstvennogo chisla v yazyke prozy A.S. Pushkina* [On Monosyllabic and Two-syllabic Endings of Instrumental Singular Case in Pushkin's Prose], *Stephanos Publ.*, 2020, no. 3 (41), pp. 9–26. (In Russ.)
8. *Russkaya grammatika / Akademiya nauk SSSR* [Russian Grammar. USSR Academy of Sciences]. *Nauka Publ.*, 1980, Vol. 1, Moscow, 784 p.
9. Tomashevskii B.V. *Ritm prozy («Pikovaya dama»)* [The rhythm of prose (“The Queen of Spades”)] // Selected writings on verse. St. Petersburg, *Academia Publ.*, 2008, pp. 243–299. (In Russ.)
10. Vatsuro V.E. *Proza Lermontova* [Lermontov's prose] // *Lermontov Encyclopedia, Sovetskaya entsiklopediya Publ.*, Moscow, 1981, pp. 447–449. (In Russ.)
11. Zaliznyak A.A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie* [Grammatical Dictionary of the Russian Language. Inflection]. Moscow, *Russkii yazyk Publ.*, 1977. 880 p.
12. Zaliznyak A.A. *Pravilo otpadeniya konechnykh glasnykh v russkom yazyke* [The Rule of the Apocope of Final Vowels in Russian]. Zaliznyak A.A. “*Russian Nominal Inflection*” with the Application of Selected Works on Modern Russian Language and General Linguistics. Moscow. *Yazyki Slavyanskoy Kultury Publ.*, 2002, pp. 550–558. (In Russ.)

Поступила в редакцию 22.05.2024
Принята к публикации 18.02.2025
Отредактирована 04.03.2025

Received 22.05.2024
Accepted 18.02.2025
Revised 04.03.2025

ОБ АВТОРАХ

Мамечков Степан Геннадьевич — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; mamechkov@list.ru

Шевелёва Мария Наумовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; mnsheveleva@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Stepan Mamechkov — PhD in Philology, Teaching Fellow, Department of Russian Language for Foreign Students, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; mamechkov@list.ru

Maria Sheveleva — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; mnsheveleva@mail.ru

ПОЗИЦИОННЫЕ КЛАССЫ СОЮЗОВ В БАРТАНГСКОМ ЯЗЫКЕ

О.И. Беляев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Институт языкознания РАН, Москва, Россия; belyaev@ossetic-studies.org

Аннотация: В статье рассматривается синтаксис клаузалных союзов в бартангском языке (памирский иранский язык шугнано-рушанской группы). Показано, что в отличие от большинства других иранских языков и вопреки более ранним описаниям, в этом языке отсутствуют начальные подчинительные союзы, при этом преобладают внутриклаузалные показатели (во второй и предглагольной позициях). При этом некоторые из союзов, традиционно относимых к сочинительным или начальным подчинительным, корректнее рассматривать как финальные союзы или частицы. Ядро системы союзов бартангского языка составляют: полифункциональные внутриклаузалные *ца* и $ди_{IN}$; «начальный» $ди_{EX}$; сочинительные *ху* 'и' и *ат* 'а, но'. Союз *ца* обязательно должен занимать предглагольную позицию, т. е. примыкать непосредственно слева к глаголу, отделяясь только отрицанием. Союз $ди_{IN}$ вариативно допускает как вторую, так и предглагольную позицию; при этом его вторая позиция отличается от второй позиции, которую занимают лично-числовые субъектные клитики, а предглагольная — от предглагольной позиции союза *ца*. Союз $ди_{EX}$, на мой взгляд, и вовсе не должен считаться подчинительным союзом; это финальная частица, обозначающая наличие в последующем дискурсе клаузы, продолжающей данную. Наконец, из двух «сочинительных» союзов этот термин может применяться только к *ат* 'а, но', который стоит между двумя клаузами и может начинать новое высказывание. Союз *ху* 'и' должен считаться конечным подчинительным союзом. Этот материал представляет интерес как для дальнейшего синтаксического описания бартангского языка, так и для типологии союзов в иранских языках.

Ключевые слова: бартангский язык; иранские языки; памирские языки; сложное предложение; союзы

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 24-18-00199 «Структура клаузы и позиционные феномены в языках SOV».

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-6

Для цитирования: Беляев О.И. Позиционные классы союзов в бартангском языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 70–87.

POSITION CLASSES OF CONJUNCTIONS IN BARTANGI

Oleg Belyaev

Lomonosov Moscow State University; Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; belyaev@ossetic-studies.org

Abstract: In the article, I consider the syntax of coordinating and subordinating clause conjunctions in Bartangi (an Iranian Pamir language of the Shughni-Roshani branch). I show that, unlike most other Iranian languages and in contrast to earlier descriptions, Bartangi lacks clause-initial subordinators, while clause-internal (second-position and preverbal) conjunctions are predominant. At the same time, some of the conjunctions traditionally viewed as coordinating or clause-initial are better analyzed as final conjunctions or particles. The core of the system of conjunctions in Bartangi consists of the following: polyfunctional clause-internal *ca* and *di*_{IN}; “clause-initial” *di*_{EX}; coordinating *xu* ‘and’ and *at* ‘and, but’. The subordinator *ca* must be strictly preverbal, i.e. immediately left-adjacent to the verb, separated only by negation. The subordinator *di*_{IN} is variably placed in the preverbal or second positions; however, its second position is not the same as the second position of person-number clitics, and its preverbal position is different from the preverbal position of *ca*. The marker *di*_{EX}, I claim, is not a subordinator at all; it is a final particle indicating the presence of a continuation clause in the following discourse. Finally, among the two “coordinating” conjunctions this term may properly be applied only to *at* ‘and, but’, which is situated between two clauses and may begin a new utterance. The conjunction *xu* ‘and’ must be viewed as a clause-final subordinator. These data are of interest for both further syntactic description of Bartangi and the typology of conjunctions in Iranian languages.

Keywords: Bartangi language; Iranian languages; Pamir languages; complex clauses; conjunctions

Funding: This research has been supported by RSF, project no. 24-18-00199 “Clause structure and positional phenomena in SOV languages”.

For citation: Belyaev O.I. (2025) Position Classes of Conjunctions in Bartangi. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 70–87.

1. Введение

Иранские языки на первый взгляд характеризуются достаточно однотипными стратегиями клаузуального сочинения и подчинения. Большинство из них описываются как использующие небольшой инвентарь подчинительных союзов, стоящих в начале зависимой клаузы (несмотря на базовый порядок слов SOV); среди них преобладают «универсальные» союзы, наиболее изученным из которых является персидский *ke* [Рубинчик 2001: 331слл.]. Для клаузуального сочинения иранские языки обычно также используют союзы — как

унаследованные из праиранского (например, перс. =o ‘и’), так и заимствованные (перс. *va* ‘и’, *ammā* ‘но’ из арабского).

Однако некоторые языки этой группы, находящиеся в относительной изоляции от основной части иранского мира, выбиваются из этой достаточно однородной картины. До сих пор едва ли не единственным хорошо описанным из таких языков является осетинский, в котором преобладают предглагольные подчинительные союзы [Lyutikova, Tatevosov 2009; Erschler 2012; Belyaev 2022] и коррелятивная конструкция сложного предложения [Беляев 2014; Belyaev 2014]. Задача настоящей статьи — дать общий обзор синтаксических позиций подчинительных союзов в другом «периферийном» иранском языке, бартангском. Система союзов в этом языке также обнаруживает мало сходств с персидским: в ней отсутствуют начальные подчинительные показатели, но при этом имеются союзы, занимающие предглагольную, конечную и вторую позиции. И если предглагольные союзы находят соответствие в осетинском, то другие два типа в других иранских языках представлены исключительно мало — или, во всяком случае, не описываются в подобных терминах. Таким образом, настоящая статья предлагает материал для дальнейшего более глубокого исследования как в рамках бартангского языка, так и на общеиранском и типологическом фоне.

Бартангский¹ относится к шугнано-рушанской группе иранских языков, которую обычно относят к памирскому ареальному объединению. Он распространен в долине реки Бартанг в Горно-Бадахшанской АО Республики Таджикистан. Число носителей по данным последней переписи, учитывавшей малые языки Таджикистана, составляло 5500 (1989 г.); сегодняшнее их количество не поддается точной оценке. Исследование выполнено преимущественно на материале полевых исследований автора (совместно с А.О. Бадеевым и А.А. Сергиенко) в 2023–2024 гг. в с. Басид Рушанского района Республики Таджикистан и записанных в этот период устных текстов (отмечаются фигурными скобками: {имя_текста}), а также на базе опубликованных ранее устных текстов, прежде всего работ [Зарубин 1937; Соколова 1960; Карамхудоев 1973]. Большинство приводимых авторами примеров признаётся носителями языка в качестве грамматически правильных, так что, насколько можно судить, система сложного предложения бартангского языка со времени публикации этих работ существенных изменений не претерпела.

¹ Я хотел бы выразить благодарность всем носителям бартангского языка, с которыми мне довелось работать, за их помощь и гостеприимство. Я также благодарю двух анонимных рецензентов за ценные замечания к тексту. Все ошибки в данных — на моей совести.

Для записи бартангских примеров я использую кириллическую орфографию, которая применяется в работах по бартангскому начиная с [Карамхудоев 1973] и основана на шугнанской графике, которая, в свою очередь, в основном следует таджикской. Для бартангского используются дополнительные символы: δ — звонкий межзубный фрикативный; θ — глухой межзубный фрикативный (совпадают с соответствующими символами Международного фонетического алфавита); \ddot{o} — долгий огубленный гласный переднего ряда среднего подъема (МФА [ø:] или [œ:]); \check{x} — глухой велярный фрикативный (x в таджикской графике обозначает увулярный); \check{z} — звонкий велярный фрикативный; w — лабиовелярный аппроксимант; z — звонкая дентальная аффриката (МФА [d͡z]). Долгота гласных обозначается чертой над буквой только для тех случаев, когда она обладает фонологическим статусом. Поскольку статус отдельных показателей пока еще недостаточно ясен, я в записи не различаю аффиксов и клитик, отделяя оба типа показателя дефисом. Единственным исключением являются лично-числовые показатели второй позиции, чей энклитический статус, ввиду их мобильной позиции, представляется несомненным; они отделяются от опорного слова знаком равенства.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 я даю общие сведения о порядке слов в бартангском языке, необходимые для понимания других частей исследования. В разделе 3 обсуждаются союзы *ца* и *ди_{IN}*, всегда находящиеся внутри зависимого предложения (во второй или предглагольной позиции). В разделе 4 обсуждаются союзы, стоящие на границе клауз: *ху* и *ат*, традиционно относимые к сочинительным, и *ди_{EX}*, рассматриваемый в грамматиках как начальный подчинительный союз. В разделе 5 обобщаются выводы статьи и приводятся перспективы для дальнейших исследований.

2. Порядок слов в бартангском языке: общие сведения

Базовым порядком слов в бартангском языке является SOV (1). Как и многие другие новоиранские языки, бартангский обладает двухпадежной системой, которая, однако, используется только у местоимений; таким образом, морфологические падежные оппозиции явно выражаются только у местоимений и у именных групп, модифицированных демонстративами (2). При этом, как видно из последнего примера, бартангский обладает и другим средством разграничения ядерных актантов: дифференцированным маркированием прямого дополнения при помощи аблативного предлога *аз* 'от',

которое используется при местоимениях, именах собственных и именах, имеющих при себе демонстратив (который в бартангском выполняет также роль определенного артикля).

(1) Пулод рупц в̄йнт.
П. лиса видеть.PST
'Пулод увидел лису.'

(2) Āз=ум аз в̄и г̄а̄ц в̄йнт.
я.NOM=1SG OBJ² D3.M.OVL мальчик видеть.PST
'Я увидел того мальчика.'

В ряде близкородственных языков, например в рушанском и шугнанском, порядок SOV соблюдается довольно жестко. В бартангском, как отмечала уже В.С. Соколова, порядок слов гораздо свободнее: «...в Бартанге в любых случаях возможна свободная перестановка членов предложения» [Соколова 1960: 7]. В.С. Соколова связывала эту свободу порядка слов с наличием согласования глагола с подлежащим (которое в рушанском отсутствует в прошедшем времени) и маркированием объекта при помощи предлога. Однако в шугнанском также существует субъектное согласование в прошедшем времени, но порядок слов, судя по данным Д.Г. Чистяковой, несколько более жесткий [Chistyakova 2022]. Предложное маркирование объекта из этих трех идиомов действительно широко распространено только в бартангском и, безусловно, является фактором, улучшающим допустимость альтернативных порядков слов, особенно OSV (3). Однако и при отсутствии явного маркирования объекта большинство носителей допускают другие варианты позиционирования составляющих, в частности SVO (4).

(3) Аз Португалия Грузия айод.
ов̄ П. Г. уносить.PST
'Португалию Грузия победила' (разговорный пример из живой речи, 2024 г.).

(4) Пулод в̄йнт рупц.
П. видеть.PST лиса
'Пулод увидел лису.'

Все зависимые в именных группах в бартангском находятся слева от вершины, при этом посессор должен стоять в косвенном падеже, если эта категория у него выражается (5). Носители не до-

² При глоссировании я глоссирую этот показатель в объектной функции как *ов̄*, а не *ав̄*, для удобства чтения. Вопрос о том, совпадают ли в бартангском синхронно аблативный и объектный предлоги, заслуживает отдельного исследования.

пускают использования при имени более одного немаркированного зависимого на одном уровне (ба); вместо этого используется конструкция с посессивным суффиксом *-ā* и его дублированием личным или указательным местоимением в косвенном падеже (6б).

(5) *мун амсойā чōд дwōр*
 я.ОVL сосед дом дверь
 ‘дверь дома моего соседа’

(6) а. * *Пулод баиāнд чōд*
 П. хороший дом
 (‘хороший дом Пулода’)

б. *Пулод-ā йā wī баиāнд чōд*
 П.-POSS DЗ.НОМ DЗ.М.ОVL хороший дом
 ‘тот хороший дом Пулода’ (букв. «у Пулода его хороший дом»)

Как и во многих других восточноиранских языках, в бартангском используются как предлоги, так и послелог, при этом в пространственных контекстах часто используется предлог совместно с послелогом: предлог маркирует пространственное положение ориентира относительно дейктического центра ситуации (*на* «выше», *ар* «ниже», *тар* «на одном уровне»), послелог — локализацию (7).

(7) *Āз=ум на Пулод хīз суд.*
 я.НОМ=1SG LOC.UP П. APUD ИДТИ.PST.M
 ‘Я поехал к Пулоду (наверх)’.

3. Внутриклаузные союзы

Ядро бартангской системы подчинения составляют внутриклаузные союзы: *ца* и *ди*; последний, во избежание его смешения с омонимичным внеклаузальным союзом (раздел 4.2), я буду обозначать как *ди_{IN}*. Оба союза имеют весьма широкий круг употреблений. Подробное описание функций этих союзов представлено в работе [Беляев 2025], здесь же я ограничусь описанием их позиционных свойств. Оба союза всегда находятся внутри зависимой клаузы, точнее — в ее предглагольной части, но в остальном их линейное местоположение существенно различается.

3.1. Союз *ца*

Показатель *ца* в литературе трактуется как подчинительный союз [Соколова 1960: 91; Карамхудоев 1973: 272]. И.И. Зарубин трактует этот показатель как вопросительное слово ‘что’ [Зарубин 1937: 43], что безусловно верно этимологически, но синхронно не так даже в текстах самого И.И. Зарубина (ср. условное употребление *са* на

с. 20, строка 76: *ǰojik sa dōr* ‘если боишься’); в современном бартангском языке функцию вопросительного слова для неодушевленных предметов выполняет *чиз* ‘предмет, вещь’.

Союз *ца* маркирует относительные придаточные, а также придаточные времени, причины, условия, уступки, места, образа действия, в отдельных случаях — целевые и актантные предложения. Он всегда примыкает слева к финитному глаголу (8), отделяясь от него только отрицанием (9а), которое, возможно, следует скорее считать префиксом. Как и в главном предложении, глагол в клаузах с союзом *ца* не обязан занимать финальную позицию; за ним может следовать один из актантов клаузы (9б).

(8) *Wād=an ца йат, āз=ум аз уф қйўд.*

D3.PL.NOM=1PL SUBD прийти.PST я.NOM=1P OBJ D3.PL.OBL звать.PST
‘Когда они пришли, я их позвал’.

(9) а. *Ибод дарс дод, тонац Пулод ца на йач.*

И. урок давать.PST пока П. SUBD NEG приходиться.PRF

б. *Ибод дарс дод, тонац ца на йач Пулод.*

‘Ибод делал уроки, пока не пришел Пулод’.

В бартангском языке конструкция обладания в настоящем времени чаще всего не содержит какого-либо выраженного глагола; обладатель маркируется показателем *-ā*, обладаемое стоит в прямом падеже. В клаузах с этой конструкцией *ца* употребляется самостоятельно, без опорного глагола (10а). Существенно, что в таком «независимом» употреблении союз *ца* обязан стоять в конце зависимой клаузы (10б). С отрицанием такое употребление несовместимо; в этом случае может использоваться только полноценный глагол ‘быть’ (10в); впрочем, это следует из свойств самой посессивной конструкции, в которой при отрицании обязательно используется выраженный глагол.

(10) а. *Пул тā-йā ца, дй-қатй чōд вирōхт вāрдй*

деньги ты.OBL-POSS SUBD D2.M.OBL-INS дом строить.INF мочь.PRS[2SG]
‘С теми деньгами, что у тебя есть, ты можешь построить дом’.

б. * *Пул ца тā-йā, дй-қатй чōд вирōхт вāрдй.*

в. *Пул тā-йā ца на *(ваўд)...*

деньги ты.OBL-POSS SUBD NEG быть.SBJV:3SG

‘Если у тебя нет денег...’

С просодической точки зрения союз *ца*, по-видимому, выступает в качестве проклитики к глаголу, а при употреблении без глагола сам несет на себе ударение.

3.2. Союз $ди_{IN}$

Внутриклаузалный союз $ди_{IN}$ (в словаре В.С. Соколовой — $ди_2$) в литературе также трактуется как подчинительный [Соколова 1960: 103]. В.С. Соколова отличает этот союз от другого, омонимичного ему, который имеет другую позицию и другой круг употреблений и здесь обозначается как $ди_{EX}$ (см. раздел 4.2). Н. Карамхудоев не проводит границы между этими союзами [Карамхудоев 1973: 275], а И.И. Зарубин не отделяет этот союз от совпадающей с ним косвенной основы указательного местоимения среднего дейксиса [Зарубин 1937: 45]. Союз $ди_{IN}$ обладает несколько более узким кругом употреблений, чем $ца$: он прежде всего оформляет придаточные времени, в ограниченной степени — условия и причины. Он имеет две возможные линейные позиции в клаузе: вторую (после первой именной группы) и предглагольную (совпадающую в целом с позицией союза $ца$), см. (11).

- (11) (**Ди*) *тḡ=t* (^{OK}*ди*) *māsh-ri* (**ди*) *базайгарак* (^{OK}*ди*) *дāчḡг*,
 SUBD ты=2SG SUBD мы=DAT SUBD игрушка SUBD давать.PST
māsh=ti *хош* *сāн*.
 мы=FUT радостный идти.PRS:1SG
 ‘Когда ты даёшь³ нам игрушки, мы радуемся’ [Беляев 2025].

Во второй позиции $ди_{IN}$, судя по всему, энклитизируется к предшествующей составляющей; об этом говорит также вариативность его формы: после слов, оканчивающихся на согласный, часто используется вариант *иди*. При этом в бартангском есть еще один класс элементов, занимающих вторую позицию в клаузе: лично-числовые субъектные энклитики, обязательно употребляющиеся в предложениях с глаголом в форме прошедшего времени или перфекта во всех лицах и числах, кроме 3 л. ед. ч. Как видно из примера (11), при наличии в клаузе такой клитики и $ди_{IN}$ во второй позиции клитика должна предшествовать союзу. Обратный порядок (**Тḡ-ди-ат йат...*) невозможен.

Вторая позиция $ди_1$ также существенно отличается от «ваккер-нагелевской» второй позиции лично-числовых клитик. Последние в случае, если клауза состоит из одного глагола, ставятся после него, однако с союзом $ди_{IN}$ такого не происходит: в этом случае для него остается возможной только предглагольная позиция (12).

³ В темпоральных клаузах с $ди_{IN}$ формы времени имеют относительную интерпретацию, поэтому в этом примере используется прошедшее время, обозначающее предшествование по отношению к событию в главной клаузе. Подробнее об этом см. [Беляев 2025].

- (12) а. *Ди йат=ум, қйw-ум аз т̄.*
 SUBVD прийти.PST-1SG звать.PRS-1SG OBJ ты.OBL
 ‘Когда я приду, я тебя позову’.
- б. * *Йат=ум ди, қйw-ум аз т̄.*

Некоторые примеры из устных текстов позволяют предположить, что в предглагольной позиции $ди_{IN}$, подобно *ца*, является проклитикой к глаголу. Так, в (13) две паузы отделяют *ди вйнт-и* от соседних составляющих, так что здесь $ди_{IN}$ никак не может быть энклитикой.

- (13) *Йи вахт (450 мс) аз одам (561мс) ди вйнт-и (230мс) дад*
 один время OBJ человек SUBVD видеть.PRS:3SG тогда
варам кйхт-кйхт ху, хичафт.
 опухоль делать.PRS:3SG-делать.PRS:3SG CONJ лопаться.PRS:3SG
 ‘Когда она [сказочная змея] видит человека, она разбухает и лопается’
 {anoyatsho_jonali_almasti1_200624}.

Неясно также, может ли $ди_{IN}$ употребляться без глагола в клаузах с именной предикацией, аналогично примерам с союзом *ца* (10а). Такого рода примеры возможны (14), однако трудно сказать, используется ли в них предглагольный $ди_{IN}$ или межклаузальный $ди_{EX}$ (раздел 4.2); в последнем случае вторая клауза получает значение результата: «У Пулода бывают деньги, и тогда/поэтому он покупает нам подарки». Поиск подходящих примеров осложняется тем, что в тех контекстах, где используется $ди_{IN}$ (темпоральные и условные клаузы, относящиеся к будущей или хабитуальной ситуации, а также цепочки клауз в нарративе), в посессивной конструкции скорее будет использоваться модальный бытийный глагол *ваw-* по независимым причинам.

- (14) *Ар вахт Пулод-ā сом ди, йā=ти т̄-р*
 когда П.-POSS рубль SUBVD/LNK D3.NOM=FUT ты.OBL-DAT
туфā зоз-д.
 подарок брать.PRS-3SG
 ‘Когда/если у Пулода бывают деньги, он покупает тебе подарок’.

Союзы *ца* и $ди_{IN}$ могут также сочетаться в пределах одной клаузы. Такая конфигурация возможна, например, в случае, если темпоральная клауза с $ди_{IN}$ входит в состав протасиса условной конструкции, вводимой союзом *ца*. Как видно из (15), в таких примерах предглагольный $ди_{IN}$ обязательно предшествует *ца*, а не следует за ним.

- (15) *Агар тṽ=t* (ди) на Басид (ди) ца (*ди) йат,
 если ты.NOM=2SG SUBD LOC.UP Б. SUBD прийти.PST
Файзмамад хїз зиндагї ца кїн,
 Ф. APUD жизнь SUBD делать.PRS[2SG]
лув му-р.
 говорить.PRS[2SG] я.OBL-DAT

‘Скажи мне, если, когда ты поедешь в Басид, ты будешь жить у Файзмамада’.

Таким образом, когда $ди_{IN}$ находится в предглагольной позиции, его свойства аналогичны свойствам *ца* (с фиксированным порядком союзов в этой позиции). Однако «вторая» позиция $ди_{IN}$ отличается от «второй» позиции лично-числовых клитик, так как союз, в отличие от последних, не может следовать за глаголом. Возможно, это связано с различными просодическими и/или синтаксическими принципами позиционирования этих показателей, и этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

4. Начальные и конечные союзы

В бартангском языке имеется также несколько союзов, которые никогда не могут находиться внутри зависимой клаузы. В литературе эти элементы трактуются по-разному. Для союзов *ху* ‘и’ и *ат* ‘а, но’ В.С. Соколова не уточняет их сочинительный или подчинительный статус, обозначая их просто как союзы [Соколова 1960: 77, 173]; так же делает И.И. Зарубин для *ат* [Зарубин 1937: 40], тогда как *ху* он не упоминает. Н. Карамхудоев, напротив, прямо говорит о сочинительном статусе этих союзов, вероятно, ориентируясь на русский перевод [Карамхудоев 1973: 266–270]. Союз $ди_{EX}$ (у нее — di_1) В.С. Соколова трактует как вводящий различные типы придаточных предложений [Соколова 1960: 101–103]. В обеих работах авторы не проводят какого-либо последовательного анализа синтаксиса этих союзов, ориентируясь при их описании скорее на выражаемый ими круг значений. Ниже я предложу альтернативную трактовку линейной позиции этих союзов, основанную на их синтаксических свойствах.

4.1. «Сочинительные» союзы: межклаузальные или финальные?

Употребления союзов *ху* и *ат* в бартангском близки к функциям сочинительных союзов в европейских языках — таких, как русские *и* и *но*. Так, *ху* используется для описания темпоральной последовательности действий (16), *ат* — для описания одновременных действий в разносубъектных контекстах (17).

- (16) Пулод суд тар усто хїз **ху**, усто аз-ї балон
 П. идти.PST.M LOC.EQ мастер APUD CONJ мастер OВJ-D3.M.OVL колесо
 бадал чўг.
 обмен делать.PST
 ‘Пулод пришел к мастеру, и мастер поменял его колесо.’

- (17) ̄Аз=ум неўд-**ам**⁴, й̄а уч дароз аз
 я.NOM=1SG плакать.PST-CONJ D3.SG.NOM очень долгий OВJ
 мун дил додан чўг
 я.OVL успокоение делать.PST
 ‘Я плакал, а она долго меня успокаивала.’

Оба союза с просодической точки зрения являются энклитиками, присоединяющимися к последнему слову предшествующей клаузы — чаще всего к глаголу, однако в качестве опорного может выступать и любое другое слово, оказавшееся в конце первого предложения, как, например, послелог *хїз* в (16) или имя, маркированное энклитикой *индер* ‘в’ в (18). Таким образом, на первый взгляд позиция этих союзов совпадает с позицией сочинительных союзов в европейских языках: они находятся между двумя сочиненными клаузами.

- (18) *Йат* хинзум чōд-индер-**ам**, *авқот* *вї-р*
 прийти.PST колдунья дом-IN-CONJ обед D3.M.OBL-DAT
пōхт *ху* *аҳовд*
 готовить.PST и спать.PST
 ‘Он вошел в дом колдуньи, она сварила ему еды, и он заснул’
 [Соколова 1960: 77].

Однако союз *ху* образует с предшествующей клаузой не только просодическое единство. Это следует из таких примеров, как (19), где этот «сочинительный» союз вместе со связанной с ним клаузой находится в конце предложения.

- (19) *Захмї* сад й̄а чабўд, ̄аз=ум аз
 раненый идти.PST.F D3.SG.NOM голубь я.NOM=1SG OВJ
ум *жер* дод **ху**.
 D3.F.OVL камень бить.PST CONJ
 ‘Я камнем ударил голубя, и он стал искалеченным’
 (измененный носителем⁵ пример из [Карамхудоев 1973: 258]).

⁴ Различие в пунктуационном оформлении *ху* и *ам* следует конвенциям, принятым в работах В.С. Соколовой и Н. Карамхудоева, и не предполагает какого-либо содержательного различия в просодическом поведении этих союзов.

⁵ У Н. Карамхудоева *жер* ‘камень’ маркируется инструментальным послелогом -*ац*: *жер-ац-ум аз ум дод ху*. Современным носителям в этом контексте более

Имея в виду такие примеры, союз *ху* едва ли можно отнести к сочинительным — скорее его следует считать финальным подчинительным союзом, вводящим темпоральные придаточные, или финальной частицей. Так, (19) может быть переведен как «Голубь стал искалеченным, когда я ударил его камнем» или «Голубь стал искалеченным. Ведь я ударил его камнем».

Союз *ат* ведет себя несколько иначе. Во-первых, постпозиция включающей его клаузы затруднена: такие примеры, как (20), допускают не все носители, а те, что допускают, отмечают, что межклаузальная позиция союза является более естественной. Подобные употребления союза *ат* также не встретились в доступных мне устных текстах.

- (20) ??*Асад ху дам дет, Пулод кор кихт-ат.*
 А. REFL отдых давать.PRS:3SG П. работа делать.PRS:3SG-CONJ
 'Пулод работает, а Асад отдыхает'.

Во-вторых, в функции адверсативного союза ('но') союз *ат* может не быть энклитическим, но начинать высказывание после паузы; на это указывала еще В.С. Соколова: «употр. при том или ином противопоставлении (допускает перед собой паузу)» [Соколова 1960: 77]. Это видно по пунктуации некоторых примеров с этим союзом в печатных изданиях (21), но особенно хорошо заметно в устных текстах, где ему предшествует значительная по длительности пауза (22).

- (21) *Йи амро башианд, ат аз ййiw дав бедёр*
 один спутник хороший CONJ AVL один два лучше
 'Один — хорошо, двое — лучше' [Карамхудоев 1973: 268].

- (22) ...*ат мардум хоч дўғ*
 CONJ люди страх иметь.PST
 [Афганцы и киргизы напали, но не достигали нашей стороны...]
 '...а народ пугался' (пауза после предшествующего предложения
 750 мс) {fortress_180623}.

Таким образом, два «сочинительных» клаузальных союза в бартангском имеют, по-видимому, различный статус. Только *ат* можно назвать сочинительным в традиционном смысле: он стоит строго между двумя клаузами, не присоединяясь синтаксически ни к одной из них (впрочем, некоторые носители допускают постпозицию первой клаузы с конечным союзом). Союз *ху* же следует считать энклитическим конечным союзом, по всей видимости, вводящим темпоральное придаточное.

предпочтительным представляется использование сложного глагола *жер бедов* 'бить камнем'. В остальном пример оставлен без изменений.

Следует заметить, что в бартангском также иногда употребляется заимствованный из таджикского языка противительный союз *аммо* 'но'. Этот союз никогда не допускает постпозитивных употреблений, аналогичных (19), ср. (23).

- (23) * *Захмӣ на сад йӓ чабӯд, ӓз=ум*
 раненый NEG идти.PST.F D3.SG.NOM голубь я.NOM=1SG
аз ум жер дод аммо.
 OBJ D3.F.OVL камень бить.PST но
 ('Голубь не стал искалеченным, хотя я ударил его камнем.')

4.2. Начальный союз $ди_{EX}$?

В бартангском также имеется союз $ди_{EX}$, по своей позиции и функции аналогичный персидскому *ke* и таджикскому *ки*. Этот союз вводит зависимую клаузу, находящуюся после главной (24). Круг его функций весьма широк: он вводит сентенциальные актанты, придаточные результата, нереферентные относительные конструкции и некоторые другие виды клауз.

- (24) *Му-р аҷойиб ди, йӓ ху вахт-тӯр на йат.*
 я.OVL-DAT удивительный LNK D3.SG.NOM REFL время-SUPER NEG прийти.PST
 'Меня удивляет, что он не пришел вовремя' [Карамхудоев 1973: 275].

Как видно из (24), Н. Карамхудоев всегда пунктуационно отделяет $ди_{EX}$ (но не $ди_{IN}$, хотя в тексте работы эти союзы не различаются) от следующей за ним клаузы. Это косвенно свидетельствует о том, что союз имеет энклитический статус. Это подтверждают и данные устных текстов, где к тому же *ди* может отделяться от следующей клаузы значительной по длительности паузой (25). При этом обратные примеры, где $ди_{IN}$ следовал бы за паузой, ни в устных текстах, ни в опубликованных источниках не встречаются.

- (25) *Мӯйсафед ху-р фикри кӣхт ди, (580мс) агар ӓз*
 старик REFL-DAT мысль делать.PRS:3SG LNK если я.NOM
сӓм, мун набос раст.
 идти.PRS:1SG я.OVL внук остаться.PRS:3SG
 'Старик думает: если я пойду, мой внук останется'
 {anoyatsho_jonali_almasti1_200624}.

В связи с этим возникает вопрос о том, можно ли вообще считать $ди_{EX}$ подчинительным союзом, вводящим зависимую клаузу. Семантика этого показателя обсуждается в работе [Беляев 2025], где утверждается, что во всех типах придаточных, где используется $ди_{EX}$, союз может быть опущен. Таким образом, сам по себе он не при-

вносит в предложение какого-либо дополнительного значения. Кроме того, в некоторых случаях за «начальным» $ди_{EX}$ не следует зависимой клаузы. Это касается, во-первых, случаев, когда $ди_{EX}$ функционирует в качестве частицы (26). Такая функция напоминает аналогичные употребления персидского *ke* и таджикского *ки*; ср. персидское *ke* в экскламативном употреблении: *parhâš yek barqi mizad ke!* ‘ее крылья сияют как молния!’ [Mohammadi-Bakhtiari 2013: 108].

(26) *Йи лап нахчёр умдер ди(дӣ)!*
 один много козёл D3.LOC:IN LNK
 ‘Там так много горных козлов!’ [Карамхудоев 1973: 277]

Во-вторых, $ди_{EX}$ может стоять после зависимой клаузы — в этом случае он формально «вводит» главную клаузу, как в (27), и в этом случае его никак нельзя считать начальным подчинительным союзом. Но и конечным подчинительным союзом он также не является: в (27) подчиненный статус клаузы обозначает предглагольный *ца*.

(27) *Духман лāk тар қалā ца йодд ди, wāδ*
 враг JUS LOC.EQ крепость SUBV приходить.PRS:3SG LNK D3.PL.NOM
мā-лāk-ан аз-ӣ
 NEG.MOD-пускать.PRS-3PL OBJ-D3.M.OVL
 ‘Чтобы, когда враг приходит в крепость, они его не пускали’
 {fortress_180623}.

В работе [Беляев 2025] на основании схожих наблюдений и других функциональных особенностей $ди_{EX}$ предлагается считать его не подчинительным союзом, но финальной частицей, сигнализирующей о наличии в последующем дискурсе продолжения маркированного ею высказывания. Таким образом, в бартангском начальные подчинительные союзы отсутствуют, а $ди_{EX}$ если и можно признать союзом, то скорее конечным. По-видимому, его структурная позиция эквивалентна позиции союза *ху*; во всяком случае, сочетания *ху ди* или *ди ху* носители запрещают, и в текстах они мне не встретились.

5. Заключение

В настоящей статье я рассмотрел позиционное распределение основных союзов бартангского языка, оформляющих сложные предложения: полифункциональных *ца* и *ди* (в двух вариантах: внеклаузальном $ди_{EX}$ и внутриклаузальном $ди_{IN}$), сочинительных по функции *ху* и *ат*. Исследование показало, что для союзов в бартангском следует выделять как минимум четыре различные позиции:

- **предглагольная:** *ца* (раздел 3.1), внутриклаузный $ди_{IN}$ (раздел 3.2);
- **вторая:** внутриклаузный $ди_{IN}$ (раздел 3.2);
- **конечная:** темпорально-сочинительный *ху* (раздел 4.1), внеклаузный $ди_{EX}$ (раздел 3.2);
- **начальная:** сочинительный *ат*, заимствованные сочинительные союзы (раздел 4.1).

При этом следует заметить, что вторая позиция союза $ди_{IN}$ не совпадает со второй (вакернагелевской) позицией лично-числовых энклитик, а показатели в конечной позиции, возможно, следует считать не союзами, но дискурсивными частицами.

Представленные в статье данные интересны с нескольких точек зрения. Во-первых, они достаточно необычны в контексте типологии сложного предложения в иранских языках. Большинство иранских языков имеют базовый порядок слов SOV, но описываются как использующие начальные подчинительные союзы; ср. персидский *ke* [Рубинчик 2001: 331слл.]; *ki* в курдском курманджи [Thackston 2006: 71ff.]. Несколько особняком среди иранских языков всегда стоял осетинский, в котором преобладают предглагольные союзы, с небольшим количеством начальных или «плавающих»; впрочем, конечные употребления осетинских сочинительных союзов, аналогичные употреблению бартангского *ху* в (19), отмечались в [Беляев 2022]. В бартангском предглагольные союзы также занимают довольно важное место, что ставит под сомнение тезис об их развитии в осетинском под влиянием грузинского [Erschler 2012]. Конечные же союзы в иранских языках вообще обычно не фиксируются, за редкими исключениями вроде бухарского таджикского [Ido 2007], где постпозитивные употребления реляционных имен и послелогии, управляющие инфинитивом, явно возникли под тюркским влиянием. При этом такое положение вещей в большинстве иранских языков с типологической точки зрения является скорее аномалией; для языка SOV дрейф в сторону конечной позиции подчинительных показателей в свете гринберговских универсалий ожидаем, см. [Dryer 1992: 101–103] и мн. др. Вопрос о месте союзов в структуре клаузы и сочинительно-подчинительных свойствах конструкций с их участием требует отдельного изучения.

Список сокращений в глоссах

AVL — показатель движения от ориентира; APUD — показатель локализации вблизи ориентира; CONJ — сочинительный союз; D2 — дейктический показатель второй степени (вблизи слушающего);

D3 — дейктический показатель третьей степени (вдаль от говорящего и слушающего); DAT — показатель дательного падежа; F — женский род; FUT — частица будущего времени и хаби́туалиса; IN — показатель локализации внутри ориентира; INF — инфинитив; INS — инструменталис; JUS — юссив; LNK — соединительная частица; LOC — локативная форма; LOC.EQ — показатель расположения объекта на уровне говорящего; LOC.UP — показатель расположения объекта выше говорящего; M — мужской род; NEG — отрицание; NEG.MOD — модальное отрицание; NOM — именительный падеж; OBJ — показатель прямого объекта; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PRF — перфект; PRS — настоящее-будущее время; PST — прошедшее время; REFL — возвратное местоимение; SBJV — конъюнктив; SG — единственное число; SUBD — подчинительный союз; SUPER — показатель местонахождения выше ориентира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляев О.И.* Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении. Дисс. на соиск. уч. степени канд. филол. наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2014.
2. *Беляев О.И.* Осетинские сочинительные союзы в типологии полипредикации // Десятнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2022 г.). СПб., 2022. С. 20–24.
3. *Беляев О.И.* Полифункциональные подчинительные конструкции в бартангском языке: к единому анализу // Вопросы языкознания. 2025. № 3. В печати.
4. *Зарубин И.И.* Бартангские и рушанские тексты и словарь. Ленинград, 1937.
5. *Карамхудоев Н.* Бартангский язык (Фонетика и морфология). Душанбе, 1973.
6. *Рубинчик Ю.А.* Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
7. *Соколова В.С.* Бартангские тексты и словарь. М.; Л., 1960.
8. *Belyaev O.* Anaphora in Ossetic correlatives and the typology of clause combining // Suihkonen P., Whaley L.J. (eds.). On diversity and complexity of languages spoken in Europe and North and Central Asia. Amsterdam, 2014. P. 275–310.
9. *Belyaev O.* Phrase structure and configurationality in Ossetic // Butt M., Findlay J.Y., Toivonen I. Proceedings of the LFG '22 Conference. Konstanz, 2022.
10. *Chistyakova D.* Word order in a simple sentence in Shughni. Курсовая работа, НИУ ВШЭ, 2022 г.
11. *Dryer M.* The Greenbergian word order correlations // Language. 1992. Vol. 68 (1). P. 81–138.
12. *Erschler D.* From preverbal focus to preverbal “left periphery”: The Ossetic clause architecture in areal and diachronic perspective // Lingua. 2012. Vol. 122 (6). P. 673–699.
13. *Ido S.* Bukharan Tajik. München, 2007.
14. *Lyutikova E., Tatevosov S.* The clause internal left edge: Exploring the preverbal position in Ossetian // Third International Conference on Iranian Language (ICIL 3). Paris, 2009.

15. Mohammadi-Bakhtiari B. Some other pragmatic functions of *ke-* in spoken Persian // *Research in Western Iranian Languages and Dialects*. 2013. Vol. 1 (2). P. 103–116. Ha persidskom jazyke.
16. Thackston W.M. *Kurmanji Kurdish*. Harvard, 2006.

REFERENCES

1. Belyaev O. Anaphora in Ossetic correlatives and the typology of clause combining // Suihkonen P., Whaley L.J. (eds.). *On diversity and complexity of languages spoken in Europe and North and Central Asia*. Amsterdam, 2014. P. 275–310. (437 p.)
2. Belyaev O.I. Korreljativnaja konstrukcija v osetinskom jazyke v tipologicheskom osvoshchenii [Ossetic correlatives in typological perspective]. PhD dissertation, Lomonosov Moscow State University, 2014. (In Russ.)
3. Belyaev O.I. Osetinskie sochinitel'nye sojuzy v tipologii polipredikacii [Ossetic coordinating conjunctions in the typology of clause combining] // *Devjatnadcataja konferencija po tipologii i grammatike dlja molodyh issledovatelej. Tezisy dokladov* [Nineteenth conference on typology and grammar for young researchers. Book of abstracts]. Saint Petersburg: Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN, 2022. P. 20–24. (In Russ.)
4. Belyaev O.I. Polifunktional'nye podchinitel'nye konstrukcii v bartangskom jazyke: k edinomu analizu [Polyfunctional subordinating constructions in Bartangi: Towards a unified analysis] // *Voprosy jazykoznanija*. 2025, no. 3. In print. (In Russ.)
5. Belyaev O. Phrase structure and configurationality in Ossetic // Butt M., Findlay J.Y., Toivonen I. *Proceedings of the LFG '22 Conference*. Konstanz, 2022.
6. Chistyakova D. Word order in a simple sentence in Shughni. Term paper, HSE University, 2022.
7. Dryer M. The Greenbergian word order correlations // *Language*. 1992. Vol. 68 (1). P. 81–138.
8. Erschler D. From preverbal focus to preverbal “left periphery”: The Ossetic clause architecture in areal and diachronic perspective // *Lingua*. 2012. Vol. 122 (6). P. 673–699.
9. Ido S. *Bukharan Tajik*. München, 2007.
10. Karamkhudoev N. *Bartangskij jazyk (Fonetika i morfologija)* [Bartangi: Phonetics and morphology]. Dushanbe: Donish, 1973. 380 p. (In Russ.)
11. Lyutikova E., Tatevosov S. The clause internal left edge: Exploring the preverbal position in Ossetian // *Third International Conference on Iranian Language (ICIL 3)*. Paris, 2009.
12. Mohammadi-Bakhtiari B. Some other pragmatic functions of *ke-* in spoken Persian // *Research in Western Iranian Languages and Dialects*. 2013. Vol. 1 (2). P. 103–116. In Persian.
13. Rubinchik Ju.A. *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo jazyka* [A grammar of Modern Standard Persian]. Moscow: Izdatel'skaja firma “Vostochnaja literatura” RAN, 2001. 601 p. (In Russ.)
14. Sokolova V.S. *Bartangskie teksty i slovar'* [Bartangi texts and dictionary]. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960. 201 p. (In Russ.)
15. Thackston W.M. *Kurmanji Kurdish*. Harvard, 2006. (256 p.)
16. Zarubin I.I. *Bartangskie i rušanskije teksty i slovar'* [Bartangi and Roshani texts and dictionary]. Leningrad, 1937.

Поступила в редакцию 18.11.2024

Принята к публикации 18.02.2025

Отредактирована 04.03.2025

Received 18.11.2024

Accepted 18.02.2025

Revised 04.03.2025

ОБ АВТОРЕ

Беляев Олег Игоревич — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени М.В. Ломоносова; с. н. с., заведующий сектором иранских языков Института языкознания РАН;
belyaev@ossetic-studies.org

ABOUT THE AUTHOR

Oleg Belyaev — Ph. D., Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Head of department of Iranian languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; belyaev@ossetic-studies.org

АББРЕВИАЦИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КОСМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

О.Ю. Иванчина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; oivanchina@mail.ru*

Аннотация: В статье описаны структурные характеристики аббревиатурных номинаций англоязычных лексических единиц, обозначающих понятия космонавтики. Актуальность изучения данной области определяется поступательным развитием аэрокосмической отрасли, появлением новых понятий, терминов и многокомпонентных терминологических сочетаний для их номинирования, а также сокращений как более удобной формы выражения многокомпонентных сочетаний. Цель исследования — изучить структурные характеристики, процессы образования и функционирования сокращений в английском языке аэрокосмической отрасли. В качестве материала исследования выбран специальный толковый словарь *Oxford Dictionary of Space Exploration*. Применение дефиниционного, структурного и статистического методов позволило сделать ряд выводов. С точки зрения структуры в космической лексике выявлены инициальные аббревиатуры, акронимы, усечения и слияния, с преобладанием первого типа. Акронимы отличаются рядом особенностей: некоторые из них функционируют как самостоятельные лексические единицы научно-технического языка (radar, laser, lidar, maser, pulsar) и нередко подвергаются дальнейшему сокращению в составе многокомпонентных сочетаний; обнаружены случаи лексико-грамматической омонимии. Усечения и слияния также представлены в терминологии аэрокосмической отрасли, однако количество этих аббревиатурных номинаций в исследуемом фрагменте незначительно. Аббревиация облегчает процесс коммуникации среди специалистов рассматриваемой профессиональной области, помогает сократить объем текста в документации и специальной литературе, но может вызывать трудности у специалистов смежных отраслей знания и неспециалистов, читающих тексты о космических исследованиях. Онтология аббревиатур в медиадискурсе является актуальной проблематикой и может стать предметом дальнейшего изучения в научных работах и исследованиях.

Ключевые слова: лексика; терминология; аэрокосмическая отрасль; аббревиация; сокращение; акроним

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-7

Для цитирования: Иванчина О.Ю. Аббревиация в англоязычной лексике космических исследований // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 88–99.

ABBREVIATIONS IN THE ENGLISH-BASED TERMINOLOGY OF SPACE EXPLORATION

O.Yu. Ivanchina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; oivanchina@mail.ru

Abstract: The article examines systemic-structural characteristics of the abbreviations in the English-based terminology of space exploration. Relevance of the present study is determined by rapid development of the aerospace industry: new terms are invented to name new hardware and software systems, discovered phenomena, new programs, organizations, facilities and documents. Created terms are often long. Thus, abbreviations are coined to shorten them. Abbreviations are omnipresent in the aerospace terminology allowing to save time in communication and space in documents. Currently, the trend of widespread use of abbreviations is observed not only in scientific and technical papers, but also in media discourse. The purpose of this study is to examine structural characteristics, ways of coining and functioning of abbreviations in aerospace discourse. To conduct the research, the author used definitional, structural and statistical methods. It is shown that there are initial abbreviations, acronyms, clippings and blends in the terminology under analysis. The first type prevails; acronyms are also widespread. Some acronyms function as words of scientific and technical language and often become abbreviated in the composition of multicomponent word-combinations. Clippings and blends are also found in the fragment studied in this paper, but their number is insignificant. Abbreviations contribute to professional communication among specialists of the aerospace industry. However, unfamiliarity with abbreviations can become a stumbling block for managers, specialists in other fields or non-specialists as they read and try to understand authentic samples of aerospace discourse.

Keywords: vocabulary; terminology; aerospace industry; abbreviation; contraction; acronym

For citation: Ivanchina O.Yu. (2025) Abbreviations in the English of Space Exploration. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 88–99.

Введение

В современном мире, отличающемся стремлением экономить время и сокращать письменный текст, аббревиация стала самым продуктивным способом словообразования. Наиболее интенсивно аббревиация используется для пополнения лексики быстро развивающихся отраслей науки и техники, став более удобной формой обозначения сложных терминов и оптимальным языковым средством передачи большого объема информации за короткий промежуток времени. Сокращения особенно распространены в профессиональной коммуникации. Как подчеркивает профессор Дэвид Кристал, свободное использование аббревиатур в определенной

области знания способствует созданию чувства социальной идентичности: использовать сокращенную форму терминологического сочетания — значит быть «в курсе», быть частью профессионального сообщества, пользующегося данной аббревиатурой [Crystal 2019: 130].

Активное участие человека в освоении космического пространства, развитие передовых технологий в этой сфере обусловило постоянное пополнение словарного состава подъязыка космонавтики: появляются новые понятия, термины и терминологические сочетания для их наименования. Характерной особенностью лексики космонавтики является распространение многокомпонентных терминологических сочетаний, которые, в свою очередь, подвергаются сокращению.

Аббревиацию зачастую связывают с законом экономии речевых усилий, суть которого в том, что вместо развернутых, громоздких сочетаний, неудобных для многократного использования, применяются их краткие варианты [Борисов 1972: 28–31]. Это позволяет обеспечить передачу максимального количества информации в единицу времени, то есть повысить эффективность коммуникации на том или ином языке. Такая экономия является преимуществом лишь в том случае, если аббревиатуры понятны и знакомы участникам процесса общения. В быстро развивающейся аэрокосмической отрасли разрастание объема новых сокращений может приводить к перенасыщению научно-технической лексики аббревиатурами, понятными только узкому кругу специалистов, причем, как отмечают специалисты, большая их часть отсутствует в специальных словарях [Кубышко 2006: 130].

Цель исследования — изучить процессы образования и функционирования сокращений, дать структурное описание аббревиатур, используемых в современном английском языке космических исследований с опорой на труды отечественных и зарубежных ученых (Д.И. Алексеев, В.В. Борисов, И.В. Арнольд, Л.Б. Ткачева, В.И. Теркулов, Т.С. Сергеева, Е.А. Вишнякова, Н. Marchand, D. Crystal) и их многочисленных последователей.

Обзор научной литературы

В лингвистике существуют различные определения аббревиации. При этом нет однозначного подхода к вопросу лингвистического статуса аббревиатур. О.С. Ахманова определяет аббревиатуру как сложносокращенное слово, т. е. слово, составленное из сокращенных начальных элементов (морфем) словосочетания, а аббревиацию — как образование аббревиатур [Ахманова 1966: 25]. Как отмечает В.И. Теркулов, понятие «сложносокращенное слово» имеет в научной

литературе «широкую» и «узкую» трактовки. При «широком» подходе данный термин используют для обозначения всех аббревиатур, возникших на базе словосочетаний, как инициальных, так и слоговых. При «узком» подходе «сложносокращенное слово» используется только для неинициальных единиц, включающих частично сокращенные слова (комбинация слогового сокращения и слова), слоговые аббревиатуры и инициально-слоговые аббревиатуры [Теркулов 2017: 74].

Многие лингвисты полагают, что термин «аббревиация» является заимствованным и может быть приравнен к термину «сокращение» [Сергеева 2013: 175]. В.В. Борисов рассматривает сокращение как «единицу устной или письменной речи, созданную из отдельных (не всех) элементов звуковой или графической оболочки некоторой развернутой формы (слова или словосочетания), с которой данная единица находится в определенной лексико-семантической связи» [Борисов 1972: 100]. В качестве исходных единиц в процессе аббревиации могут выступать отдельные слова и словосочетания, однако «аббревиации может подвергнуться не любое отдельное слово; сокращения могут быть образованы только от знаменательных слов. От местоимений, числительных, междометий и служебных слов сокращения не образуются» [Борисов 1972: 68].

Разнообразие процессов аббревиации привело к формированию большого количества классификаций аббревиатур, основанных на различных принципах.

Общепринятая классификация сокращенных единиц предусматривает деление на лексические и графические аббревиатуры в зависимости от их употребления в устной и письменной речи. Лексическая аббревиация рассматривается как способ словообразования, а графическая — как явление, связанное с сокращенными записями [Борисов 1972].

Графические аббревиатуры используются исключительно в письменной речи, и при чтении они должны расшифровываться [Алексеев 2010]. Это положение верно не только для единиц измерения, например: °C — degree Celsius (градус Цельсия), kg — kilogram (килограмм), mm Hg — millimeter of mercury (миллиметр ртутного столба), но и для некоторых терминов: H/W — hardware (оборудование), S/W — software (программное обеспечение), S/C — spacecraft (космический аппарат), etc.

Лексические аббревиатуры — полноценные единицы общения, регулярно воспроизводящиеся на письме и в речи [Борисов 1972: 61]. На основе структурных особенностей их можно подразделить на инициализмы, акронимы, усечения и слияния [Crystal 2019: 130; Сергеева 2013: 176; Арнольд 2012: 188].

Инициализмы (initialisms) — аббревиатуры, образованные оставлением начальных букв каждого слова сокращаемого словосочетания с произношением по алфавитному принципу: GPS — Global Positioning System (глобальная система навигации).

Акронимы (acronyms) — аббревиатуры, образованные из начальных букв каждого слова в сокращаемом словосочетании и произносимые как единые слова: DAM [dæm] — Debris Avoidance Manoeuvre (маневр увода от осколков космического мусора).

Как отмечает профессор Дэвид Кристал, многие лингвисты не делают различий между инициализмами и акронимами в английском языке, а используют последние для обозначения обоих типов аббревиатурных номинаций [Crystal 2019: 130].

Усечения (clippings) — аббревиатуры, образованные с помощью опущения букв или слогов сокращаемого слова, например: helicopter → helo. И.В. Арнольд отмечает, что по формальному признаку усечения делятся на три типа [Арнольд 2012: 188]: а) афerezис (apheresis), т. е. усечение начала слова: aeroplane → plane, parachute → chute; б) синкопа (syncope) — усечение середины слова: technicians → techs, team → tm; в) апокопа (apocope) — усечение конца слова: microphone → mic, gyroscope → gyro.

Слияния (blends) — аббревиатурные номинации, образованные путем слияния усеченных основ двух или более лексических единиц и приобретающие значения входящих в него структурных компонентов: Satellite Navigation → satnav (спутниковая навигация).

В классификации сокращенных единиц, основанной на их функционировании в разных типах контекста, выделяют общепринятые, текстовые и окказиональные (авторские) аббревиатуры [Сергеева 2013: 176; Борисов 1972: 110].

Общепринятые сокращения регулярно воспроизводятся в речи и, как правило, оказываются в словарях [Crystal 2019: 130]. В группе общепринятых аббревиатур существуют аббревиатуры-интернационализмы, которые обозначают термины, имеющие аналоги в нескольких языках. В аэрокосмической отрасли к таковым относятся, например, NASA — National Aeronautics and Space Administration (НАСА — национальное управление по авиации и исследованию космического пространства), GLONASS — Global Navigation Satellite System (ГЛОНАСС — глобальная навигационная спутниковая система).

Текстовые аббревиатуры соотносятся с определенным контекстом и нуждаются в пояснении. Как правило, они принадлежат к специализированным сферам и понятны только специалистам определенной профессиональной области [Сергеева 2013: 177]. В частности, к МКС (Международная космическая станция) относятся IMV —

Intermodular ventilation (межмодульная вентиляция), MLM — Multipurpose Laboratory Module (МЛИМ — Многоцелевой лабораторный модуль).

Окказиональные (авторские) аббревиатуры — своего рода «разовые» номинации, не зарегистрированные словарями, существуют в рамках одного источника и зависят от контекста [Сергеева 2013: 176].

Проблема аббревиации в аэрокосмической отрасли все чаще становится предметом научного изучения: составлены словари сокращений по авиационной и ракетно-космической технике [Мурашкевич 1969; Ткачева 1990], написана диссертационная работа, посвященная проблеме аббревиации в космической терминологии [Кубышко 2006], опубликованы статьи, рассматривающие отдельные аспекты аббревиации космической лексики [Антипов 2011; Кубышко 2012].

Методы и материалы исследования

Для проведения исследования были использованы метод целенаправленной выборки, дефиниционный, структурный и статистический методы. При описании аббревиатур за основу взята классификация Д. Кристала, подразделяющая аббревиатуры на инициализмы, акронимы, усечения и слияния.

Источником аутентичного материала послужил одноязычный толковый словарь *Oxford Dictionary of Space Exploration* (3rd edition, 2018). Словник содержит более 2300 заголовочных слов, словосочетаний и сокращений. В целях максимально полного охвата англоязычной лексики космических исследований рассматриваемый словарь включает не только термины, но и названия национальных космических агентств, международных организаций по космической деятельности, космических программ и проектов, лабораторий, экспериментов, космических аппаратов и их модулей, систем и подсистем, ракетной техники, имена космонавтов, астронавтов и выдающихся деятелей в области космических исследований.

Ход и результаты исследования

Методом целенаправленной выборки из словаря *Oxford Dictionary of Space Exploration* отобраны 422 сокращенные лексические единицы, сопровождающиеся пометами *abbreviation*, *acronym* или *contraction*. Эти аббревиатуры являются лексическими сокращениями, т. е. полноценными единицами общения, регулярно воспроизводимыми на письме и в речи. С точки зрения способа образования 422 аббревиатуры включают инициализмы (285), акронимы (105), усечения (9) и слияния (23).

Инициализмы, насчитывающие 285 единиц (68 % от общего числа аббревиатур), представляют собой сокращения многокомпонентных сочетаний путем сохранения только начальных букв каждого сокращаемого слова: JSC — Johnson Space Center (космический центр имени Джонсона), а иногда и начальных букв элементов сложных слов: CLT — command-loss timer (таймер космического аппарата, защищающий от сбоя передачи команд с земли на борт).

Акронимы, насчитывающие 105 единиц (25 % от общего числа изученных случаев), образованы из начальных элементов слов сокращаемого словосочетания и произносятся как единые слова: JAXA [*dʒæksə*] — Japan Aerospace Exploration Agency (Японское агентство аэрокосмических исследований), ISRO [*ˈis,rəu*] — Indian Space Research Organization (Индийская организация космических исследований) и др. В структуре акронимов могут сохраняться элементы исходных сочетаний в виде двух начальных букв и/или слога, например: OPTIMIS [*ˈoptimis*] — Operations Planning Timeline Integration System (система планирования циклограммы операций).

Акронимы как термины-сокращения зачастую оказываются более востребованными лексическими единицами в научно-техническом языке, чем их исходные наименования, например: radar — radio detection and ranging; laser — light amplification by stimulated emission of radiation; lidar — light detection and ranging; maser — microwave amplification by stimulated emission of radiation; pulsar — pulsating source of radio emission. Они переводятся на русский язык с использованием приема транслитерации: радар, лазер, лидар, мазер, пульсар. Некоторые из этих акронимов могут подвергаться дальнейшему сокращению в составе многокомпонентных сочетаний, как это произошло с термином radar: Advanced Synthetic Aperture Radar → ASAR (усовершенствованный радиолокатор с синтезированной апертурой).

При анализе акронимов английского языка из рассматриваемого словаря обнаруживаются случаи лексико-грамматической омонимии специального акронима и слова общего языка [Назарова 2003: 52], например: специальный акроним SMART — Small Missions for Advanced Research and Technology, используемый для краткого обозначения программы европейского космического агентства, предусматривающей запуск серии космических аппаратов для отработки перспективных технологий, совпадает в плане выражения с прилагательным smart, глаголом smart и существительным smart в общем языке. Сходство со словом общего языка обнаруживается и у специального акронима TRACE — Transition Region and Coronal Explorer (спутник, оборудованный телескопом для изучения переходной зоны и короны солнца), совпадающего по написанию и зву-

чанию с глаголом trace, с одной стороны, и существительным trace, с другой стороны.

Особого внимания заслуживают выявленные в изученном фрагменте сокращенные названия программ НАСА, отличающиеся яркими и легко запоминающимися акронимами, созвучными с именами древнегреческих богов: OSIRIS-Rex — Origins, Spectral Interpretation, Resource Identification, Security-Regolith Explorer (американская автоматическая межпланетная станция, предназначенная для доставки образцов грунта с астероида Бенну), CALIPSO — Cloud-Aerosol Lidar and Infrared Pathfinder Satellite Observation (спутник, оснащенный лидаром и инфракрасным прибором для отслеживания воздушных частиц водяного пара), ATLAS — Atmospheric Laboratory for Applications and Science (лаборатория для фундаментальных и прикладных исследований атмосферы), HERMES — Heliophysics Environmental and Radiation Measurement Experiment Suite (научная платформа для гелиофизических измерений параметров окружающей среды и радиации). В рассматриваемых случаях важно знание так называемого «вертикального контекста», т. е. информации историко-филологического характера, необходимого для понимания как текстов [Назарова 2003: 62], так и рассматриваемой разновидности акронимов.

Следующий структурный тип аббревиатур — усечения, образованные с помощью опущения букв или слогов сокращаемого слова. В исследуемом корпусе материала они представлены 9 единицами (не более 2%): automatic pilot control system → auto (автопилот), commander → CDR (командир), momentum desaturation → desat (разгрузка гиродинов), gyroscope → gyro (гироскоп), monitor system → MON (система контроля данных), pyrotechnic device → pyro (пиротехнические средства), satellite → sat (спутник), communication → comm (связь), laboratory → lab (лаборатория). Эти аббревиатуры могут выступать в роли самостоятельных единиц коммуникации, а также входить в состав сложных сокращенных единиц, образованных путем слияния.

Сокращения, образованные путем слияния усеченных основ двух или более лексических единиц, составляют 23 случая (5%). Эти новые лексические единицы могут состоять из начальной части первого слова и конечной части второго слова, заключая в себе лексические значения обоих слов: transponder от transmit + respond + суффикс -er; transceiver от transmitter + receiver; quasar от quasi-stellar object; либо из начальных частей обоих слов: ASCAN от Astronaut Candidate; CAPCOM от Capsule Communicator.

Усеченные элементы слова в составе сложного сокращения могут указывать на принадлежность к определенному типу объектов, на-

пример: communication → comm (NASA Communications Network → NASCOM), satellite → sat (Arabsat, Asiasat, Brasilsat, Cryosat, Kubesats, Envisat, etc.), laboratory → lab (Spacelab).

Отдельно следует отметить наличие аббревиатур, образованных путем сложения усеченного элемента и полнозначного слова: gravity → g в составе сокращений g-force, g-load, g-meter, zero g, g-suit, anti-g garment; velocity → V (delta-V).

Итак, фрагмент специального толкового словаря, включающий 422 аббревиатуры, был изучен с точки зрения различных аспектов, дающих представление о специфике аббревиации в аэрокосмической лексике. Показано, что 422 сокращенные единицы являются лексическими аббревиатурами. С точки зрения образования репрезентативный фрагмент охватывает инициализмы, акронимы, усечения и слияния с преобладанием первого вида — инициализмы составляют более половины всех исследуемых аббревиатур (68%). С точки зрения функционирования наиболее интересными являются акронимы (около четверти всех рассмотренных аббревиатур). Они обладают рядом особенностей: некоторые акронимы функционируют как самостоятельные слова научно-технического языка (radar, laser, lidar, maser, pulsar) и подвергаются дальнейшему сокращению в составе многокомпонентных сочетаний; отмечены случаи лексикограмматической омонимии в образовании ряда акронимов. Самыми малочисленными являются усечения (2%). Их особенность состоит в том, что они могут выступать в роли самостоятельных единиц коммуникации, а также входить в состав сложных сокращенных единиц, образованных путем слияния. Сокращения, образованные путем слияния, составляют лишь 5%.

На фоне явного роста внимания общественности к теме космических исследований актуальным представляется изучение явления аббревиации в медиадискурсе. Язык медиакоммуникации подвижен и пластичен. Благодаря тому, что информация о передовых технологиях, достижениях в космической сфере моментально фиксируется на просторах медиaprостранства, специальная лексика, включающая термины, терминологические сочетания и их сокращенные варианты, становится общественным достоянием. При этом в медиатекстах используются как общепринятые сокращения (NASA, G.P.S.), так и узкоспециальные (h-stabs, L-4), которые могут быть непонятны читателю. В таких случаях авторы статей либо приводят сначала полную форму, а затем аббревиатуру, либо используют аббревиатуру, а затем прибегают к расшифровке и пояснению. Приведем пример из публицистической статьи *Rocket Man* авторитетного журнала *The New Yorker*: *A radio operator gave them clearance to start their “L-4” checks: **four minutes until rocket launch*** [Schmidle

2018: 44]. В данной статье также широко распространены частично сокращенные слова, включающие комбинацию усеченного элемента и полнозначного слова: *g-force* и *g-load* в значении «перегрузка», *g-suit* и *anti-g garment* в значении «противоперегрузочный костюм», *g-meter* (акселерометр), *zero-g* (невесомость), *g-tolerance* (переносимость перегрузки) [Schmiddler 2018].

Заключение

Аббревиация является одним из наиболее продуктивных способов пополнения словарного состава английского языка космических исследований. Аббревиатуры — полноценные лексические единицы, ставшие эффективным средством компрессии, хранения и передачи информации. Для их расшифровки необходимы профессиональные знания. Аббревиация содействует коммуникации специалистов рассматриваемой профессиональной области, но может вызывать трудности у специалистов смежных отраслей и неспециалистов. Ситуация осложняется тем, что создание аббревиатур значительно опережает возможности их фиксации в словарях. В последние десятилетия сокращенные лексические единицы приобрели широкое распространение не только в специальной литературе, но и в медиадискурсе, который также стремится к экономии времени и печатного пространства. Онтология аббревиатур в медиадискурсе является актуальной проблематикой и может стать предметом дальнейшего изучения в научных работах и исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Д.И. Сокращенные слова в русском языке. Изд. 2-е доп. М., 2010.
2. Антипов А.А. Перевод аббревиаций и сокращений как объект лингвистического исследования (на материале космической специальной лексики) // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2011. № 4. С. 115–120.
3. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие. Изд-е 2-е, перераб. М., 2012.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
5. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научные технические сокращения в иностранных языках. М., 1972.
6. Вишнякова Е.А. Особенности современных англоязычных аббревиатур // Социосфера. 2021. № 2. С. 40–42.
7. Кубышко И.Н. Структурно-семантические особенности сокращений в космической терминологии английского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2006.
8. Кубышко И.Н. Тематические группы сокращений в космической терминологии английского языка // Омский научный вестник. 2012. № 1 (105). С. 134–137.
9. Мурашкевич А.М. Словарь англо-американских сокращений по авиационной и ракетно-космической технике. М., 1969.
10. Назарова Т.Б. Филология и семиотика. Современный английский язык: учебное пособие. 2-е изд. М., 2003.

11. Сергеева Т.А. Аббревиатура в системе лексических сокращений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2013. № 6 (24). С. 174–179.
12. Теркулов В.И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2017. № 6. С. 73–97.
13. Ткачева Л.Б., Мартынов В.Ю., Коновалов В.Е., Хайрулин В.Ш. Английские сокращения по космической технике. М., 1990.
14. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Third Edition. Cambridge, 2019.
15. Dasch E.J., O'Meara S.J. Oxford Dictionary of Space Exploration. Third Edition. Oxford, 2018.
16. Marchand H. The Categories and Types of Present-day English Word-Formation. A Synchronic-Diachronic Approach. Alabama, 1969.
17. Schmidle N. Rocket Man. The New Yorker, 2018.

REFERENCES

1. Alekseev D.I. *Sokrashchennyye slova v russkom yazyke. Izd. 2-e dop.* [Abbreviations in Russian language. 2nd ed.]. Moscow, URSS Publ., 2010. 342 p. (In Russ.)
2. Antipov A.A. Perevod abbreviatsii i sokrashchenii kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya (na materiale kosmicheskoi spetsial'noi leksiki) [Translation of Abbreviations as an Object of Linguistic Study (Based on Material of Space Vocabulary)]. *Vestnik MGOU. Seriya "Lingvistika"*, 2011, no. 4, pp. 115–120. (In Russ.)
3. Arnol'd I.V. *Leksikologiya sovremennogo angliiskogo yazyka. Izd-e 2-e, pererab* [Lexicology of modern English language. 2nd ed. revised]. Moscow, Flinta Publ., 2012. 376 p. (In Russ.)
4. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1966. 608 p. (In Russ.)
5. Borisov V.V. *Abbreviatsiya i akronimiya. Voennyye i nauchnyye tekhnicheskiye sokrashcheniya v inostrannykh yazykakh* [Abbreviation and Acronyms. Military and Scientific-Technical Abbreviations in Foreign Languages]. Moscow, *Voennoe izd-vo MO SSSR*, 1972. 320 p. (In Russ.)
6. Vishnyakova E.A. Osobennosti sovremennykh angloyazychnykh abbreviatur [The Peculiarities of Modern English Abbreviations]. *Sotsyosfera*, 2021, no. 2, pp. 40–42. (In Russ.)
7. Kubyshko I.N. *Strukturno-semanticheskiye osobennosti sokrashchenii v kosmicheskoi terminologii angliiskogo yazyka: diss. ... kand. filol. nauk* [Structural and Semantic Features of Abbreviations in Space Terminology of the English Language: PhD thesis]. Omsk, 2006. 191 p. (In Russ.)
8. Kubyshko I.N. Tematicheskiye grupy sokrashchenii v kosmicheskoi terminologii angliiskogo yazyka [Thematic Groups of Abbreviations in Space Terminology of the English Language]. *Omskii nauchnyi vestnik*, 2012, no. 1 (105), pp. 134–137. (In Russ.)
9. Murashkevich A.M. *Slovar' anglo-amerikanskikh sokrashchenii po aviatsionnoi i raketno-kosmicheskoi tekhnike* [Dictionary of English-American Abbreviations in Aviation and Rocket-Space Technology]. Moscow, *Voenzdat*, 1969. 437 p. (In Russ.)
10. Nazarova T.B. *Filologiya i semiotika. Sovremennyyi angliiskii yazyk. 2-e izd* [Philology and Semiotics. Modern English Language. 2nd ed.]. Moscow, *Vyssshaya shkola Publ.*, 2003. 189 p. (In Russ.)
11. Sergeeva T.A. Abbreviatura v sisteme leksicheskikh sokrashchenii [Abbreviation in System of Lexical Shortenings]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2013, no. 6 (24), pp. 174–179. (In Russ.)

12. Terkulov V.I. Slozhnosokrashchennie slova: sinkhronniy i diakhronniy aspekty opisaniia [Compound Abbreviations: Synchronic and Diachronic Aspects of Description]. Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology, 2017, no. 6, pp. 73–97. (In Russ.)
13. Tkacheva L.B. et al. *Angliiskie sokrashcheniya po kosmicheskoi tekhnike* [English-based abbreviations in space technology]. Moscow, VTSP Publ., 1990. 38 p. (In Russ.)
14. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Third Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 573 p.
15. Dasch E.J., O'Meara S.J. Oxford Dictionary of Space Exploration. Third Edition. Oxford, 2018. 954 p.
16. Marchand H. The Categories and Types of Present-day English Word-Formation. A Synchronic-Diachronic Approach. Alabama, 1969.
17. Schmidle N. Rocket Man. *The New Yorker*, 2018.

Поступила в редакцию 29.05.2024

Принята к публикации 18.02.2025

Отредактирована 04.03.2025

Received 29.05.2024

Accepted 18.02.2025

Revised 04.03.2025

ОБ АВТОРЕ

Иванчина Олеся Юрьевна — аспирант кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; oivanchina@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olesya Yu. Ivanchina — PhD Student, Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; oivanchina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ГРАФИКИ И ПУНКТУАЦИИ РАННИХ РУМЫНСКИХ МАНУСКРИПТОВ (НА ПРИМЕРЕ CODEX NEAGOEANUS (1620) И CODEX STURDZANUS (1580–1619))

Г.В. Меркулов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; glebmerkulov@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена исследованию графики, пунктуации и общих графических особенностей ранних румынских манускриптов, написанных кириллическим алфавитом. Основное внимание уделено двум ключевым источникам: Codex Neagoeanus (CN) и Codex Sturdzanus (CS), которые представляют собой важные документы для изучения румынского языка периода конца XVI — начала XVII веков. В статье рассматриваются структура этих рукописей, их графические особенности, знаки препинания, использование лигатур, а также анализируются региональные различия в графике. Методология исследования основывается на сравнительном анализе графем, пунктуации и общих графических особенностей в указанных манускриптах. Были использованы методы палеографического и лингвистического анализа для выявления закономерностей в использовании кириллического алфавита румынскими переписчиками, а также для изучения их влияния на развитие румынской письменной традиции. Автор анализирует особенности использования знаков препинания, таких как точка и особый знак «~» в CN, и более развитую систему пунктуации в CS, включая уникальный знак «+» для обозначения прямой речи. Основные результаты работы показывают, что румынская кириллическая письменность находилась в процессе формирования и демонстрировала нестабильность в использовании отдельных графем, особенно в гласных звуках и знаках препинания. Также в статье отмечены лигатуры, специально созданные для обозначения характерных для румынского языка звуковых сочетаний, таких как окончание «-lor». Приведены примеры региональных различий в графике, включая использование графем «ь», «ъ», «ъ» и «ж» в разных манускриптах. В заключении делается вывод о том, что румынская кириллическая орфография конца XVI — начала XVII веков не была полностью сформирована и находилась в стадии стабилизации. Статья подчеркивает важность дальнейших исследований данных манускриптов для лучшего понимания процессов адаптации славянской графики к романскому языку и эволюции румынской письменной традиции.

Ключевые слова: Codex Neagoeanus; Codex Sturdzanus; ранняя румынская письменность; манускрипт; графика, румынский язык

doi: 10.5959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-8

Для цитирования: Меркулов Г.В. Особенности графики ранних румынских манускриптов (на примере Codex Neagoeanus (1620) и Codex Sturdzanus (1580–1619)) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 100–109.

ORTHOGRAPHICAL PECULIARITIES OF EARLY ROMANIAN MANUSCRIPTS (ON THE EXAMPLE OF CODEX NEAGOEANUS (1620) AND CODEX STURDZANUS (1580–1619))

G.V. Merkulov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; glebmerkulov@mail.ru

Abstract: The article is dedicated to the study of the graphics and orthographic features of early Romanian manuscripts written in the Cyrillic alphabet. The study is focused on two key sources: Codex Neagoeanus (CN) and Codex Sturdzanus (CS), which are important documents for the study of the Romanian language of the late sixteenth and early seventeenth centuries. The article deals with the structure of these manuscripts, their graphic features, punctuation marks, use of ligatures, and analyses regional differences in graphics. The methodology of the study is based on a comparative analysis of graphemes, punctuation and general graphic features in the manuscripts. The descriptive method was used to identify patterns in the use of the Cyrillic alphabet by Romanian scribes, as well as to study their influence on the development of the written Romanian. The author analyses the peculiarities of the use of punctuation marks such as the full stop and the special sign «~» in CN, and the more developed punctuation system in CS, including the unique sign ‘+’ to indicate direct speech. The main results of the paper show that the Romanian Cyrillic script was in the process of formation and showed instability in the use of individual graphemes, especially in vowel sounds and punctuation marks. The article also notes the ligatures specially created to denote sound combinations characteristic of the Romanian language, such as the ending «-lor». Examples of regional differences in script, including the use of the graphemes «Ы», «Ь», «Ъ» and «Ж» in different manuscripts, are given. The conclusion is that the Romanian Cyrillic orthography of the late sixteenth and early seventeenth centuries was not fully formed yet and was still in a stabilization phase. The article emphasizes the importance of further research on these manuscripts for a better understanding of the processes of adaptation of the Slavic script to the Romance language and the evolution of the Romanian writing tradition.

Keywords: Codex Neagoeanus; Codex Sturdzanus; early Romanian writing; manuscript; grapheme; Romanian language

For citation: Merkulov G.V. (2025) Orthographical Peculiarities of Early Romanian Manuscripts (On the Example of Codex Neagoeanus (1620) and Codex Sturdzanus (1580–1619)). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 100–109.

Введение

Одной из наиболее важных особенностей ранних румынских письменных текстов следует считать использование кириллического алфавита в качестве основного. Использование кириллического алфавита продолжалось вплоть до 1862 г., после этого официальным алфавитом в Румынии была признана латиница. В связи с этим одним из крайне важных аспектов в изучении ранних румынских текстов становится детальное рассмотрение их графики, так как ни один из романских языков (кроме, разумеется, румынского) не использовал кириллический алфавит. Такая коллизия («румынский» как романский язык vs «кириллица» как славянский алфавит) представляется нам как минимум необычной и интересной.

Описание манускриптов

Codex Neagoeanus имеет объем в триста восемьдесят две страницы, первые двадцать шесть повреждены наиболее сильно. Кроме того, некоторые страницы (стр. 98, 128, 221, 229) надорваны по краям с потерей текста. Полностью отсутствующих страниц нет.

Тип письма, если пользоваться терминологией отечественной палеографии, можно определить как полуустав с элементами скорописи [Чекунова, гл. 1.3]. В манускрипте присутствуют специально оформленные заголовки (вязь), выполненные преимущественно киноварью (на страницах 62, 80, 89, 155, 250, 255, 273). Кроме того, киноварь иногда используется для выделения заглавных букв в предложении или же целых предложений, причем использование киновари в таких случаях носит скорее бессистемный характер.

Помимо самих текстов, манускрипт содержит и авторские записи, а именно авторское заключение к «Alixăndria», вступление и заключение к «Floarea Darurilor» и заключение к «Pravilă...», именно там переписчик оставляет информацию о дате написания («летъ зрѣн»; «попа нон днѣн сѣт днѣн импетру»), а также указывает свое полное имя и должность («младо поп нон блахъ»).

Название манускрипта происходит от имени первого известного владельца — Штефана Нягоя, румынского писателя и учителя, жившего в XIX в [Ionascu 2019: 939]. Имеется и другое название, используемое только на ресурсе Medievalia и в онлайн-каталоге Aleph — «*Misceleanu religios și de cărți populari*», т. е. «Сборник религиозных и народных книг».

Codex Neagoeanus содержит в себе сразу несколько произведений разных жанров, в отличие от остальных манускриптов, в состав которых зачастую входят произведения одного жанра (как правило, религиозные тексты):

1. «Alixăndria»

2. «*Floarea Darurilor*»

3. «*Pravilă sfinților părinții după învățătura Mar(e)lui Vasilie*»

4. «*Rujdelniță*»

5. «*Rânduială vecerniei*» (текст написан на церковнославянском языке, а потому не представляет для нас интереса)

Codex Sturdzanus — это собрание древних текстов, парабиблейских рукописей (апокрифических, житийных и апокалиптических легенд) XVI века, составленных священником Отцом Григорием из Махачи (совр. Махачень) в конце XVI — начале XVII вв. Большая часть включенных в кодекс религиозных текстов представляют собой переводы на румынский язык, некоторые из них являются переписанными копиями более старых текстов, а другие были взяты Григорием из аналогичного собрания текстов, составленного анонимным священником в 1550 г.

Манускрипт, известный как Codex Sturdzanus, находится в Библиотеке Академии Бухареста и представляет собой книгу объемом в 250 страниц, содержащих религиозные тексты на румынском. Все тексты написаны с использованием церковнославянского алфавита.

Б.П. Хашдеу — один из первых ученых, который досконально изучил тексты Кодекса Стурдзана и опубликовал их в 1879 году в своем двухтомном труде «*Cuvinte den bătrâni*», именно ему принадлежит разделение и оглавление текстов рукописи.

Всего Codex Sturdzanus включает в себя 21 текст. Из них тексты под номерами 1–5, 9, 11, 12, 15, 16 и 18–20 написаны на румынском языке, 6, 7 и 13 — тексты-билингвы (*slavo-române*), 8, 14, 17 и 21 — на церковнославянском, а текст номер 10 — на венгерском.

Большинство сочинений, сгруппированных в *Codex Sturdzanus*, были скопированы Отцом Григорием (1, за исключением первой страницы, 9, 14–16 18 и 20). Еще четыре (3–6), образующие небольшую однородную рукопись по структуре и типу составных текстов, принадлежат анонимному писцу, находившемуся на севере Хунедоары. Остальные тексты были переписаны также неизвестными писцами.

Большинство румынских текстов, включенных в Кодекс Стурдзануса, полностью сохранились. Однако в текстах 1, 3, 7, 8, 9, 12, 13, 17 и 21 встречаются пробелы разного размера.

Из переписчиков, которым мы обязаны транскрипцией текстов Кодекса Стурдзануса, только Отец Григорий оставил записи о своем имени и роде занятий, а также о месте и дате транскрипции. Например, в конце текста 1 написано следующее: «*scripsit în luna lună martie, а. 1731 в Зиле <...> în anul де ла Ядам Зрін, де ла нацереа lună хс а. х. <...> презвнчтерул неру Григорне...*».

Знаки препинания и оформление

Прежде чем перейти к конкретным особенностям, следует отметить общий характер графики и оформления в манускриптах. Самым главным здесь следует считать несформировавшуюся систему пунктуации. В Codex Neogoeanus (далее — CN) используются только два: точка «.» и особый знак «^~». Точка выполняет функции всех знаков препинания и в некоторых случаях служит для разделения слов в предложении. Однако такое хаотичное использование «точки» в целом усложняет понимание текста с синтаксической точки зрения, потенциальный читатель должен сам находить границы синтагм, опираясь на контекст. Второй знак препинания также имеет нерегулярный характер использования и может обозначать как конец главы в произведении, так и конец самого произведения.

Что же касается Codex Sturdzanus (далее — CS), то здесь мы можем увидеть более стабильную систему пунктуации и более широкий инструментарий. Г. Киву отмечает [Chivu 1993], что в CS используются четыре знака препинания: точка («.»), запятая («,»), «плюс» («+») и несколько вариантов знака «^~». Точка в CS зачастую выполняет функции запятой (примеры здесь в латинской транскрипции): «*Pre Dzeu sîmtu limbi cealea ce n-au leage. acealea încă dau milostenie. e voi milostenie nu aveți*». При этом она может также выполнять и функции точки, восклицательного и вопросительного знаков. Запятая зачастую выполняет свою современную функцию: «*Ea zise Nu cutez săți deșchiz, că mă temu de dracul înșelătoriu!*» (CS, VI, 58^v/6–7). Кроме того, оба этих знака могут обозначать переход с одного языка на другой (в текстах-билингвах). Знак «плюс» встречается в CS как маркер прямой речи: «...dzise + *Iară mi se cade mie se mă duc*» (CS, IX, 95^v/2–3). Варианты знака «^~» могут обозначать конец текста или выделять его важную часть.

Прежде чем мы начнем рассмотрение отдельных графем, нам следует выделить те, интерпретацию которых можно считать однозначной: л = [a], в = [b], в = [v], д = [d], ж = [z], s = [dz], з = [z], и / ĩ = [i], к = [k], л = [l], м = [m], н = [n], о = [o], п = [p], р = [r], с = [s], т = [t], ф = [f], х = [h], ц = [tʃ], ч = [tʃ], ш = [ʃ], ц = [ʃt], ц = [dz], ю = [u].

Кроме того, для указания ссылок на примеры в манускриптах мы будем пользоваться следующими обозначениями: CN — Codex Neogoeanus, CS — Codex Sturdzanus. При CN просто указывается номер страницы, при CS — ('X', 'YU'^z/'B'), где 'X' — порядковый номер текста, 'YU' — номер листа, ^z — сторона листа, ^r — передняя, ^v — задняя; 'B' — номер строки.

иметь следующие значения: [ǎ] / [î], конкретное значение определяется исходя из контекста, но причины, по которым переписчик выбирает ту или иную графему, до конца не ясны. Это особенно видно на примере таких слов, как «афарă» (аф^ар^ь vs. аф^ар^ь vs. аф^ар^ж), «сăтрă» (к^ьт^ръ vs. к^ьт^ръ vs. к^ьт^рь vs. к^ьт^рж). Кроме того, «ж» может принимать значение дифтонга [ea]: л^че^ж (=aceea, CS, IV, 18^r/15), ж^чт^е (=easte, CS, III, 12^r/4).

ж (юс большой) в CN начинает появляться только во втором тексте и обозначает на письме дифтонг [ea]: л^че^ж (=aceea, CN, 195, 163), л^чг^уж (=altuea, CN, 163), ж^чт^е (=easte CN, 165, 241). В некоторых случаях имеет значение дифтонга [ia]: т^ре^ж (=treia, CN, 166), к^ьр^уж (=căruia, CN, 166), н^ево^ж (=nevoia, CN, 167), во^ж (=voia, CN, 169), т^ьж (=tăia, CN, 199). Схожая ситуация прослеживается и в CS: с^жу (=seau, IV, 34^r/13), л^че^ж (=aceia, V, 43^v/7–8).

Ѣ (ять) имеет значение [e] и дифтонга [ea] в CN, в CS же имеет значения дифтонгов [ea] и [ia]. К сожалению, невозможно однозначно выделить одно конкретное значение для данной графемы ни в одном из манускриптов, так как она используется и в словах, подразумевающих [ea]: к^ѣма (=cheama, CN, 209), д^ѣка (=deaca, CS, XII, 101^r/5), и в словах, подразумевающих [e]: пр^ѣ (=pre, CN, 20), д^ѣ (=de, CN, 41), т^от^ѣ (=tote, CN, 46) и, наконец, в словах, подразумевающих [ia]: л^чел^ѣ (=aceluia, CS, VII, 65^r/4).

Греческие буквы «кси» (ξ) и «пси» (ψ) используются в привычном для славянской письменной традиции контексте — в греческих лексемах: л^еξ^анд^рξ (=Alexandru, CN, 1, 2, 3 и т.д.), ροξ^анд^а (=Roxanda, CN, 144, 149). Исключение составляет слово ψογ^лки (=psoglavî, CN, 88).

В манускриптах активно используются надстрочные «л», «с», «ц», «д», «т», «м», «н» и «к»², а также многочисленные лигатуры (см. Приложение, рис. 1–5).

Наконец, стоит отметить, что числительные в румынских кириллических текстах выражались с помощью букв, никаких отклонений от нормы не обнаружено.

Выводы

Итак, кириллическая графика ранних румынских манускриптов, будучи феноменом сама по себе (использование славянского инструментария для записи романского языка), демонстрирует ряд особенностей и, в некоторых ее аспектах, нестабильность.

В первую очередь следует отметить графемы, введенные носителями румынского языка (i, u) для выражения значений, характерных

² ѣ ѓ ѣ ѓ ѣ ѓ ѣ ѓ соответственно

для старорумынского и, впоследствии, современного румынского языка. Кроме того, переписчиками той эпохи используются различные лигатуры. Как минимум одна из них используется при выражении характерного для румынского языка окончания «-log», что может говорить о стремлении носителей адаптировать письменность под нужды языка.

Несмотря на то, что подавляющее большинство букв кириллического румынского алфавита не имеет разночтений, мы не можем не зарегистрировать нестабильность в системах использования отдельных графем, в особенности гласных. Кроме того, на эту систему, находящуюся в процессе формирования и укрепления, могут накладываться и региональные фонетические особенности, приводящие к еще большей нестабильности (CS был написан в ~150 км на северо-восток от места написания CN), особенно это видно в случае с графемами «ь», «ѣ», «ж», так как в одном из манускриптов (CS) активно используются все три (хоть они и взаимозаменяемы), в другом же (CN) используется лишь одна («ь», так как «юс малый» имеет другое значение).

Очевидно, что на данном этапе (конец XVI — начало XVII вв.) румынская кириллическая орфография все еще находится в стадии формирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чекунова А. Е. Русское кириллическое письмо XI–XVIII вв. Учебное пособие. М., 2010.
2. Călinescu G. Istoria literaturii române de la origini pînă în prezent, ediția a II-a, revăzută și adăugită, ediție și prefață de Al. Piru. București, 1986.
3. Cartoian N. Alexandria în literatura românească. Noui contribuții (studiu și text). București, 1922.
4. Cartoian N. Cărțile populare în literatura românească. Epoca influenței sud-slave, cuvînt înainte de Dan Zamfirescu, postfață de Mihai Moraru. București, 1974.
5. Cartoian N. Cel mai vechiu zodiac românesc: «Rujdenița» popei Ion Românul. Cluj, 1928.
6. Cartoian N. Fiore di virtù in literatura românească. București, 1928.
7. Chivu G. Codex Sturdzanus, Studiu filologic, studiu lingvistic, editie de text si indice de cuvinte. București, 1993.
8. Drăganu N. Istoria literaturii române din Transilvania de la origini până la sfârșitul secolul al XVIII-lea. Cluj-Napoca, 2003.
9. Gheție I. Baza dialectală a românei literare. București, 1975.
10. Grigoriu B. Alixândria: Le premier roman roumain d'Alexandre le Grand. Cluj, 2020.
11. Munteanu Ș. Istoria Limbii Române Literare. București, 1983.
12. Ionascu A. «Alexândria», or the first instance of monsters in romanian culture: <http://old.upm.ro/jrls/JRLS-17/Rls%2017%20B3.pdf> [по сост. на 20.09.2024].
13. Rosetti Al. Istoria Limbii Române. București, 1986.

REFERENCES

1. Chekunova A.E. Russkoe kirillicheskoe pis'mo XI–XVIII vv. Uchebnoe posobie [Russian Cyrillic Writing of the 11th–18th Centuries. Study Guide]. Moscow, 2010.
2. Călinescu G. Istoria literaturii române de la origini pînă în prezent, ediția a II-a, revăzută și adăugită, ediție și prefață de Al. Piru. București: Editura Minerva, 1986.
3. Cartoian N. Alexandria în literatura românească. Noul contribuții (studiu și text). București: Cartea Românească, 1922.
4. Cartoian N. Cărțile populare în literatura românească. Epoca influenței sud-slave, cuvînt înainte de Dan Zamfirescu, postfață de Mihai Moraru. București: Editura Enciclopedică Română, 1974.
5. Cartoian N. Cel mai vechiu zodiac românesc: «Rujdenița» popei Ion Românul. Cluj: Institutul de Arte Grafice Ardealul, 1928.
6. Cartoian N. Fiore di virtu in literatura românească. București: Cvltvra Națională, 1928.
7. Chivu G. Codex Sturdzanus, Studiu filologic, studiu lingvistic, editie de text si indice de cuvinte. București: Editura Academiei Române, 1993.
8. Drăganu N. Istoria literaturii române din Transilvania de la origini pînă la sfârșitul secolul al XVIII-lea. Cluj-Napoca: Atlas-Clusium, 2003.
9. Gheție I. Baza dialectală a românei literare. București.: Academiei Republicii Socialiste România, 1975.
10. Grigoriu B. Alixândria: Le premier roman roumain d'Alexandre le Grand. Cluj: Presa Universitară Clujeană, 2020.
11. Munteanu Ș. Istoria Limbii Române Literare. București: Editura Didactică și Pedagogică, 1983.
12. Ionascu A. «Alexândria», or the first instance of monsters in romanian culture: <http://old.upm.ro/jrnl/JRLS-17/Rls%2017%20B3.pdf> [accessed 20.09.2024].
13. Rosetti Al. Istoria Limbii Române. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1986.

Поступила в редакцию 15.10.2024

Принята к публикации 18.02.2025

Отредактирована 05.03.2025

Received 15.10.2024

Accepted 18.02.2025

Revised 05.03.2025

ОБ АВТОРЕ

Меркулов Глеб Васильевич — аспирант кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
glebmerkulov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Gleb Merkulov — PhD Student, Department of Romanian Languages, Lomonosov Moscow State University; glebmerkulov@mail.ru

Рис. 1. Буквица «Ш»

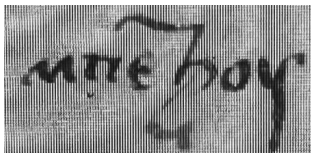

Рис. 2. «(Si)mpetru»

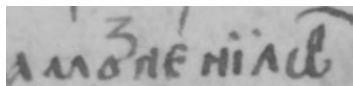

Рис. 3. «amozenilor»

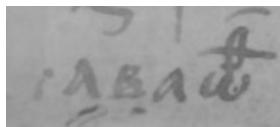

Рис. 4. «savaof»

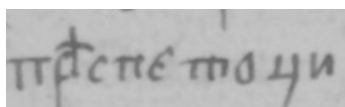

Рис. 5. «presp(ri)toți»

«ЦАРЬ ПЕТР» АНТУАНА-ЛЕОНАРА ТОМА: ЗАМЫСЕЛ И ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ

А.И. Любжин

*Центр академического образования АНО ВО «РУМТ»,
Лаборатория междисциплинарного анализа социума, культуры и истории
(МАСКИ) ФПМИ Национального исследовательского университета
«Московский физико-технический институт»; vultur@mail.ru*

Аннотация: Рассматривается незавершенная эпическая поэма видного литератора, автора многочисленных похвальных речей А.-Л. Тома «Царь Петр», опубликованная посмертно, публикации в прессе и свидетельства современников, где идет речь о замысле поэмы и ходе работы над ней. Описываются сохранившиеся песни (шесть — по одной о Голландии, Англии и Германии и три о Франции) и фрагменты. На основании сохранившихся свидетельств и написанных частей делается реконструкция замысла. Материалы позволяют заключить, что исходный вариант состоял из двенадцати песней; поскольку путешествия заняли значительное место, оставшийся объем оказался недостаточным для полного раскрытия тематики. Потому от вергилиевского числа песней было решено перейти к гомеровскому (24). Тем не менее поэма не продвинулась дальше, и написанные части отражают прежде всего путешествия Петра (с большими хронологическими сдвигами сравнительно с реальной историей: так, Петр беседует с Людовиком XIV, участвует в качестве волонтера во второй битве при Гохштедте (13 августа 1704 г.)). Дается анализ фрагментов, который позволяет отнести их к раннему или позднему этапу замысла. В последнем разделе статьи уделено внимание европейскому контексту работы Тома над эпосом о Петре Великом, чья фигура привлекала интерес со стороны не одного литератора во Франции и в Италии. К моменту публикации поэма Тома уже утратила актуальность.

Ключевые слова: эпическая поэма; Петр I; А.-Л. Тома; путешествия

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-9

Для цитирования: Любжин А.И. «Царь Петр» Антуана-Леонара Тома: замысел и европейский контекст // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 110–128.

ANTOINE-LÉONARD THOMAS' *TSAR PETER*: CONCEPTION AND THE EUROPEAN CONTEXT

Alexey Lyubzhin

Russian University of Metatechnologies; Laboratory of Interdisciplinary Analysis of Society, Culture and History (iASCH), Phystech School of Applied Mathematics and Computer Science, National Research University "Moscow Institute of Physics and Technology"; vultur@mail.ru

Abstract: The article deals with the unfinished epic poem *Tsar Peter*, published posthumously by Antoine-Léonard Thomas, a prominent litterateur and author of numerous eulogies. The first section examines press publications and testimonies of contemporaries, where the idea of the poem and the course of work on it are discussed. The second section describes the surviving songs (there are six of them — one each about Holland, England, and Germany, and three about France) and snippets. In the third section, a reconstruction of the design is made on the basis of the surviving testimonies and the pieces written. These materials allow us to conclude that the original version consisted of twelve songs; since the travels took up a considerable amount of space, the remaining volume was insufficient for a full disclosure of the subject matter. It was therefore decided to switch from Virgil's number of songs to Homer's (24). Nevertheless, the poem did not advance further, and the written parts reflect primarily Peter's travels (with large chronological shifts compared to the real history: for example, Peter talks to Louis XIV, participates as a volunteer in the second battle of Höchstädt (August 13, 1704)). The section analyzes the pieces, allowing us to attribute them to an early or late stage of the plot. The fourth section focuses on the European context of Thomas' work on the epic of Peter the Great, whose figure attracted the interest of more than one literary figure in France and Italy. By the time of publication, Thomas' poem had already lost its relevance.

Keywords: epic poem; Peter the Great; Antoine-Léonard Thomas; voyages

For citation: Lyubzhin A. (2025) Antoine-Léonard Thomas' *Tsar Peter*: Conception and the European Context. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 110–128.

Проблема сочинения эпической поэмы на французском языке о Петре I — волновавшая как русское правительство, так и европейские литературные круги — была более значима, чем представляется на первый взгляд, и сохраняла актуальность, пока ее сохранял жанр стихотворного эпоса сам по себе. Ниже мы рассмотрим одно из таких произведений, не оконченное автором и опубликованное после его смерти. Но создатель его, Антуан-Леонар Тома, относился к числу видных литераторов своего времени, вложил в свое произведение много любви и труда и придавал ему большое значение.

Потому, хотя запоздалая и — скажем так — «мемориальная» публикация лишила «Петреиду» литературной актуальности¹, поэма сохраняет интерес как памятник внимания европейских литературных кругов к петровской тематике.

И. Замысел эпоса: свидетельства

В тексте самой поэмы Тома утверждает, что образ Петра представал перед ним еще с юности, когда, уединяясь в священных лесах, он задумывался над крупными трудами (130). Как отмечает Этьенн Микар, судя по переписке, поэмой о Петре I Тома был занят с 1759 г. [Micard 1924: 88]. Он делится планами с Ж.-Ф. Мармонтелем и Н.-Т. Бартом; первоначальный предполагаемый объем — 12 песней. 16 августа Тома сообщает Барту: «Печальное единообразие усыпляет меня и утомляет. Монотонность окружающих меня предметов сообщается моим идеям; чтобы привести в движение душу, мне нужны машины и рычаги... Мой великий замысел страшит меня... С другой стороны, я знаю, что патетическое — великая пружина, приводящая душу в движение, и я мало его нахожу в этом сюжете, столь обильном с другой стороны великими красотами. Однако я продолжаю набрасывать план песней, и сейчас я в конце пятой». 15 сентября он развивает тему: «Теперь скажем несколько слов о “Царе”... План закончен. Сюжет двенадцати песней уже написан и развит с рядом подробностей. Я прочел его Мармонтелю; он весьма доволен им. Вы знаете, что изначально сюжет был ему не по вкусу, он потом мне это повторял несколько раз. Сегодня он находит его восхитительным... Вчера я отобедал у него; мы много говорили об этом — величие плана, интерес, разнообразие, патетика, эпизоды, характеры, положения, новые живописные картины — он находит здесь все»². Работа сопровождается внимательным и критическим чтением Лукана; в переписке мелькают имена Гомера, Вергилия, Мильтона и Тассо. Но и в апреле 1760 г. детальный план есть только для первых трех песней; Барт отвечает ему: «Уверен, что никто не сможет привести мне какую-либо из красот или у Гомера, или у Вер-

¹ Впервые: *Ceuvres posthumes de Thomas, de l'Académie Française*, T. I. Paris: Desserts, An X (1802). P. 17–250. Мы будем использовать текст, опубликованный в V томе ПСС: *Thomas, A.-L. Le Czar Pierre Ier, Poème // Œuvres complètes de Thomas, de l'Académie Française; précédées d'une notice sur la vie et les ouvrages de l'auteur, par M. Saint-Surin*. T. V. Paris: Verdière, Lhereux, Ladrage, Guibert. MDCCCXXV. P. 53–335. Ссылки на него будут даваться только с номером страницы.

² *Henriet, M. Correspondance inédite entre Thomas et Barthe (1759–1785) // Revue d'Histoire littéraire de la France, publiée par la Société d'Histoire littéraire de la France*. T. XXIV. 1917. Paris: A. Colin. P. 116; 121.

гилия, или у Тассо, которой я не мог бы противопоставить какую-либо из ваших... Царь, великий творец, жена, великая преступница, воительница, достойная быть супругой царя, сын, добродетельный и несчастный, пылкий Карл XII стоят Ахилла, Нестора, Энея, Ринальдо, Клоринды, Морне, если еще не лучше» (к эпическому списку добавляется — как же без нее — «Генриада» Вольтера) [Цит. по: Micard 1924: 90–93]. Потом в переписке наступает долгое молчание о Петре. В 1785 г. Тома пишет близкому другу, трагику Ж.-Ф. Дюси: «Для пространных произведений, занимающих всю жизнь, когда время подгоняет и старость приближается, часто пытаются удвоить шаг, как путешественник, развлеченный чем-либо в течение дня, ускоряет ход с наступлением ночи. Однако же я останавливаюсь, когда чувствую, что буду утомлен; я оживляю воображение чтением, а затем возвращаюсь с новыми силами. В настоящий момент я погребен в шахтах Германии и веду эпическую музу туда, куда она никогда не проникала» [цит. по: Micard 1924: 93].

Тома не скрывал от публики своего труда. Одна из песней была прочтена на церемонии его принятия в Академию 22 января 1767 г. Незадолго до смерти — 30 августа 1785 г. — он в Лионе читал VII песнь «Петреиды» на заседании местной Академии, вместе с Дюси, который прочел «Послание к дружбе»³. Местная пресса (*Journal de Lyon* от 17 сентября) сообщает номер песни, но не ее содержание. Дюси вспоминает о том же чтении на публичном заседании, говоря о «прекрасной песни о Людовике XIV», которую тот читал, «оглашая святилище Муз почтенными именами Тюренна, Конде, Люксембурга, Катина, Фенелона, герцога Бургундского», но Дюси не называет номера⁴. Там же он пишет о «частных заседаниях Лионской Академии (май и июнь 1785 г.), когда он читал то свою песнь об Англии, то о шахтах, то о праздниках Людовика XIV»⁵.

Опубликованные после выхода посмертного двухтомника критические мемуары С.-Ж. Бурле де Вокселля содержат интересное свидетельство: «Когда он впервые захотел пооткровенничать со мной, я у него спросил, в чем его план; он дал очень сбивчивый ответ, что он задумал грандиозную концепцию, которая поражает гений. Восемнадцать лет спустя я повторил свой вопрос, и он не сказал мне ничего более ясного. Однажды, когда он зашел ко мне,

³ A la veille de la révolution. Lyon de 1778 à 1788. Notes et documents publiés par Albert Metzger... Lyon: H. Geogr. [1888].

⁴ Dumas, J.B. Histoire de l'Académie royale des sciences, belles-lettres et arts de Lyon, Par J.B. Dumas... T. I. Lyon: Giberton et Brun, 1839.

⁵ Автор сопровождает этот фрагмент примечанием: «Первое частное заседание, на котором присутствовали Тома и Дюси, состоялось 2 августа 1785 г.»

мне пришло в голову посоветовать ему сократить сюжет, взяв заголовки “Путешествия царя Петра”. Он замолчал, и в его улыбке промелькнула досада. Он решил описать очень пространное действие; часть его должно было составлять восстание царевича, а также, говорят, эпизод с татарским князем⁶, изгнанным из его страны. Этот эпизод отсутствует. На самом деле он воспел только путешествия своего героя, в Голландию, где его наставляет гений морского дела, в Англию — гений свободы, — во Францию — гений искусств — и в Германию — гений подземных богатств... Вымысел в рассказах о путешествиях (Гомер и Фенелон) предпочтительнее подробностей морского дела и минералогии. “Песнь о шахтах” — ответ на описания царства мертвых в первоклассных эпических поэмах; но элизиумом она не уравновешена⁷.

Мармонтель вспоминал: «Во время, когда и у меня самого была великая нужда в строгом и откровенном цензоре, Тома, который был много моложе меня, взял меня на эту роль. Я искренне хвалил его, часто даже и с увлечением; но я не скрывал от него, что желал бы в его стиле больше модуляций и меньше монотонности. “Вы играете, — говорил я ему, — на одной струне; правда, что она издает прекрасные звуки, но достаточно ли в них разнообразия?” Он выслушивал меня с печальным и скромным видом и, может быть, говорил себе, что у моей критики есть основания... Не от меня зависело, что он не употребил с большей пользой годы, отданные поэме о царе. Я дал ему ясно видеть, что поэме не хватало единства и интереса со стороны действия... Что вы будете воспевать? какое событие, какое основное действие станет предделом вашего повествования? “...Вы расскажете о путешествиях царя, о войне против Карла XII, о неповиновении и смерти сына, о разгромленных кликах внутри государства, о военной дисциплине, установленной в армиях, об искусствах и науках, перенесенных в его империю, о городе Петербурге, основанном на берегах Балтики, — это материалы для исторической поэмы, для ораторского элогия; но я нимало не вижу здесь сюжета — единого и простого — для эпической поэмы”. Он соглашался, что у него нет ответа на мой упрек; но, говорил он, если здесь нет драматического действия, которое можно было бы завязать и развязать, то у царя есть великий характер, чтобы его живописать.

⁶ В оригинале *prince*, что может означать и государя, и принца. Дать точный перевод не представляется возможным.

⁷ *Vaux[c]elles, S.-J., Bourlet de*. Edition complète des Œuvres d'Antoine Thomas, de l'Académie Française... // *Mercure de France, littéraire et politique*. T. VII. Paris: Didot jeune, An X (1802). P. 412–415.

Перед тем, как обратиться ко мне, он уже сочинил четыре песни о путешествиях царя в Голландию, в Англию, во Францию, в Италию. Эта великолепная прихожая включала великие красоты; он надеялся найти средства окончить здание; наконец он признал, что пытался сделать невозможное, и, через девять лет, он засвидетельствовал сожаление, что не последовал моему совету оставить это предприятие»⁸. Впоследствии Мармонтель ехидно отметит: «Путешествия царя Петра I — великолепный предмет амплификации для красноречия и поэзии, привилегия которых — исказить истину, преувеличивать и приукрашивать»⁹.

Ж.-Ф. Лагарп пишет в 1785 г.: «Двадцать лет он занимался сочинением эпической поэмы, чьим героем был царь Петр Великий. Он брался за нее и бросал ее не один раз и многократно менял ее план. Наконец, последний, на котором он остановился и по которому он работал, когда его похитила смерть, предполагал двадцать четыре песни. Не слишком выгодное представление об этом плане может дать то, что девять из них должны были быть посвящены только путешествиям царя, среди прочих три — во Францию (как будет видно из дальнейшего, здесь совмещаются два плана — ранний, предполагавший начать с путешествий, и поздний, в котором третья французская песнь должна была быть девятой — автор). Именно их он написал первыми. Остальные только задуманы. Но что думать об эпизоде такой длины, по большей части постороннем для героя, полностью в рассказах [иных лиц], занимающем треть произведения? Не значит ли это жертвовать главным побочному? Должна ли была история Людовика XIV занимать столько места в поэме, посвященной Петру Великому? И хорошо ли для сюжета так надолго терять его из вида? Как бы то ни было, говорят: то, что сделано, исполнено красот в подробностях, и я в том не сомневаюсь»¹⁰.

L'Année Littéraire сопровождает Тома в могилу следующими рассуждениями: «Г. Тома желал совершить поприще в 24 песни; но мы сомневаемся, что Петр Великий потерял в его лице Гомера; у этого писателя не было в гении довольно гибкости, чтобы приспособиться ко всем тонам, требуемым эпической поэзией. Его пыл был де-

⁸ *Marmontel, J.-F. Mémoires d'un père pour servir à l'instruction des ses enfans // Œuvres Complètes De Marmontel, De l'Académie Française. T. II. Paris: Amable Costes et Cie. M.DCCCXIX. P. 152–154.*

⁹ *Marmontel, J.-F. Régence du Duc d'Orléans. T. II. Paris: An XIII. 1805. P. 200.*

¹⁰ *Laharpe, J.-F. Correspondance littéraire, adressée à Son Altesse Impériale M. le Grand Duc, aujourd'hui Empereur de Russie, et à M. le comte André Schowalow, Chambellan de l'Impératrice Catherine II, Depuis 1774 jusqu'à 1791; Par Jean-François Laharpe. T. V. Paris: Migneret Imprimeur, 1807. Lettre CCXXIII. P. 12–13.*

ланным, это более сносно в ораторской декламации, нежели в поэзии, и его сентенциозная манера... самый утомительный недостаток в длинной поэме. Искренний друг г. Тома должен был бы посоветовать ему написать “Петреиду” в прозе; это в большей степени было бы в пределах досягаемости его таланта; он мог бы ее закончить; он не потратил бы сил и жизни на труд, противный природе, и это была бы немалая слава — стать соперником Фенелона, если бы “Петреида” оказалась достойна стать наряду с “Телемаком”¹¹.

Наконец, уже первое издание поэмы было предварено ее планом: «Первые песни поэмы о царе Петре содержат историю его путешествий. Этот государь, имея замысел цивилизовать свой народ, желает начать с собственного просвещения. Он пересекает Европу, чтобы собрать искусства и все науки, способствующие государственному величию. В первой песни герой поэмы в Германии. Вторая — его путешествие в Голландию, где он на верфях изучает кораблестроение; третья — его путешествие в Англию; четвертая, откуда я буду иметь честь прочесть вам несколько отрывков, г-да, — его путешествие во Францию. Автор счел, что, как поэт, он может не стеснять себя целиком точностью историка; потому, вместо того чтобы описать прибытие царя во Францию при регенте, он привел его туда в конце царствования Людовика XIV. Он счел, что положение Франции тогда было более интересным для описания...» (55–56). Этот план сопровождается примечанием, принадлежащим, по всей видимости, издателю посмертного собрания, известному библиографу и книгоиздателю Н.-Т. Ле Муану Дезессару, который выкупил бумаги Тома у наследников: «Этот план был набросан Тома в качестве введения к чтению некоторых отрывков из поэмы в лионской Академии».

Добавим еще несколько свидетельств и критических оценок. Гримм писал: «То, что есть дикого и дивного в Петре Великом, этот возвышенный инстинкт, руководящий государем, который сам еще пребывает в варварстве, когда он преобразует обширную державу, делает его более пригодным к воплощению в бронзе, нежели кого-либо из существовавших когда-либо властителей. Я желаю, чтобы гений г. Фальконе был на уровне его предприятия. Я желаю, чтобы г. Тома, занятый эпической поэмой, героем которой должен быть Петр Великий, воздвиг этому великому человеку памятник столь же долговечный, как и бронза г. Фальконе. Гений Петра послужит таким образом к тому, чтобы обессмертить двоих французов; и по-

¹¹ 4. L'Année Littéraire. Année M.DCC.LXXXVI. T. III. Paris: Mérigot, le jeune, Libraire M.DCC.LXXXVI. Lettre 1: 28. Об издателях и авторах журнала: <https://dictionnaire-journaux.gazettes18e.fr/journal/0119-lannee-litteraire-2>.

следние, передавая потомству почести, которые Екатерина воздает основателю Российской Империи, дадут позднейшим поколениям урок, какими памятниками следует почтить память августейшей государыни, дерзнувшей довершить труд, начатый Петром Великим» (1er septembre 1766)¹². В дальнейшем Grimm описывает чтение отрывка из эпоса на церемонии вступления А. Тома во Французскую Академию: «После этой церемонии г. Тома прочел большую часть четвертой песни своей эпической поэмы “Петр Великий, император России”. Предмет этой песни — путешествие царя во Францию». Разговор Петра с Людовиком XIV — хронологический сдвиг на 12–15 лет; но Филипп Орлеанский был бы, по мнению Grimma, в данной ситуации более уместен. Петр играет вспомогательную роль и произносит лишь общие места. Для французов век Людовика XIV известен и без того; им следовало показать век России (1er février 1767)¹³. Противник философов-энциклопедистов Ш. Колле сообщает (январь 1767 г.): «В настоящее время он пишет эпическую поэму “Царь Петр”, одну песнь из которой он прочел в Академии в день, когда его в нее приняли. Нашли, что эта песнь — без воображения и без изобретения... Великое несчастье для литераторов — что они не живут в своем обществе, как было когда-то... В настоящее время каждый из них живет в мире, где он — солнце и, как он сам полагает, источник света; каждый человеческий поток в наши дни имеет свой изящный ум-солнце, и портит его видимостью (air), притязаниями, самолюбием, тщеславием или иначе. Кружок покойного г. де ла Попелиньера сбил с толку и погубил г. де Мармонтеля; и я с большой долей вероятности предполагаю, что умственная контора г-жи Марше и некоторые другие энциклопедические конторки вскружили голову г. Тома»¹⁴. Л. Ж.-П. де Фонтан не менее суров: «Нам неизвестен план “Петреиды” в целом; но шесть песней, окончанных автором, достаточны, чтобы показать: он не знал особенностей своего гения, принимаясь за эпопею. Здесь есть богатые подробности, но целое нарисовано в одних и тех же пропорциях, и эти пропорции — всегда гигантские. Нет разнообразия ни в ма-

¹² Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot depuis 1753 jusqu'en 1790. Nouvelle édition revue et mise dans un meilleur ordre. Avec des notes et des éclaircissemens... T. V. 1766–1768. Paris: Furne Libraire, MDCCCXXIX. P. 142.

¹³ Там же. С. 300–301.

¹⁴ Collé, Ch. Journal et mémoires de Charles Collé sur les hommes de lettres, les ouvrages dramatiques et les événements les plus mémorables du règne de Louis XV. 1748–1772. Nouv. Éd. augmentée de fragments inédits... Avec une introduction et des notes par Honoré Bonhomme. T. III. Paris: Firmin Didot Frères, Fils et CIE, 1868. P. 126–127.

нере строить планы, ни в манере письма»¹⁵. Мнение лучшего исследователя приведем в его афористическом заострении: «Он не делает “газету в рифмах”, как с преувеличением можно было бы сказать об исторической актуальности — он перелагает в рифмы “Энциклопедию”» [Micard 1924: 111–112]. Общий объем написанного, по его оценке, — около 7000 стихов.

II. Написанные части

Опубликованные части «Петреиды» ограничены путешествием Петра и представляют собой шесть песней (по одной посвящены Голландии и Англии (Chant de la Hollande и Chant de l'Angleterre), три песни о Франции (Chants de la France, имеющие свою нумерацию) и одна — о Германии (Chant des mines, Песнь о шахтах)). К ним примыкают пять фрагментов (Fragment du Chant de l'Allemagne, Variantes du Chant de l'Allemagne, Variantes du Chant de l'Angleterre, четвертый не имеет заголовка, пятый — Variantes du Chant troisième de la France). Если не готовые песни, то вся совокупность текстов относится к разным слоям замысла. Рассмотрим их в порядке публикации с содержательной точки зрения, обращая особое внимание на моменты, которые связывают их с другими частями произведения. Сразу же подчеркнем: ни одна из них не содержит эпического зачина, отказаться от которого по условиям жанра в ту пору было невозможно; из этого следует, что *в момент написания* ни одна из них не замышлялась как первая.

Chant de la Hollande. Описание Амстердама и процветания Голландии¹⁶. Петр отправляется в Сардам и учится корабельному делу, которое здесь подробно описано. Лефорт видит нового Петра: «Это уже не герой, победитель оттоманов; он искал монарха, а нашел ремесленника» (69). Возможно, это указывает на план описания азовской кампании в одной из первых песней поэмы. Лефорт называет его «монархом-творцом», «monarque créateur»¹⁷. Царя узнают.

¹⁵ Fontanes L. J.-P., marquis de. Œuvres de M. de Fontanes, recueillies pour la première fois et complétées d'après les manuscrits originaux... T. II. Paris: L. Hachette, 1839. P. 275.

¹⁶ «Здесь ограда, вырытая руками времени, представляет обширную гавань для счастливого матроса. Некогда несколько рыбаков, рассеянных по этому берегу, венчали камышом свою дикую хижину. Отец оставлял в наследство сыновьям невод, повешенный на пустынной скале. Сейчас эти места населены всем миром... Громадный бассейн представлял тысячу кораблей разом на своем лоне» (61). Сделаем осторожное предположение, что сходство этого места с известными стихами из «Медного всадника» не является случайным.

¹⁷ Возможно, это слово применительно к Петру «носилося в воздухе». Шевалье де Менвилье называет свой эпос о Петре *Petréade, ou Pierre le Créateur*. О зависимости одного эпоса от другого здесь вряд ли может идти речь.

В один прекрасный день, прерывая его труды, перед ним предстает мрачная фигура: «Это был святой старец, пророк из Архангельска, ужасная мысль о котором в этот миг поразила его оробевшую душу. Он видит его, слышит, имеет перед глазами. Таинственный смысл неприятного пророчества, это неведомое несчастье, ужасное, неизбежное, которое время до сих пор прячет под непроницаемым покровом, но чье время приближают все его труды, непреложный закон ожидающего рока вопреки его воле вновь возникает в его печальной памяти; он видит, что приговорен к бедствию собственной славой. Кажется, его удерживает смутное движение; он, дрожа, останавливается на краях грядущего, в ужасе отступает... В этом крайнем смятении душа с усилием борется сама с собой. “Роковой истолкователь, зачем ты со мной говорил? Нет, — говорит он, — мое сердце нельзя потрясти; как судьбы, моя душа нестибаема. Так нужно. Приблизим эту роковую ночь”». Скромный домик в Сардаме, где не шумит оружие и нет заговоров, дает Петру счастье, большее, чем он испытал, когда вел свою армию к Крыму или налагал цепи на бледных турок в дымящихся стенах Азова. Великие голландские медики. Пропаганда веротерпимости. Петр готовится покинуть Голландию.

Chant de l'Angleterre. Богиня Свобода встречает Петра и знакомит его с Англией. Она показывает ему процветающее земледелие и суд. Они приходят в Лондон и направляются в Вестминстер. Призраки английских королей — «страшная тень» последнего Генриха (VIII) и светлая — Елизаветы. Свобода показывает Петру костры фанатизма. Слабые и ничтожные Стюарты. Громадная в своем ужасе фигура Кромвеля: «величайший из смертных, не будь он преступнейшим из них» (117). Парламент. Знакомство с достижениями культуры и интеллектуальной жизни: Рен, Бойль, Ньютон, Локк, Аддисон. Король Вильгельм I (Нассау) раскрывает перед Петром политические тайны. Английский магистрат не дает Петру казнить его собственного подданного, совершившего тяжкое преступление.

Chants de la France. 1. Похвала Франции и гениям века Людовика XIV. Петр покинул берега Англии и из Дувра направляется в Кале. Лефорт сравнивает англичан и французов. Они прибывают в Париж и спешат в Версаль. Петр уже обладает высокой репутацией: «великое имя, которое, отправившись в путь от крымских берегов, увеличивает, от двора к двору, свою обширную славу» (138). Праздник в Версале: брак воспитанника Фенелона Людовика, герцога Бургундского, и Марии-Аделаиды Савойской (состоялся в декабре 1697 г.). Лефорт перечисляет Петру — спрашивавшему о Люксембурге, Лувуа,

Кольбере, вспоминающему о Тюренне, Конде — полководцев Людовика, которые к тому времени еще живы. Беспокойство Петра о сыне: «Мой сын являлся мне в темных тучах, его искаженное чело погружалось в тень; мой сын, мой собственный сын мне внушал ужас. Казалось, что моя кровь, восстав против меня, роптала в моем сердце и открыла против меня войну. И вдруг я подумал, что из лона земли поднялся на моих глазах (это не было ошибкой), — этот старец (я его увидел), слуга ужаса, страшный пророк из пустынь Архангельска, я его увидел, — рокового истолкователя моей судьбы. Неподвижный и немой, этот угрюмый старец, казалось, бросал на меня длительный и грустный взгляд. Чего хочет от меня, дорогой друг, этот ужасный призракт?.. Почему он поместился между моим сыном и мной? Все исчезло с зарею; но и в твоих объятиях меня преследует страх» (152). Лефорт утешает его: если тут и есть чудо, то это — страх великого человека. Сын Петра будет достоин его. Петр участвует в версальской охоте и убивает вепря, который угрожал гибелью ее участницам. Людовик XIV узнает Петра.

Chants de la France. 2. Длинный рассказ Людовика. Ришелье, подготовивший величие Франции; собственное воспитание кажется королю недостаточным. Он подавил оппозицию. Каков характер французов и как можно было им управлять. Пространные характеристики великих полководцев — Конде, Тюренна, Люксембурга. Лувуа. Людовик желал скорее поразить, чем поработить весь мир. В центре — честь (l'honneur). Она плохо совместима с золотом. Кольбер, который обратил Францию к морям. Роскошь, которая может быть и живительной, и губительной. Дворец Людовика стал святилищем Муз. Судьба изгнанных гугенотов — новое возвращение к теме веротерпимости. О милости короля умоляет мать-протестантка, у которой отняли детей и заключили в тюрьму мужа, заслуженного воина, оказавшего сопротивление и убившего одного из нападавших. Людовик оказывает эту милость.

Chants de la France. 3. Париж. Искусства. «Париж являет его глазам цивилизованного человека, чей творческий вкус облагораживает богатство, воинственного, но человеческого, вежливого, но без изнеженности» (200). Бог искусств (с перечислением крупнейших артистических и литературных имен Франции) является Петру. Различные виды искусств — рисунок, живопись, гравюра, скульптура. Отливка конной статуи Людовика. Пророчество о Медном всаднике: «Знай, что твоим доблестям, твоей благородной отваге твоя страна в один прекрасный день должна воздать такую же честь, — ответил бог искусств. В ледяных болотах, на бесплодных

берегах, в щетинистых лесах, бронза, гордая тем, что воспроизводит твои черты, украсит твердыни — твое творение. Там народ, наследник твоих громадных благодеяний, будет почитать твою тень, почитая твой образ. Ничего — ни города, ни народа, ни художника — пока еще нет, но твой гений уже есть» (212). Искусства продолжают: архитектура, ткачество, ювелирное мастерство, изготовление стекла, оптика, философия (la Méditation). Храм природы и стихии. Красноречие (оно очень потеряло в силе с течением времени). Музыка и поэзия. Храм Истории. Петр посещает Дом Инвалидов. Между тем в Польше умирает Ян Собеский. Людовик приглашает Петра на тайное совещание; Петр в благородных выражениях отказывается поддержать кандидатуру Конти (события 1696–1697 гг.).

Chant des mines. Песнь о шахтах, или Германия. Петр покидает Берлин. Недалеко от Гослара, в Герцинском лесу, расположены шахты, куда спускается Петр. Пространное знакомство с подземным миром и его опасностями. Реквием (le repos éternel), трехкратно произнесенный по живым. Смертельно опасные работы в шахтах; Петр, возмущенный социальной несправедливостью, получает спокойный ответ немца-проводника: «Ты это знаешь лучше, чем я: на этом земном шаре, где мы пребываем, везде человеческий род живет лишь для немногих людей» (263). Но и у шахтеров есть отдых и свои радости. Подземные воды разливаются; они увлекают двоих — одного из шахтеров и Лефорта. Петр бросается в бездну и спасает им жизнь. Петру во сне является гений подземного мира, чтобы показать царю все его таинства, драгоценные металлы и камни. Подземный мир раскрывает историю земли. Вулканы. Руины миров, нагроможденные друг на друга; кости древних животных. Остатки человеческих цивилизаций. Тартар — ад, созданный человеческими руками. Петр говорит: «Пусть мои великие планы на Севере осуществляются, и если я после паду вечным падением, я на это согласен». Гений в ответ пророчит, что он проживет еще шесть пятилетий (291–292).

Перейдем к фрагментам. 1. *Fragment du Chant de l'Allemagne*. Два первоначально — доброе и злое. Окружение доброго гения. Возвышенный гений искусств. Истины, воображение, гармония и мудрость. Лучшее создание — добродетель. Расположение доброго гения к Петру. Он предписывает гению искусств: «Взгляни на этого героя, который покинул свои государства. Сблаговоли просветить его сердце, сблаговоли руководить его шагами... Покажи ему все эти искусства, все эти плоды талантов... Представь перед его очами

Лондон, Париж и Рим: ты образуешь народ, образовав великого человека» (298–299). Гений летит над миром и останавливается над императорским дворцом на берегу Дуная. Царь просыпается; он желает все видеть и все знать. Прежнее варварство воинственной Германии; религиозные раздоры. Изобретение книгопечатания и пороха; Кеплер, Коперник, Тихо Браге. Военное искусство. Петр перечисляет своих внешних врагов. Евгений Савойский. Петр в качестве волонтера должен участвовать во второй битве при Гохштедте (13 августа 1704 г.), началом которой заканчивается фрагмент.

2. *Variantes du Chant de l'Allemagne*. Два бессмертных существа — доброе и злое. Дух зла с удовлетворением взирал на север: «русский, погребенный в сухих пустынях, наследник татарских лесов и нравов, тупой, с гордыней и кичающийся своим варварством» (321). Тут он замечает Петра. Он созывает своих детей, с чьей помощью терзает мир, и науськивает их на Петра. Представляет собой частичный вариант первого, но более вписан в эпическую традицию.

3. *Variantes du Chant de l'Angleterre*. Царь по пути из Голландии в Англию попадает в бурю. Он спасает жизнь Лефорту.

4. Фрагмент без заголовка. Герой обучается в школе времени; на колоннах из золота, яшмы и порфира он видит имена благодетелей человечества — жрецов, царей, законодателей. Бог показывает ему место, приготовленное для него. Никаких привязок к месту и времени нет.

5. *Variantes du Chant troisième de la France*. Прославление свободных искусств и Франции, владеющей ими. Лефорт призывает Петра не отчаиваться за Россию. И у британцев, немцев, голландцев и французов искусства созрели не сразу. Варварская мощь и свежесть могут преодолеть путь быстрее.

III. Структура и концепция

Прежде чем перейти к реконструкции авторского замысла, отметим одно бросающееся в глаза противоречие наших источников. Лионская газета сообщает о чтении VII песни эпоса; судя по воспоминаниям Дюси, это первая французская песнь. План, приведенный как предназначенный для лионской академии, говорит о четырех песнях; для седьмой в нем места нет. Правда, чтение в Лионе было не одно; но логически возможное радикальное изменение замысла за несколько месяцев до смерти представляется невозможным психологически. Либо заблуждается официальная хроника, сделанная по горячим следам, либо приведенный план не относится к Лионской академии (эти два документа противоречат друг другу

в любом случае, независимо от того, будем ли мы доверять воспоминаниям Дюси). Противоречие разрешается, если мы предположим, что документ, не имевший иного заголовка, кроме «План...», был истолкован издателем неверно, — он забыл или не знал о давнем парижском выступлении и помнил о значительно более позднем, лионском. Если мы будем рассматривать этот набросок как ранний, он соответствует показаниям Гримма (речь в них идет о четвертой песни, которая как раз и относится к Франции) и не предполагает, что песням о путешествии предшествовали какие-либо другие. Общее направление эволюции замысла заключается в его расширении: если столько места уделялось путешествию, то становилось понятно, что вергилиевского числа песней недостаточно; на смену пришло гомеровское. При этой метаморфозе, по-видимому, содержание ненаписанной части эпоса не было распределено по песням изначально и тем более — в конце; неполнота нашей реконструкции будет, таким образом, объясняться не столько скудостью источников, сколько непродуманностью самого замысла. И № 7 в этом контексте хорошо соответствует общему числу в 24, точно так же как № 4 — общему числу 12. Наши данные позволяют вычленить две стадии: с 12 песнями (назовем ее ранней) и соответственно позднюю — с 24 песнями.

Из датирующих факторов для сохранившихся песней отметим сообщение самого Тома о позднем происхождении песни о шахтах; упоминание Медного всадника в третьей французской песни имеет смысл как *vaticinium post eventum*; в противном случае само его упоминание становится непонятным. Он был воздвигнут в 1782 году; с большой вероятностью можно предположить, что она также относится к числу поздних.

Голландская песнь и первая французская содержат упоминание о некоем святом старце из Архангельска; его появление предполагает, что царь в рамках эпоса ранее бывал в Архангельске и, следовательно, что-то предшествовало зарубежному путешествию. Это несовместимо с наброском плана и позволяет отнести обе эти песни к числу поздних.

Английская песнь не содержит признаков, которые помогли бы отнести ее к тому или другому этапу. Но есть набросок, содержащий интересный мотив, — Петр спасает Лефорта из воды. То же самое он делает в песни о шахтах. Полагаем, что извлечение Лефорта из воды как — воспользуемся новомодным словечком — эпическая *повседневность* вряд ли могло входить в замыслы Тома, и потому фрагмент 3, несовместимый с песнью о шахтах, отнесем к ранней

стадии, а песнь — к поздней. Почему Тома отказался от бури? Может быть, его смутила идея устроить ее для Петра в тех же местах, где по воле Вольтера она подстерегала Генриха Наваррского? В любом случае это шаг в сторону от эпической конвенциональности, от «Одиссеи», «Энеиды» и «Фарсалии». Куда? Одно из возможных направлений — в сторону исторической достоверности (насколько о ней допустимо говорить).

Таким образом, единственной общей для раннего и позднего этапов остается вторая французская песнь, имеющая № 4 в ранней версии и с высокой долей вероятности (если считать воспоминания Дюси точными) № 8 в поздней (упомянутая № 7 — первая песнь о Франции, а в дошедшей до нас группе трудно было бы оспаривать, что они идут друг за другом).

Теперь обратимся к фрагменту № 1. Он наименее историчен из всех (хронологический сдвиг меньше, чем с Францией, но все подробности вымышлены), и он включает введение к разделу путешествий в целом, содержа упоминание Лондона, Парижа и Рима. Это заставляет нас серьезнее отнестись к Италии, упомянутой Мармонтелем. Тот ничего не пишет о Германии, и, по-видимому, Италия фигурировала в разговорах; но замысел включить ее, думается, был. Список во введении неполон (Голландия должна была бы фигурировать в нем при любых обстоятельствах), но, думаю, упоминание незначимо, а упоминание — значимо. Этот замысел неудачен: если эпос членить на три части, Италия уже не укладывается в схему, если на две — одной не хватает, да и слишком очевиден тот факт, что путешествия не должны занимать половину произведения, посвященного Петру I. Именно соображения такого порядка и заставили переменить план. А эпический зачин был оставлен на потом.

Итак, для ранней версии мы имеем следующую картину. Песнь I — Германия — фрагменты 1 и 2. Песнь 2 — Голландия (по-видимому, не написана, или написанные части полностью инкорпорированы в дошедшую до нас версию). Песнь 3 — Англия (фрагмент 3). Песнь 4 — Франция (2-я песнь о Франции). Песнь 5 — Италия (по-видимому, не написана).

Для поздней версии картина складывается следующим образом. С большей степенью надежности — наши песни о Голландии, Англии и Франции в той же последовательности имеют №№ от 5 до 9. Германия, по-видимому, предшествует им; она могла быть описана в одной или, скорее, в двух песнях (одна из них — шахты). Тогда по крайней мере две песни должны были быть посвящены внутренней российской тематике; было бы логично, чтобы одна из них была отведена успехам Петра на азовских и черноморских берегах, а вто-

рая включала встречу в Архангельске. Но ничего более конкретного о первых четырех песнях сказать нельзя, кроме того, что там рассматривалась российская и германская тематика в пропорции 3:1 или 2:2. Италия к тому времени могла исчезнуть из планов. Отметим «антиэпический» характер манеры Тома: архангельский старец, вероятно, символизирующий косную московскую Русь, желает отвлечь Петра от его начинаний (в отличие от Гектора и Меркурия у Вергилия, архангела Гавриила у Тассо и кн. Александра Тверского у Хераскова, которые приводят в движение всю эпическую механику), а Петр, вместо того чтобы рассказать гостеприимцу о роковых моментах своей жизни, как делают Эней у Вергилия, Генрих Наваррский у Вольтера и тот же Петр у Ломоносова и Менвилье, выслушивает его рассказ.

Что касается дальнейшего, то речь может идти только об эпизодах. Архангельского старца мы уже рассмотрели; добавим, что в одном случае есть непосредственная связь с сыном, в другом — нет. Вернемся к свидетельствам, которые говорят о содержании. Для эпической фантазии Тома, полагаем, было вполне приемлемо изобразить вооруженный мятеж, возглавляемый Алексеем Петровичем, и составить заговор от имени несчастной Евдокии Лопухиной. В этом случае мы имеем дело с сильной тенденцией идеализации царского образа. В том же направлении движется авторская мысль, превращая Марту Скавронскую в Клоринду. Что касается татарского князя, выскажем осторожное предположение, что речь идет о Дмитриии Кантемире. Но ничего более конкретного сказать об эпосе вне рамок путешествий не получается.

IV. Европейский контекст

Содержательные проблемы, с которыми столкнулся Тома, занимали не его одного. Опытный и мудрый М.М. Херасков считал тему Петра для эпопеи преждевременной: «Два великие Духа принимались петь Петра Великого, Г. Ломоносов и Томас; оба начали — оба не кончили»¹⁸. Он не пишет о завершённом произведении Менвилье, о существовании которого, несомненно, знал; но этот опыт по справедливости не был признан удачным [Любжин 2023]. Тома сразу же столкнулся тем, что на родине у него нашелся соперник, но это его не остановило: «Мы ожидаем Историю Царя Петра Алексеевича г. де Вольтера... и того же сюжета в эпической поэме от г. д'Арно, который трудится над ней в течение нескольких лет; он

¹⁸ *Херасков М.М.* Россияда, поэма эпическая // Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. Ч. I. М.: Ридигер, Клаудий, 1796. С. XVIII.

прав, взяв этого Императора в качестве предмета своих песней; это, может быть, первый из героев»¹⁹. «10 октября [1763 г.]. Эпическая поэма г. д'Арно о Петре I столкнулась с досадной конкуренцией: г. Тома, к несчастью для него, работает над тем же сюжетом. Нет впечатления, что современный *Иеремия* может выстоять перед лицом подобного соперника; в остальном рассудит публика»²⁰.

Чрезвычайно важное свидетельство о живом интересе к теме эпопеи о Петре I в европейских литературных кругах приводит Карло Денина, сам автор прозаической «Петреиды»: «К тому времени у меня был случай встретиться в Милане с аббатом Парини, знаменитейшим из наших поэтов той эпохи и профессором изящной словесности в столице Ломбардии... Парини сказал мне, что долго уже раздумывал над сочинением поэмы о Петре I, но что он не находил в истории этого знаменитого царя действия, которое могло бы сформировать то, что называется фабулой, и придать произведению надлежащее единство: *основание Петербурга*, добавил я. Пораженный одним этим названием, он в порыве страсти воскликнул: “Это правда, это правда; как я не подумал об этом раньше”. Десять лет спустя, приглашенный в Берлин Фридрихом II, я занимал место в его академии по классу изящной словесности. Одна из первых прочтенных мною записок затрагивала причины крайней редкости эпических поэм, снискавших успех. Приводя и рассматривая с некоторыми подробностями сюжеты, которые как из древней, так и из новой истории могли быть почерпнуты для произведения этого жанра, я заговорил и о Петре Великом. Князь Долгорукий, посланник петербургского двора при берлинском, оказал мне честь присутствовать на заседании, чтобы выслушать мою записку, и рассказал мне о русском поэте Ломоносове, который занимался этим сюжетом; мои старые собраты по академии, Формей, Мериан и Беллен, по сему случаю рассказали мне о французском беглеце, который несколько лет тому назад выпустил в свет поэму под названием “Петреада”. Г. Битобе говорил со мной о “Петреиде”, поэме, над которой долго уже трудился знаменитый Тома. Все это утверждало меня в идее, что история Петра I — сюжет, пригодный для поэтической формы и весьма подходящий для эпопеи»²¹ [Denina s. a.: 5–6].

¹⁹ L'Année Littéraire. Année M.DCC.LX. Par M. Fréron... T. III. Amsterdam, et se trouve à Paris: M. Lambert. P. 354–355.

²⁰ [Bachaumont, L.-P. de]. Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France, depuis M.DCC.LXII jusqu'à nos jours; ou Journal d'un observateur... T. I. Londres [i.e. Genève?]: J. Adamson. M.DCC.LXXXIV. P. 283.

²¹ Denina C. Notice d'un ouvrage intitulé, dans la traduction française: Pierre le Grand, par Charles Denina. S. l. et a. De l'imprimerie de Mame frères. 1810? P. 5–6.

В очерке, на который он здесь ссылается, К. Денина говорит следующее: «Я не буду решать спор, кто из двух — Петр I или Фридрих II — в большей степени великий человек; но мы вполне можем открыто сказать, что первый, не будучи более велик, был более поэтическим героем. Таким образом, целая толпа поэтов занималась им в наши дни. Я могу назвать пять, кроме москвитя Ломоносова, сочинившего две песни на сей богатый предмет. В Берлине знают, может быть, лучше, чем в других местах, “Петреаду” шевалье де Менвилье, поскольку он провел здесь некоторое время из-за путешествия в Россию, предпринятого для знакомства со страной его героя... Г. Тома... долго мучился, создавая поэму о Петре I; наконец он ее оставил, утомленный трудностями французской версификации. Этим занимались трое мне лично знакомых итальянцев, не окончив ничего, что они сочли бы достойным выйти в свет»²². [Denina 1793: 507–508].

Такой живой интерес к теме на франко-итальянской почве свидетельствует об успехе культурной политики Екатерины II, которая ввела российскую тематику в моду; однако задача создания поэтического произведения о первом герое России на языке, который позволил бы европейцам прочесть его в оригинале, в рамках существующих на тот момент жанровых конвенций оказалась слишком сложной. Тогдашние поэтические таланты с ней не справились, а впоследствии, с радикальным изменением литературных вкусов, сама она утратила актуальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Любжин А.И. Шевалье де Менвилье и его эпос «Петреада» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 2 (2023) С. 123–140.
2. Micard, E. Un écrivain académique au XVIIIe siècle. Antoine-Léonard Thomas (1732–1785). Paris: Éd. Champion. 1924.

REFERENCES

1. Lyubzhin A. I. Sheval'e de Menvil'e i ego epos «Petreada» Iz istorii poeticheskikh zakazov russkogo pravitel'stva v XVIII v. [Chevalier de Mainvilliers and his epic Poem Pétréade: from the History of poetic Orders of the Russian Government in the 18th Century]. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 123–140.

²² Denina, C. Sur la poésie épique. Premier mémoire; Second mémoire sur les différentes causes du peu de succès qu'ont eu les autres ouvrages en ce genre. Appendice des deux Mémoires précédents. Par M. l'Abbé Denina // *Mémoires de l'Académie royale des sciences et belles lettres depuis l'avènement de Frédéric Guillaume II au trône. MDCCCLXXXVIII et MDCCCLXXXIX. Avec l'histoire pour le même temps.* Berlin: George Decker, Imprimeur du Roi, MDCCXCIII. P. 507–508.

2. *Micard, E.* Un écrivain académique au XVIIIe siècle. Antoine-Léonard Thomas (1732–1785). Paris: Éd. Champion. 1924. 311 p.

Поступила в редакцию 26.11.2023
Принята к публикации 28.08.2024
Отредактирована 05.03.2025

Received 26.11.2023
Accepted 28.08.2024
Revised 05.03.2025

ОБ АВТОРЕ

Любжин Алексей Игоревич — доктор филологических наук, профессор Центра академического образования АНО ВО «РУМТ», старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории физтех-школы прикладной математики и информатики, МФТИ, Физтех; vultur@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexey Lyubzhin — Doctor of Philology, Professor of the Autonomous noncommercial organization of higher education “Russian University of Metatechnologies”, Senior Research Fellow of the Laboratory of Interdisciplinary Analysis of Society, Culture and History (iASCH), Phystech School of Applied Mathematics and Computer Science, National Research University “Moscow Institute of Physics and Technology”; vultur@mail.ru

АНГЛИЙСКАЯ АНОНИМНАЯ ПОЭМА-ВИДЕНИЕ XV В. «ОСТРОВ ДАМ»: МЕЖДУ МИФОМ И КИТЧЕМ

В.Б. Семёнов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; vadsetionov@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается поэма XV в. «Остров Дам», созданная на среднеанглийском языке и с конца XVI по середину XIX в. публиковавшаяся вместе с другими приписываемыми Дж. Чосеру сочинениями. Поэма представляет собой описание двух последовательных снов рассказчика, объединенных местом, в которое он попадает, уснув, — Островом Дам. Место представлено как эквивалент Блаженной страны, возникавшей в ирландских мифах и сагах, поскольку в утопическом мире описываемого острова нет голода, болезней и старения. Мотивы данной поэмы, связанные с центральной темой острова, рассматриваются в соотношении с мотивами как кельтского фольклора, так и произведений предшествующего этапа английской литературы (в частности, «Книги о Герцогине» Чосера и анонимной поэмы «Жемчужина»). Автор статьи освещает основные вехи истории памятника и его восприятия исследователями, а затем рассматривает архитектуру «Острова Дам» и специально уделяет внимание затекстовым рамочным элементам, особенно семистижиям, восходящим к сочинениям Чосера. Здесь описаны стиховые формы основной и рамочных частей. Вслед за этим автор исследует пространственные образы поэмы и выявляет их литературную обусловленность. Наконец, автор рассматривает одну из основных черт сюжета — стремление создателя поэмы описывать пограничные состояния персонажей — и обусловленное наличием такой черты доминирование антитезы как стилиобразующего приема. В финале статьи автор делает вывод об эклектичном смешении в поэме мотивов, жанров и форм, позволяющем охарактеризовать ее как образец китча в рамках XV века.

Ключевые слова: Остров Дам; утопия; среднеанглийский язык; средневековая поэзия; куртуазный роман; поэма-видение; аллегорическая поэма; мотив сна; китч

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-10

Для цитирования: Семёнов В.Б. Английская анонимная поэма-видение XV в. «Остров Дам»: между мифом и китчем // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 129–144.

THE ENGLISH ANONYMOUS VISION POEM OF THE 15th CENTURY *THE ISLE OF LADIES*: BETWEEN MYTH AND KITSCH

Vadim Semyonov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; vadsemionov@mail.ru

Abstract: The article deals with the poem of the 15th century *The Isle of Ladies*, created in Middle English and from the end of the 16th to the middle of the 19th century published along with other works attributed to Geoffrey Chaucer. The poem is a description of two successive dreams of the narrator, united by the place in which he falls asleep — the Isle of Ladies. The place is presented as the equivalent of the Blissful Land that arose in Irish myths and sagas, since in the utopian world of the described island there is no hunger, disease and aging. The motifs of this poem, related to the central theme of the island, are considered in relation to the motifs of both Celtic folklore and the works of the previous stage of English literature (in particular, Chaucer's *Book of the Duchess* and the anonymous poem *Pearl*). The author of the article highlights the main milestones in the history of the monument and its perception by researchers, and then examines the architectonics of *The Isle of Ladies* and pays special attention to the over-text frame elements, especially the seven-line verses dating back to Chaucer's writings. The verse forms of the main and frame parts are described here. Following this, the author explores the spatial images of the poem and reveals their literary conditionality. Finally, the author considers one of the main features of the plot — the desire of the creator of the poem to describe the borderline states of the characters, and due to the presence of such a feature, the dominance of the antithesis as a style-forming device. At the end of the article, the author makes a conclusion about the eclectic mixture of motifs, genres and forms in the poem, which makes it possible to characterize it as a model of kitsch within the framework of the 15th century.

Keywords: *The Isle of Ladies*; utopia; Middle English; Medieval poetry; courtly romance; vision poem; allegorical poem; motive of dream; kitsch

For citation: Semyonov V. (2025) The English Anonymous Vision Poem of the 15th Century *The Isle of Ladies*: Between Myth and Kitsch. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 129–144.

Удивительна судьба произведения, опубликованного в издании сочинений Джеффри Чосера 1598 г. и озаглавленного издателем Томасом Спетом так: «Чосеров Сон, никогда не печатавшийся до 1597 г. То, что до сих пор называлось его Сном, есть Книга о Герцогине, или Смерть Бланки, герцогини Ланкастерской». Этот момент следует считать началом того, что Кэтлин Фorni назвала «кошмаром библиографа» (см. хронологическую схему заглавий, прилагаемую к ее работе [Forni 2001: 150]).

Анника Фарбер указывала на то, что анонимную поэму-видение и раннюю поэму Чосера исследователи обычно рассматривают отдельно, в то время как следовало бы учитывать, что для издателей и читателей прошлого между их текстами могла существовать связь [Farber 2008: 207–208]. Возможно, не связь, а параллель стоит увидеть в том, что вторая поэма, попав в рукописи веком ранее, породила для чосероведения отдельный «библиографический кошмар». В трех сохранившихся ее манускриптах XIV в. из оксфордской библиотеки Бодли она обозначена по-разному: в *Fairfax 16* и *Bodley 638* — заглавие «Книга о Герцогине», а в *Tanner 346* заголовок иной — тот самый «Чосеров Сон». Пусть заголовки формально отличаются, они равно имеют отношение к сюжетному материалу поэмы Чосера.

А вот анонимной поэме не повезло. Она сохранилась в двух рукописях: *Bath, Longleat House, Marquess of Bath MS 256* (сер. XVI в.) и *London, British Library, MS Additional 10303* (2-я половина XVI в.). И в обеих ей даны посторонние заглавия. В *Longleat 256* — *The Temple of Glasse, Compiled by Geoffrey Chaucer* («Стеклянный храм, сложенный Джеффри Чосером»). Двойная ошибка: *The Temple of Glass* в 1-й четверти XV в. сочинил Джон Лидгейт, а Чосер к обоим произведениям не мог иметь отношения, за исключением того, что Лидгейт входил в число «чосерианцев» и любил использовать как формы стиха известного предшественника, так и некоторые лейтмотивы его творчества, в частности мотив сновиденья, на котором «Стеклянный храм» и зиждется. Но это ошибка не писца, записавшего текст поэмы: заглавие вписано позднее чужой рукой (хотя настоящий текст «Стеклянного храма» находится в рукописи *Longleat 258*). А в рукописи *Add. 10303* ошибка не менее чудовищная, также указывающая на авторство Чосера: «Смерть Бланки, графини Ланкастерской, первой жены Джона Гонга, четвертого сына Эдварда III, написанная прославленным английским поэтом Джеффри Чосером, эсквайром».

Поэма, притянувшая к себе чужие авторство и заглавия, имела точки схождения с указанными сочинениями: с опусом Лидгейта ее роднил мотив стекла (речь идет о событиях, развернувшихся на острове со стеклянными стенами), а с ранним шедевром Чосера — мотив смерти дамы (правда, у анонимного «чосерианца» королева острова и все ее умершие компаньонки благополучно воскресают), наконец, с обоими произведениями — композиционный мотив сна-рамки, управляющего фантастические видения рассказчика (Чосер перенял его из континентальной литературы и сделал яркой приметой своего повествования во многих сочинениях больших форм).

В упомянутах 1598 г. лондонские книгочеи, сбитые с толку этими ошибками в манускриптах, пополнили ряды заблуждающихся.

Френсис Тинн, сын первого издателя сочинений Чосера Уильяма Тинна, в книге *Animadversions* настаивал, что настоящее заглавие анонимной поэмы — это *Temple of Glasse*¹. А Спет вышеприведенный заголовок «Чосеров Сон...» объяснял так: «Этот сон, придуманный Чосером, кажется тайным сообщением о бракосочетании Джона Гонта, сына короля, с Бланкой, дочерью Генри, герцога Ланкастерского, которые после долгой любви (в то время, когда поэт притворяется, что они умерли) наконец с согласия друзей поженились счастливо: <это бракосочетание показано — В.С.> в образе Птицы, несущей в своем клюве траву, которая снова вернула их к жизни. Здесь также показана женитьба Чосера на некоей дворянке, которая, хотя и была незнакомкой, тем не менее, так любила леди Бланку и ее лорда и была ими любима, как и сам Чосер, что они с радостью заключили между собой брак»². Объяснение, разумеется, легитимизовало связь анонимной поэмы с «Книгой о Герцогине»: если там — о смерти, то здесь — о счастливом браке, значит, возможно добавить анонимный «Чосеров Сон» к канону великого поэта.

Только в 1860-х гг. «библиографический кошмар» завершился благодаря тому, что известный чосеровед Г. Брэдшоу, изучив историю вопроса о заглавии, предложил для анонимного текста новое — *The Isle of Ladies* («Остров Дам»). Это заглавие позднее нашел удобным и поддержал У. Скит, исследовавший язык и особенно рифмы анонимного памятника и заключивший, что он датируется временем значительно позднее Чосера, что Лидгейт также не был его автором и что лингвистические данные свидетельствуют о том, что автор «Острова Дам» был носителем диалекта северных окраин английского Мидленда [Skeat 1900: 137–138].

А в XX в., начиная с берлинского издания поэмы 1903 г., подготовленного Дж. Шерцер, текст публикуется под этим новым заглавием. Встречаем его и в трех последних изданиях конца века — под редакцией Э. Дженкинса (1980), В. Дэли (1987) и Д. Пирсолла (1990; далее оригинальный текст поэмы мы будем цитировать по этому изданию). Но странности в судьбе поэмы не были исчерпаны. Теперь они касаются исследований, коих рекордно малое число. К середине 1990-х гг., по наблюдению М. Маркуса, появилось менее дюжины научных статей о поэме, да одна неопубликованная диссертация [Markus 1998: 221]. И это за все века существования литературного

¹ *Thynne F.* Animadversions upon the Annotations and Corrections of Some Imperfections of Impressions of Chaucer's Workes (sett Downe Before Tyme, and Nowe). Reprinted in the Yere of Our Lorde 1598. London, 1875. P. 30.

² *Speght T.* The Workes of our Ancient and learned English Poet, Geffrey Chaucer. London, 1598. P. 592.

памятника. И сегодня ситуация практически не изменилась: к малому числу добавились несколько работ, среди которых и те, чья проблематика ближе не к литературе, а к современной социальной «повестке» [Johnstone 2019].

Между тем, недооцененный «Остров Дам» — произведение весьма интересное как объект для многостороннего изучения. Поэтому нашей целью будет дать описание как основным особенностям *поэтики*, так и важнейшим мотивам *топики* этого сочинения, основной объем которого, без рамочных элементов, — 2208 стихов.

Особенности архитектоники, стиховых форм и языка

Как указано выше, объем основного (нерасчлененного) текста — 2208 стихов. Далее за традиционным обозначением финала (“*Explicit*”) следуют еще 27 стихов (итого, общая сумма строк — 2235). Во-первых, это шестистишие из тех же попарно срифмованных строк, из которых состоит основной текст. Разница лишь в том, что основной текст написан тем местами напоминаящим 4-стопный ямб размером, который английская критика именуется *четырёхударным стихом*, а это шестистишие написано *пятиударным*. Во-вторых, за этим одиночным шестистишием следуют три унифицированных семистишия в форме *rhyme royal* (с рифмовкой АВАВСС). Следует помнить, что само название формы связано с тем, что последователем Чосера в начале XV в. оказался шотландский король Яков I как автор поэмы *The Kingis Quair* («Королевская Книга»), который, впрочем, называл эту форму “*Troilus verse*” («Троилов стих») в память о чосеровой поэме «Троил и Крессида», из которой он ее заимствовал. А Чосер заимствовал это семистишие как наименее распространенную форму строфы, встречающуюся во французской *простой балладе*, — и популяризовал для английской поэзии [Семёнов 2003: 297].

В XIV–XV вв. английские поэты строфой *rhyme royal* пользовались в больших и малых формах. Но здесь она напоминает именно о простой балладе, которая обычно была трехстрофной. Как правило, баллада замыкалась *посылкой* (“*envoy*”), но здесь посылкой служат и три семистишия, и предваряющая их одиночная строфа: все эти строфы — жалобное обращение к даме, но три семистишия прячут обращение к ней за обращением поэта к собственному сердцу. Интересно, что четыре строфы формальными признаками и объединены, и разъединены. Например, три семистишия, как и положено в балладах, последовательно воспроизводят финальный рефрен (здесь он примечателен тем, что захватывает не только последнюю строку каждой строфы, но и окончание предшествующего

стиха: “...looks softe / Geve the blisse that thou desyers ofte” ‘мягкие взгляды дарят блаженство, которое ты так часто желаешь’). Шестистишие с ними рефреном не связано, но заканчивается упоминанием о том способном исцелить или убить взгляде дамы, который далее упомянут в приведенном рефрене. Следует обратить внимание на последовательность рифм в семистишиях. У Чосера обычно в каждой следующей из подобных строф рифмы из строфы в строфу не переносились. Здесь же рифмовки строф меняются иначе, а именно постепенно: АВАВСС-ДВДВСС-ЕФЕФСС. Рифма В (с концевым созвучием –*aunce*) исчезает только в последней строфе, словно единая форма этой баллады-посылки медленно на глазах читателя освобождается от фиксированных правил, характерных для французских баллад.

Заметим и то, что при rhyme royal синтаксические тяготения, свойственные индивидуальному языку стихотворцев, сказываются на возможностях деления строфы на две (АВАВ | ВСС) или три (АВА | ВВ | СС) составные части. Синтаксис Чосера тяготеет к первому варианту внутреннего деления строфы, такое же тяготение имеет и синтаксис нашего неизвестного автора, если судить по второму и третьему семистишиям. В первой из этих строф вообще членения нет, потому что для автора поэмы свойственны тяжеловесные, многочастные, коротко сказать, «книжные» конструкции. Так дело обстоит в балладе-посылке, но таков синтаксис и многих фрагментов основной части. И это притом, что сам аноним упоминает о «простом английском» языке поэмы несколько раз: стих 59 — рассказчик кокетливо сообщает, что всё изложит “*in playne Englishe*”, притом “*evil writton*” (‘плохо записанном’); стих 1242 — дама рассказчика обратилась к нему “*in playne Englishe*”; наконец, стих 1452 — рыцарь-принц рассказывает подданным о своем путешествии всё так же “*in playne Englishe*”. Кажется, что именно синтаксис подводит поэта, желающего изъясняться с читателями на «простом английском». При *непростом* синтаксисе достаточно *простой* оказывается лексика памятника. В целом текст построен на частых повторениях ключевых слов — таких, как *боль* и *удовольствие*, *печаль* и *радость*, *услужение* и *подчинение*, *исцеление* и *умирание/умерщвление* (и ключевые слова с подозрительной регулярностью оказываются в ключевых позициях — в позициях *рифм*). Маркус отметил, что в послынке сосредоточены те же ключевые слова, которые свойственны основному тексту: *grace, hele, marter, plesaunce, obeysaunce, seruis, blisse* [Markus 1998: 226–227]. Это, конечно, мешает сомневаться в том, что четыре затекстовые строфы посылки были написаны каким-то другим стихотворцем.

Осталось упомянуть следующее: в рукописи *Longleat 256* под посылкой обозначено: “Finis”. Но кто-то перечеркнул слово и заключил текст поэмы двустихием: “*Ye that this balade rede shall / I pray you kepe you from the fall*” («Ты, кто прочитает эту балладу, молюсь о том, чтобы ты удержался от падения»). А затем подписал: “*FINIS QUOD CHAUCER*” («Конец <тому>, что <написал> Чосер») — и, очевидно, стал первым, кто спровоцировал будущий «библиографический кошмар», связанный с этой поэмой. Поздние источники это дописанное двустихие повторяли. «Дополнителя» можно понять: он разглядел в сюжете то, что ему показалось чосеровскими мотивами, а в затекстовом рамочном пространстве обнаружил балладу, подобную тем, которые писал Чосер, да еще и написанную характерными для того строфами, — и лишь оформил свои впечатления в виде ложной атрибуции.

Пространство в поэме, литературность его форм

Мы не будем касаться всех пространственных образов, отметим лишь наиболее значимые: места засыпания/просыпания рассказчика и наполненный символикой пейзаж Острова Дам.

Если в «Книге о Герцогине» рассказчик, не спавший восемь лет, засыпал в результате чтения Овидия и пробуждался в конце сюжета, если в анонимной поэме «Жемчужина» рассказчик засыпал в годовщину смерти маленькой дочери, обессиленный переживаниями, на ее могиле, а далее видел сон-внутри-сна об Иерусалиме небесном и просыпался с верой, которая стала тверже, то рассказчик «Острова Дам» засыпает просто, *недраматически*. У него тоже два сна, но не в виде сна-внутри-сна, а хронологически последовательных. Второй раз он засыпает обессиленным, словно утомлен первым сном. И оба пробуждения связаны с недостижимостью его дамы, его невозможностью быть с ней — как прямой, так и метафорической. Интересны два факта: с одной стороны, в поэме есть три пространственных образа, связанных со сном рассказчика (тот всякий раз почему-то просыпается в новом месте); с другой стороны, все три представленных места несут на себе печать влияния Чосера, прежде всего — знакомства автора с «Книгой о Герцогине».

В начале поэмы герой засыпает “*In a lodge out of the waye, / Beside a well in a foreste*” («В охотничьем домике в глуши, у родника в лесу», ст. 18–19), притом в месяце мае. Сезонные приметы, связанные с маем, пришли к Чосеру из континентальной куртуазной литературы (лэ, рыцарских романов и лирики трубадуров вместе со стоящими за нею народными майскими песнями), и его рассказчик в указанном сочинении, попав в сон, оказался в майском пейзаже,

к тому же первым, что он увидел, покинув помещение, была псовая охота.

В середине поэмы герой просыпается и вновь погружается в сон в ином интерьере, по-видимому, в городском жилище, — “...*in a chaumbre painte / Full of storyes old and diverse*” («...в комнате, разукрашенной сценами из разных старинных историй», ст. 1324–1325). Это, в свою очередь, напоминает о жилище, в котором очутился во сне герой Чосера: оно было изукрашено текстом «Романа о Розе» и имело витражные окна, на которых были изображены многие герои сказаний о Трое. Рассказчик «Острова Дам», подобно рассказчику «Книги о Герцогине», попал в олитературенное пространство. Упоминание о «старинных историях» могло бы относиться не только к рыцарским романам или аллегорическим поэмам, но и к самой поэме Чосера.

Наконец, в стихах 2172–2176 описана комната второго пробуждения, некое среднее арифметическое двух вышеназванных локаций, объединяющее тему охоты с темой картин: “*Save one the walles old portrature / Of horsemen, hawkes and houndes, / And hurte deare full of woundes, / Some lyke bytton, some hurtte with shott, / And, as my dreme, semed that was not*” («Хранили стены одно изображенье: лошадей, соколов и псов, и загнанного оленя, всего израненного, с одними ранами от укусов и другими от попавших стрел; и, подобно моему сну, это был лишь мираж»). Особенно примечателен последний стих, ведь рассказчик должен был вернуться из сна в реальность, но и реальность оказывается сном. Если судить только об *интерьерах*, можно резюмировать, что в «Острове Дам» они более заметно семантизированы, чем интерьеры ранней поэмы Чосера. Изображение охоты на оленя — чистая аллегория израненного безответным чувством влюбленного. Это чувство, как и миражность изображаемого, связывает два плана — сна и бодрствования. Поэтому в плане реальности за упоминанием рассказчиком данной картины следуют его жалобы-мольбы в адрес любимой дамы, которых было много и в пространстве сна.

Еще большей степенью семантизации — доведенной почти до эмблематизации — отличается совокупность деталей *пейзажа* Острова Дам. Поскольку большая часть событий разворачивается здесь, поскольку Остров — узловая точка, от которой и к которой совершают перемещения разные персонажи (королева, ее рыцарь, его подданные, дама героя), этот пейзаж главенствует среди пространственных форм произведения. Это пейзаж сна, стало быть, пейзаж воображения (стихи 71–85 оригинала; мой поэтический перевод здесь и далее — В.С.):

Withein an ylle me thowght I was
 Where wall and yate was all of glasse,
 And so was closed rounde abowte
 That leveles non come in ne owt:
 Uncothe and straunge to beholde.
 For every yate of fine golde
 A thousannd fannes ay turninge
 Entuned had, and birdes singinge
 Diverse, and on eche fanne a payer
 Withe open mouthe agayne th' ayer.
 And of a suite were all the towers
 Sotilly carven after flowers
 Of uncothe colours, duringe aye,
 That never been none sene in May,
 Withe many a smale turret highe.

Попал на остров я неожиданно,
 Что окружен стеной стеклянной.
 Надежно было ограждение,
 Чтоб не могли без разрешенья
 Попасть извне, сбежать вовне.
 Из злата двери в той стене,
 Над каждой мельнички с крылами,
 Цветов как будто лепестками,
 Над каждой мельничкою птица
 Поющим флюгером крутится.
 В форме цветков резные башни
 Турели там возносят важно,
 И каждая такого цвета,
 Который и в преддверье лета
 Не встретишь в самом ярком Мае.

Здесь фантастическое связано с воплощенным апофеозом *ремесленного мастерства*: его выражают изысканные навешенные ворот в виде миниатюрных мельниц, вращающих лепесткообразные крылья, и установленные по одной на каждую мельницу фигурки птиц (каждая раскрытым клювом к ветру, поэтому «поющая»). И всё искусственное, что имеет красивую форму цветов, замещает цветы настоящие. Для подчеркивания искусственности цветов и птиц как деталей такого пейзажа в поэму введено описание флотилии Бога Любви, воплощающее апофеоз *естественности* (стихи 707–718):

For ther wer sayles full of flowers,
 Aftercastelles withe huge towers,
 Seminge full of armes bright,
 That wonder lusty was the syght,
 Withe large toppes and mastes longe,
 Richelye depainte; and ever amonge,
 At certen tymes, con repayer
 Smale burdes downe from the eyor,
 And on the shippes bordes abowte
 Sate, and songe withe voice full owt
 Ballades and leyes, right joyouslye,
 As they couthe in ther armonye;

Цветами паруса увиты,
 И во все стороны сердито
 Возносят башни кормовые
 Свои орудья боевые,
 И — вот картина, что услада
 Для глаз! — с украшенных богато
 Широких марсов мачт на ют
 Слетают птички и поют,
 На корабельный борт присев,
 И гармоничен их напев.
 Лэ исполняют и баллады —
 И это также для услады.

Да и сам Бог Любви показан как “*mightye lord, all in flowers*” («могучий лорд, весь покрытый цветами», ст. 988). Живые цветы противопоставлены неживым объектам, пусть и в форме цветов, украшающим Остров Дам, как щебечущие живые птицы — механическим копиям, издающим звуки “*entuned*” (‘в унисон’). Два приведенных

выше образа воплощают *аллегория противостояния искусственных женских представлений о чести естественным мужским желаниям*.

В целом аллегоризм повествования оказывается не в силах скрыть пробивающийся сквозь него фрейдистский подтекст. Тщетные усилия искусственного поддержания чести символизирует стеклянная стена, опоясавшая остров по береговой линии. Она также наделяет его функцией фантастической локации. И здесь легко можно заметить связь с легендарно-мифологическими мотивами, имевшими хождение на Британских островах, прежде всего в Ирландии. Так, о стеклянной постройке сообщает сюжет «Заселение Немеда» из «Книги захватов Ирландии»: фомор Конанд воздвиг на маленьком острове Тори (ирл. *Thoraigh*, англ. *Tory*), что у северо-западной оконечности Ирландии, башню из стекла, *Tor Conaind*, которая стала оплотом племени фоморов в Ирландии. Она же ассоциировалась в местных легендах со стеклянной башней великана Балора Злого Глаза [Leviton 2006: 237].

В «Плавании Брана, сына Фебала» эквивалентом острова со стеклянной стеной выступает остров «на ногах из белой бронзы, блистающих до конца времен», «блистающий камень» [Смирнов 1933: 238–240]. Это блаженная Страна Женщин с многотысячным населением, живущим, как и в сюжете «Острова Дам», без старения и болезней. Над островной страной птицы песнями отмечают каждый час, сидя на вечноцветущем дереве, и вся земля усеяна цветами. Очевидно, фольклорный образ Женской Страны раздвоился в поэме на образы Острова Дам и одинокой скалы с волшебной яблоней (кстати, в саге упомянута и яблочная ветвь необычного дерева). Сойти на остров Женской Страны просто так, без волшебной помощи местной королевы, нельзя. По-видимому, стеклянная стена, делающая произвольное попадание внутрь мира Острова Дам невозможным, придумана автором поэмы неслучайно.

Наконец, близкие мотивы можно обнаружить в другой фантастической саге — в «Исчезновении Кондлы Прекрасного, сына Конда ста битв». Здесь мотив стекла связан не с изображением Блаженной страны, но с волшебной ладьей, позволяющей ее достичь. Там обитают «одни женщины и девушки», там «царит король победоносный» (в поэме он, по-видимому, превратился в Бога Любви), а также нет старения и страданий [Смирнов 1933: 230–232]. Женщина, звавшая Кондлу плыть в эту страну, подарила ему чудесное насыщающее яблоко. В валлийском фольклоре и позднее в континентальных рыцарских романах эта связь яблок с волшебной страной отразилась в образе Аваллона, острова из цикла сюжетов о короле Артуре. А связь яблок с женской фигурой напоминала о библейской

Еве (в «Острове Дам» и рассказчик, и страдающий рыцарь получают по чудесному яблоку от своих возлюбленных).

Упомянем еще об одном пространственном образе, точнее о его символической детали: ближе к финалу в церкви, в которой установлен катафалк с телом умершей королевы Острова Дам, погибает необычная птичка, поранившись об «окно, богато украшенное житиями многих разных святых» (ст. 1849–1850). Не только гибель и воскрешение птички другими птицами (а затем и королевы аббатисой), но и витражный сюжет напоминают о лэ «Элидюк» Марии Французской: там также умершая ласка была воскрешена другой лаской, а затем подобным образом была воскрешена принцесса Гильядун. Кроме того, все основные персонажи лэ в финале предпочли служение Богу и ушли от мирской жизни.

Уже на основании знакомства с пространственными формами поэмы можно заключить, что автор «Острова Дам» эклектически соединяет в сюжете всевозможные мотивы как островного фольклора, так и разножанровых произведений западноевропейской литературы.

Пограничные состояния персонажей и антитезы в описаниях

Одной из наиболее ярких черт произведения, связанных с его *топикой*, смысловым полем, является регулярно реализуемое стремление автора к описанию пограничных физических и психических состояний его персонажей. В начале сюжета рассказчик вступает в область видений, еще не заснув, и это усиленно подчеркивает автор (здесь и далее в цитатах выделено мной — В.С.): ст. 22–24 — “*That halfe on slepe that me browght / And gan to dreme, to my thinkinge, / With minde of knowledge leke wakinge*” («впал в полусон и, кажется, начал дремать с таким состоянием ума, как при бодрствовании»); ст. 53 — “*Not all wakyng ne full on slepe*” («Не полностью бодрствуя и не будучи полностью погруженным в сон»). Такая содержательная черта прямо влияет на манеру автора описывать, насыщая последнюю антитезами: ст. 31–35 — “*But wether it were I woke or slept, / Well wot I oft I laught and wepte. / Wherefor I woll in remembraunce / Put hole the paine and the pleasaunce / Whiche was to me axes and heale*” («Но бодрствовал ли я или спал, могу сказать наверняка, что я часто смеялся и плакал, и постараюсь изложить на бумаге всю боль и радость, которые были для меня как лихорадка и исцеление»). Очнувшись от первого сна, рассказчик желает “*...to have in remembraunce / Bothe the paine and the pleasaunce*” («иметь возможность помнить боль и удовольствие») — ст. 1337–1338. После смерти рыцаря-принца его придворные клянутся “*turne all joye into penaunces*” («не иметь иной

радости, кроме покаяния») — ст. 1778. Таких примеров в поэме достаточно.

Подобная манера описаний особенно обращает на себя внимание в сцене разговора рыцаря, очнувшегося после обморока, и королевы. Желая показать пограничное состояние между жизнью и смертью страдающего от безответной любви персонажа, автор решает отразить ее в его голосовых жестах, но так продолжительно играет с антитезой *воплы/бормотание*, что весь эпизод приобретает едва ли не комический характер (ст. 587–641): «Поначалу он не издавал *ни звука*, но затем *дважды быстро выкрикнул*: “Пощади!” — и возникла жалость при звуках его голоса и вида того, в какой агонии он пребывал, а та ни в коей мере не была притворной, это было видно по его лицу и по глазам. Он бросил взгляд на королеву, *издал взрывной вздох*, а затем *вскрикнул* так, что было удивительно наблюдать. Никогда еще с тех пор, как боль впервые получила свое имя, не было слышно такого *мучительного крика печали*. Потом *голосом умирающего* он начал *бормотать про себя*: <Далее следует неожиданно длинный для умирающего оратора монолог, который мы здесь опускаем. — В.С.> И после этих слов он дважды или трижды *возопил*: “А теперь смерть, смерть!” — а затем *промямлил* что-то бессвязное». Эта непредугадываемая последовательность речевых жестов скорее подошла бы сумасшедшему, чем умирающему. С другой стороны, маргинализация состояний героев оживила их монологи, мотивировала автопсихологизм последних. Персонажи произносят их *в момент переживания*, и мысли их рождаются на наших глазах, поэтому антитетические конструкции суть знак «реалистичности» речи.

Попутно заметим, что в сюжете мужчины (кроме Бога Любви) истерически кричат, стенают, бросаются на колени, падают в обморок, теряют дар речи. Всего этого слишком много — и это подается рядом с указанием на их, мужчин, рыцарский статус. Куртуазностью здесь замещена естественная брутальность воинов. Конечно, существует распространенное мнение, согласно которому охи, вздохи и обмороки героев рыцарских романов символизировали их умение глубоко чувствовать, что было важно при любовной тематике отдельных произведений. Однако в данном романном сюжете куртуазность доведена до такой приторности, что сочинение приобретает вид *образца китча*, пусть и родом из XV в.

Хуже то, что антитеза как основной движущий прием композиции поэмы выведена и на уровень смены сюжетных ситуаций и действий персонажей. Последние нередко предпринимают действия *немотивированные*, иногда поступают «от противного». Так, рассказчик, едва попав на остров, обрадовался, что он единственный

мужчина среди всех местных женщин, — и очень скоро на острове окажется и приплывший с королевой рыцарь, а дальше больше: появится целая флотилия из 10 000 кораблей, и всё одни мужчины. Когда рассказчик впервые попадает на остров, к нему приближается единственная из всех пожилая дама и объясняет: местные традиции таковы, что мужчинам запрещено здесь находиться, поэтому рассказчику следовало бы убыть. Но так как все дела тут вершит королева, а она отсутствует, необходимо дожидаться ее и ее решения. Отсутствующая королева тут же появляется в сюжете, а должествующий покинуть остров рассказчик, сообразно логике «от противного», остается на острове. Далее: на острове-скале влюбленный рыцарь без лишних рассуждений хватает королеву и несет ее на свой корабль. Правда, тотчас успевает устыдиться злонамеренности и некуртуазности своего поступка — и занимает место на старте страданий и покаяний. Кстати, к одинокой скале он прибыл на своем корабле, а королеву он нес также на собственный корабль — но по неизвестной причине эти двое отбывают к Острову Дам на корабле дамы рассказчика. А где же корабль рыцаря? Нет упоминаний. А ведь в начале второго сна рассказчика рыцарю еще предстоит на каком-то корабле уплыть в свое королевство... Явные нестыковки.

Или вот: Бог Любви легко обошелся с дамой рассказчика, не ранил ее из лука, лишь ласково пожурил за отсутствие сострадания к влюбленному в нее — и она, кажется, вместе со всеми согласилась неукоснительно исполнять требования нового властителя острова. Как только это произошло и жизнь на Острове Дам успокоилась, дама рассказчика неожиданно вспоминает о своей неумной страсти к путешествиям и посещениям неизвестных стран. Она так спешит погрузиться на корабль и отбыть в очередной вояж, что забывает на берегу того, на чью любовь обязалась Богу Любви отвечать взаимностью. Несчастный влюбленный рассказчик бросается в волны и бежит в воде в сторону отплывающего судна. Не дама, а матросы спасают полумертвого от напряжения рассказчика. И тут выясняется, что дама собралась не к новым берегам, а к себе домой. От такого непрогнозируемого сюжетного поворота даже рассказчик проснулся... Или автор на середине сюжета неожиданно осознал, что не понимает, в какую сторону направить повествование. И выплеснул в текст вторую серию сновидений.

Наконец, не забудем о том, что антитезы распространились и на некоторые константы в характерах персонажей, отчего эти характеры не стали более выпуклыми, оригинальными. Напротив, антитезы придали им клишированности. Например, это касается внутренних свойств, приписанных мужчинам (возможно, за исключением рассказчика): мужчины в мире этой поэмы смотрят

на женщин то как на недостижимое божество, то как на безответную вещь, способную быть ими присвоенной по прихоти их похоти. Возможно, это клише — недостаток поэмы, но подобная амбивалентность мужских образов вместе с тем и яркая ее черта. Такого же рода еще одно клише, которое, по-видимому, было незаметно его создателю, автору поэмы. Герои говорят о чувствах, их истинности и глубине, — но всякие отношения они оформляют едва ли не нотариально, документируют. Феодално-бюрократическая тема пышно цветет на Острове Дам. Яркий пример: Бог Любви, захвативший остров, должен дать локальному сообществу свои заповеди, но в его присутствии перед ними выступает “*a counseler*” ‘советник’, который на *формульном языке власти* доносит до собравшихся требования полного подчинения и повиновения слову господина. И впечатление от его слов такое, будто они “*insealed*” ‘скреплены печатью’ и “*ap-preved*” ‘официально утверждены’ (ст. 1016–1017). Передача власти от королевы к Богу Любви и вассальная присяга осуществляется на основе поданного королевой “*a byll*” ‘прошения’ (ст. 920). А в начале второго сна рассказчик видит влюбленную пару — королеву и рыцаря, — договаривающуюся о бракосочетании так, будто речь идет о торговой сделке, т. е. с использованием актуальных для XV в. юридических терминов: ст. 1367–1368 — “*This was concluded, writton, and sealed / That yt might not be repeled*” («Это было рассмотрено, записано и скреплено печатью таким образом, чтобы не могло быть опротестовано <в ходе судебного процесса>»).

Выводы

В этом странном анонимном сочинении, примагничивавшем чужие заглавия и получавшем ложные атрибуты, хаотически объединяются черты разных жанров (поэма-видение, поэма-путешествие, утопия, описывающая волшебную страну, куртуазный любовный роман, аллегорический роман, и т. д.), смысловые мотивы и формы из разных источников (мифов и легенд островных кельтов, «бретонских» лэ Марии Французской, аллегорического «Романа о Розе», провансальских любовных кансу и французских баллад, «Книги о Граде Женском» Кристины Пизанской и «Книги о Герцогине» и других сочинений Джеффри Чосера). Эkleктика поэмы, местами очень заметная, побудила Манфреда Маркуса заключить, что литература XV в. часто сознательно абсорбировала традиционный материал (к которому, очевидно, относятся и темы, и сюжетные ходы, и формы), но не бесцельно, а для самоценной литературной игры, для любования заимствованным, как это было и есть в пост-модернизме [Markus 1998: 224].

На наш взгляд, сравнение данной позднесредневековой поэмы с постмодернистским опусом имеет право на существование, однако понуждает вспомнить не об игре формами, не о постмодернистской иронии, а именно об *эkleктическом* смешении всего. Но хаос этой поэмы отличается от постмодернистского пародийного хаоса. Стандартный постмодернистский опус заведомо лишен идейно-тематического стержня, организующего иерархическую структуру. А в этой поэме такой стержень есть: неувязки в сюжете могут быть в мелочах, но за всеми сюжетными тупиками и магистралями виднеется цель маршрута рассказчика — сложить «высокую» аллгорию любви, которая бы поведала о неутоленном сексуальном влечении, изводящей «низкой» страсти. В поэме излишне часто персонажи говорят о “*grace*” ‘благодати’, чтобы можно было начать подозревать, что это слово (кстати, им заканчивается основной текст) подано в том же значении *эротического эвфемизма*, которое в лирике трубадуров имели слова “*plus*” и “*sobreplus*”, а в сочинениях Кретьена де Труа и Марии Французской — “*surplus*” [Долгорукова, Любавина 2022: 74–79].

Поэтому, если бы перед нами стояла задача сверхкратко охарактеризовать поэму, рассмотренную здесь в первом приближении, результаты знакомства с ней можно было бы свести к следующей формуле: это пространное стихотворное сочинение, в котором за мужскими куртуазными призывами к дамам *явить благодать* скрываются некуртуазные сексуальные потребности, за транслируемыми женскими опасениями насчет *чести* — желание свободы и приватности, а за красивым псевдочосеровским порталом сооружения, выстраиваемого анонимным автором, — литературный чулан смыслов и форм, нужных и не очень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долгорукова Н.М., Любавина А.А. Семантика и коннотации слова “surplus” во французской и провансальской литературах XII в. // *Studia Litterarum*. Т. 7. № 1. 2022. С. 70–87.
2. Семёнов В.Б. Формы французской баллады в кругу строфических форм европейской поэзии XIV–XVI вв. // *Сравнительное литературоведение: теоретический и исторический аспекты*. М., 2003. С. 295–302.
3. Смирнов А.А. (ред. и пер.) Ирландские саги. М.; Л., 1933.
4. Farber A. Usurping “Chaucers Dreame”: “Book of the Duchess” and the Apocryphal “Isle of Ladies” // *Studies in Philology*. Vol. 105. № 2. 2008. P. 207–225.
5. Forni K. “Chaucer’s Dreame”: A Bibliographer’s Nightmare // *Huntington Library Quarterly*. Vol. 64, № 1/2. 2001. P. 139–150.
6. Johnstone B. ‘Far semed her hart from obeysaunce’: Strategies of Resistance in “The Isle of Ladies” // *Studies in the Age of Chaucer*. Vol. 41. 2019. P. 301–324.
7. Leviton R. *The Gods in Their Cities*. Lincoln, 2006.

8. Markus M. "The Isle of Ladies" (1475) as Satire // *Studies in Philology*. Vol. 95. № 3. 1998. Pp. 221–236.
9. Pearsall D.A. (ed.) *The Floure and the Leafe; The Assembly of Ladies; The Isle of Ladies*. Kalamazoo, 1990. P. 63–140.
10. Skeat W.W. *The Chaucer Canon*. Oxford, 1900.

REFERENCES

1. Dolgorukova N.M., Liubavina A.A. (2022) Semantika i konnotatsii slova "surplus" vo frantsuzskoi i provansal'skoi literaturakh XII v. [Semantic and Connotations of the Word 'Surplus' in French and Provençal Literature of the 12th Century]. *Studia Litterarum*, Vol. 7, No. 1, pp. 70–87. (In Russ.)
2. Semenov V.B. (2003) Formy frantsuzskoi ballady v krugu stroficheskikh form evropeiskoi poezii XIV-XVI vv. [Forms of the French Ballad in the Range of Stanzaic Forms of European Poetry of the XIV-XVI Centuries]. *Comparative literature: theoretical and historical aspects*. Moscow, MSU Publ. (In Russ.)
3. Smirnov A.A. (1933) *Irlandskie sagi* [Irish Sagas]. Moscow & Leningrad, *Academia Publ.* (In Russ.)
4. Farber A. (2008) Usurping "Chaucers Dreame": "Book of the Duchess" and the Apocryphal "Isle of Ladies". *Studies in Philology*, Vol. 105, no. 2, pp. 207–225.
5. Forni K. (2001) "Chaucer's Dreame": A Bibliographer's Nightmare. *Huntington Library Quarterly*, Vol. 64, no. 1/2, pp. 139–150.
6. Johnstone B. (2019) 'Far semed her hart from obeysaunce': Strategies of Resistance in "The Isle of Ladies". *Studies in the Age of Chaucer*, Vol. 41, pp. 301–324.
7. Leviton R. (2006) *The Gods in Their Cities*. Lincoln, *iUniverse*.
8. Markus M. (1998) "The Isle of Ladies" (1475) as Satire. *Studies in Philology*, Vol. 95, No. 3, pp. 221–236.
9. Pearsall D.A. (ed.) (1990) *The Floure and the Leafe; The Assembly of Ladies; The Isle of Ladies*. Kalamazoo, *Western Michigan University Press*. P. 63–140.
10. Skeat W.W. (1900) *The Chaucer Canon*. Oxford, *The Clarendon Press*.

Поступила в редакцию 26.07.2023

Принята к публикации 28.08.2024

Отредактирована 06.03.2025

Received 26.07.2023

Accepted 28.08.2024

Revised 06.03.2025

ОБ АВТОРЕ

Семёнов Вадим Борисович — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; vadsemionov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vadim Semyonov — PhD, Associate Professor, Department of Theory of Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; vadsemionov@mail.ru

ОБРАЗНО-КОМПОЗИЦИОННАЯ СТРУКТУРА КРЫМСКОТАТАРСКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ ПЕЧАЛЬНОЙ ЛЮБВИ

О.Н. Гуменюк

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Симферополь, Крым; olvity21@gmail.com*

Аннотация: В песенном фольклоре крымских татар наиболее обширным и распространенным является пласт любовных песен, среди которых особое место принадлежит песням печальной любви. Одним из наиболее характерных образцов таких фольклорных произведений является рассматриваемая в статье песня «Белее серебристой нити», в образно-композиционной структуре, в художественной символике которой ощущается созвучие с затейливыми народными орнаментами. Обращается внимание на особенности поэтики этой песни, в частности, на своеобразие ее лирического сюжета, версификации. Структурно-композиционная усложненность и изысканность, приближение лирической экспрессивности едва ли не к эпической масштабности, конкретно-бытовая и символическая выразительность лаконичных образных деталей, эффектная звуковая организация строф (сочетание преимущественно белого стиха с богатством внутренних созвучий и перекличек) — все это подчинено передаче глубоких переживаний несчастного влюбленного, удрученного горечью драматических жизненных обстоятельств. Не менее изыскан и музыкальный текст рассматриваемого фольклорного произведения. Ему присуща плавно текущая, заунывная мелодия, неизменно перемежающаяся и оживляющаяся более динамичными короткими распевами. Весьма характерные для ориентального мелоса распевы в данном случае таят в себе разнообразные эмоциональные и интонационные оттенки, но, главным образом, в соответствии с поэтическим текстом, они призваны придать особую выразительность вспышкам то более ощутимых, то едва уловимых приятных воспоминаний, чаяний, надежд влюбленного страдальца, которые непременно угасают под воздействием жестоких жизненных реалий. Музыкальный текст гармонично согласуется с текстом поэтическим, содействуя выразительному и проникновенному раскрытию трогательного лиризма и драматической экспрессивности рассматриваемого фольклорного произведения.

Ключевые слова: фольклор крымских татар; песенная лирика; мотив печальной любви; образно-композиционная структура; ритмомелодика

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-11

Для цитирования: Гумениук О.Н. Образно-композиционная структура крымскотатарской народной песни печальной любви // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 145–155.

FIGURATIVE AND COMPOSITIONAL STRUCTURE OF THE CRIMEA TATAR FOLK SONG OF SAD LOVE

Olha M. Humeniuk

*Fevzi Yakubov Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Crimea;
olvimy21@gmail.com*

Abstract: In the song folklore of the Crimean Tatars, the most extensive and widespread are love songs, among which a special place belongs to songs of sad love. One of the most typical examples of such folklore works is the song “Whiter than a Silver Thread”, considered in the article. In its figurative and compositional structure, in its artistic symbolism one can perceive a consonance with intricate folk ornaments. The authoress of the article examines the peculiarities of the verbal and musical poetics of this song. In particular, she pays attention to the characteristic features of its lyrical plot and versification. Structural and compositional complexity and sophistication, lyrical expressiveness reaching almost an epic scale, the true-to-life and symbolic eloquence of laconic figurative details, the spectacular sound organization of stanzas (a combination of predominantly blank verse with a wealth of internal consonances and echoes) are typical features of this folklore work. All this is subordinated to rendering the deep feelings of an unhappy lover, who is dejected by the bitterness of dramatic life circumstances. The music of this song is no less refined than the poetry. It is characterized by a smoothly flowing, mournful melody. This melody is invariably interspersed and enlivened by short chants, which are more dynamic. Such chants are very characteristic of oriental melodies. In this case they conceal a variety of emotional and intonation shades, but, mainly, in accordance with the poetic text, they are designed to give special expressiveness to the flashes of either more tangible or subtle pleasant memories, aspirations, and hopes of a sufferer in love, which certainly fade away under the influence of the harsh realities of life. The musical text is harmoniously consistent with the poetic text, contributing to the expressive and heartfelt disclosure of the touching lyricism and dramatic expressiveness of the folklore work under consideration.

Keywords: Crimean Tatar folklore; song lyrics; sad love motif; figurative and compositional structure; rhythm and melody

For citation: Humeniuk O. (2025) Figurative and Compositional Structure of the Crimea Tatar Folk Song of Sad Love. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 145–155.

Устно-поэтическое творчество крымских татар, в частности, песенная лирика, формируется и развивается на протяжении длительного времени. Известный в тюркском мире турецкий путешественник Эвлия Челеби, описывая свое пребывание в Крыму в се-

редине XVII века, обращает внимание на изысканность речи жителей центральной части полуострова. В подтверждение своих наблюдений он цитирует распространенные среди них лаконичные песни, в которых звучат любовные мотивы (этим фольклорным произведениям присущи образная красочность, игривая ритмика) [Челеби 1996: 123]. Но дошедшие до нас первые системные записи и комментарии крымскотатарского песенного фольклора относятся к концу XIX — началу XX вв. Очевидно, не случайно турецкий путешественник обратил особое внимание именно на любовные песни. Они являются наиболее распространенной разновидностью крымскотатарской фольклорной лирики; впрочем, это присуще устно-поэтическому творчеству многих других народов. В количественном отношении крымскотатарских народных песен любви больше, чем всех иных соответствующих циклов (песен трудовых, эмигрантских, солдатских и других) вместе взятых. На это обращает пристальное внимание один из первых собирателей крымскотатарских народных песен Алексей Олесницкий. В 1910 году под маркой московского Лазаревского института восточных языков он издал солидный фольклорный сборник [Олесницкий 2010]. Ведя речь о разных видах записанных им образцов народного песенного творчества, термин «лирические» фольклорист употребляет в узком смысле, обозначая таким образом именно песни любви. Об этом свидетельствует и представленный А. Олесницким крымскотатарский перевод соответствующего термина: «Ашыкъ тюркюлери» («Любовные песни») [Олесницкий 2010: 9]. Среди шестидесяти записанных фольклористом лирических песен (в широком смысле) песен любовных насчитывается тридцать три. Собиратель отмечает не только то, что эти песни «наиболее распространены» в крымскотатарском народном творчестве, но также обращает внимание на то, что в любовной лирике крымских татар, в свою очередь, особое место занимают песни печальной любви: «Большую часть в них воспевается тоска влюбленного по своему предмету» [Олесницкий 2010: 9].

Песни печальной любви широко представлены в сборниках Юсуфа Болат и Ибраима Бахшыша [Болат 1939], Асана Рефатова [Refatov 1932], Февзи Алиева [Алиев 2001], Ильяса Бахшыша [Бахшыш 2004], других фольклористов. Но работ, посвященных рассмотрению их жанрово-стилевой специфики, особенностей образно-композиционной структуры и других аспектов поэтики, детальному анализу наиболее характерных фольклорных произведений, крайне мало. В некоторой степени восполнить этот пробел призвана нынешняя публикация.

Одним из наиболее плодотворных собирателей, популяризаторов и исследователей народного песенного творчества крымских татар

является выдающийся композитор Ягъя Шерфединов (1894–1975), внесший существенный вклад в национальную фольклористику [Гуменюк 2020]. В своих фольклорных сборниках он также особо выделяет любовные песни и в предисловиях к ним обращает внимание на распространенность песен печальных [Шерфединов 1931: 5; Шерфединов 1990: 7]. Это такие песни, как «Сейлетме бени» («Не вынуждай меня говорить»), «Гидинь, булутлар» («Летите, тучи»), «Арабалар гелип де кечер» («Арбы проезжают, удаляются»), «Эки пугъу» («Два филина») и многие другие.

Выражение неизбывной тоски, связанной с потерей возлюбленной, достающейся другому, присуще песне «Сом сырмадан акътыр» («Белее серебристой нити»). Впервые весьма лаконичный вариант этого фольклорного произведения (восемнадцать музыкальных тактов и всего две двустрочные стихотворные строфы) был записан Я. Шерфединовым, по всей вероятности, в конце 1920-х годов прошлого века. Песня помещена под № 7 в подготовленном им фольклорном сборнике, изданном в начале 1930-х годов [Шерфединов 1931: 15]. Здесь фигурирует подзаголовок (тематическое уточнение) — «Любовная песня». Указывается, что это фольклорное произведение записано «от гр-на Шерфедина» в деревне Отузы. В «Крымскотатарской энциклопедии», составленной Рефиком Музафаровым, значится: «Отузы (крымтат.: тридцать) — название села Шебетовка Судакского района Крыма до депортации» [Музафаров 1995: 558]. В позднейшем фольклорном сборнике Я. Шерфединова, изданном в Ташкенте, помещен более полный вариант песни [Шерфединов 1979: 85–86]. Он является основным объектом рассмотрения в предлагаемой публикации.

Песня «Сом сырмадан акътыр» («Белее серебристой нити»), помещенная в ташкентском сборнике Я. Шерфединова, обращает на себя внимание прежде всего необычной пространностью по сравнению с иными, преимущественно более лаконичными, крымскотатарскими народными песнями любви. Ей также присуща особая сложность образно-композиционной структуры. После двух четырехстрочных куплетов, в каждом из которых последние две строки повторяются и каждый из которых продолжается и оттеняется припевом, следует пятистрочная строфа. Она таит в себе признаки нового куплета, ибо развивает лирический сюжет, и одновременно признаки нового припева — припева относительно всего предыдущего звучания песни, по-своему оттеняющего и эмоционально заключающего это звучание. Далее вновь идет привычный четырехстрочный куплет с привычным припевом, который снова сменяется похожей пятистрочной строфой, теперь уже подытоживающей всю песню. Две первые строчки этой строфы несут новую,

к тому же очень важную информацию, а три последние тождественны соответствующим строчкам фигурирующей ранее аналогичной строфы. Вариативность первых строк этих пятистрочных строф и тождественность дальнейших подтверждает их необычный синтетический характер — в каждой из этих строф сочетаются признаки нового куплета и, так сказать, припева (еще одного припева, который следует после припева традиционного).

Возможно, и не стоило бы так подробно останавливаться на структурной усложненности, изощренности песни, если бы не тот факт, что эта усложненность, изощренность и связанный с ней вышеупомянутый довольно пространственный объем с особой выразительностью содействуют передаче трогательной душевной взволнованности, богатства раскрывающихся здесь эмоциональных переливов, интонационных оттенков. Все это также пребывает в гармонии с характером образности песни. Белые нежные предплечья любимой девушки сравниваются в начале песни с тонкой серебристой нитью, играющей важную роль в крымскотатарском народном узорчатом шитье. А далее в песенном изложении фигурирует вышитый избраницей сердца платок, который, возможно, и предназначался для субъекта лирического повествования, но теперь, по всей видимости, будет отдан не ему. Можно сказать, что изобретательность, прихотливость народных орнаментов, подчеркнутая серебристой нитью, своеобразно отозвалась в изысканной усложненности художественной структуры рассматриваемого фольклорного произведения, структуры, способствующей поэтизации печальных переживаний безнадежно влюбленного.

Контраст между мечтательной очарованностью и неизбывной грустью, характерный для всей песни, довольно четко обозначается уже в первом куплете:

Сом сырмадан акътыр, а джаным,
Сенинъ билегинъ, аман, аман.
Ялварсам да, ялкъарсам да
Гечмез дилегим
(Блее серебристой нити, о душа моя,
Твои предплечья, увы, увы,
Ни мольбы, ни уговоры мои
Тебя не трогают)

[Шерфединов 1979: 85–86; здесь и далее песня цитируется по этому изданию]

Припев развивает тоскливые переживания, трогательность которых усиливается рядом ласкательных обращений к избраннице сердца, отсутствие которой остро ощущается даже в среде друзей, кажущихся теперь постылыми. Возможно, они вовремя не пришли

на помощь либо даже как-то оказались причастными, приложили руку к возникновению неутешительного положения. Вследствие этого они «награждаются» соответствующими эпитетами. Таким образом подчеркивается вышеупомянутая интонационно-образная контрастность, и лирическое изложение приобретает особую эмоциональную насыщенность, усиливающуюся разнообразными поворотами и характерными песенными возгласами:

Ания меним аллар киймиш,
Назлы чичегим, аман, аман.
Аман, ашнам, джилъвели, ай, ёсмам,
Ярдан айрылдым,
Акъыкъатсыз, мерхаметсиз достлара къалдым
(Неужели ты не моя в ярком наряде,
Нежный мой цветок, увы, увы..
Увы, возлюбленная моя, милая, ах, очаровательная,
С любимой я разлучен,
С несправедливыми, немилосердными друзьями остался).

Три последние строчки этого трижды повторяющегося в песне рефрена завершают и дальнейшие пятистрочные строфы; таким образом, эти строчки своеобразным экспрессивным пунктиром (словно четкими узорчатыми штрихами серебристой нити) пронизывают всю песню.

В трех основных куплетах песни наряду с развитием лирического сюжета предстают красноречивые повествовательные детали, которые, собственно, и служат импульсами появления все новых и новых эмоциональных всплесков, усиливающихся рефренами. Во втором куплете охваченный страстью субъект лирического повествования оказывается в саду любимой девушки. Душистый уют этого сада и метафорически, и метонимически ассоциируется с ее молодостью и красотой. Влюбленный страдалец, по всей вероятности, прячась за деревьями и кустами, издали увидел милую с вышитым платком в руках (этот платок, как мы знаем, выступает в песне важной образной деталью):

Вардым ярем багъчасына,
Мейвалькъ, нарлыкъ, аман, аман.
Корьдим ярем эллеринде
Нагъышлы явлукъ
(Пришел я в сад моей любимой,
Плоды, гранаты, увы, увы.
Увидел в руках моей любимой
Вышитый платок).

Именно этот отмеченный красноречивой символичностью вышитый платок, вызывая новую волну эмоционального возбуждения

лирического субъекта, обуславливает дальнейшее появление после обычного припева упомянутой особой строфы, в первых строчках которой вновь всплывает этот образ:

Бу явлукъны ишлегенинъ
Элине сагълыкъ, аман, аман...
(У той, что вышила этот платок,
Пусть все ладится, увы, увы...)

В третьем основном куплете песни словно угасает взрывная эмоциональность, замедляется развитие собственно лирического сюжета, здесь превалируют повествовательные штрихи, внимание сосредотачивается пока что на созерцании выразительных деталей, которые вскоре с новой силой впечатляют и без того израненную душу печально влюбленного:

Вардым ярем къапусына,
Меджлис къурулгъан, аман, аман.
Бакътым къапу арасындан,
Зильфы бурулгъан
(Подошел я к двери моей любимой,
Приготовлено пиршество, увы, увы.
Сквозь двери увидел
Ее завитые кудри).

Такое печальное созерцание сменяется эмоционально насыщенным припевом, однако восприятие только что увиденного, как в прежнем случае с вышитым платком, вновь не способно в полной мере раскрыться в уже привычных рефренных причитаниях, в связи с чем возникает новый всплеск эмоций в виде пятистрочной синтетической строфы. Новая информация, содержащаяся в ее первых строчках, окончательно гасит остатки всяческих надежд, которые, быть может, еще тлели в душе субъекта лирического повествования:

Меним ярем эллер сармыш,
Бойным урулды, аман, аман...
(Моя любимая в чужих объятиях,
Жестокий удар, увы, увы...)

Пространность и структурно-композиционная усложненность, своеобразная орнаментальность песни, сочетание мощного лиризма и красноречивой, отмеченной четкими образными деталями повествовательности обуславливают довольно ощутимую эпическую окраску богатого интонационного строя рассматриваемого фольклорного произведения. С этой эпической окраской, очевидно, связано явное превалирование здесь белого стиха. И в куплетах, и в припевах рифмы или очень приблизительные (*билегинъ — диле-*

гим; джаным — аман), или отсутствуют вообще. Более-менее точная конечная рифма появляется лишь в конце припева (*айрылдым — кьалдым*) и в третьем из основных куплетов, когда лирический герой созерцает впечатляющие подтверждения того, что его любимая выходит замуж за другого (*кьурулгъан — арасындан — бурулгъан*). Это созвучие подчеркивается также дважды повторенным песенным возгласом *аман*. Определенную роль в звуковой инструментовке строфы играет также не совсем точное, но весьма ощутимое созвучие окончаний ее первой и третьей строчек: *кьапусына — арасындан*. Непритязательная (суффиксальная), но точная рифма связывает также две последние, повторяющиеся строчки пятистрочной строфы: *айрылдым — кьалдым*. Такие редкие, притом композиционно обусловленные рифмы лишь оттеняют преобладание белого стиха, вероятно, призванного подчеркнуть в чем-то близкую к эпической масштабность раскрываемых здесь лирических переживаний.

Вместе с тем отсутствие конечных рифм эффектно компенсируется внутренней звуковой организацией строф, призванной способствовать передаче эмоциональной взволнованности, душевного смятения. Здесь едва ли не в каждой строфе фигурируют внутренние рифмы (*Сенигъ — билегингъ; ашнам — ёсам; Акъыкъатсыз — мерхаметсыз; Вардым ярем — Корьдим ярем; Мейвалыкъ — нарлыкъ; айрылдым — урулды...*). Примечательно, что в третьем из основных куплетов, где, как отмечалось, присутствуют конечные рифмы, внутренние рифмы отсутствуют. Красноречива также удаленная, но четкая перекличка начальных строк второго и третьего основных куплетов: *Вардым ярем багъчасына... — Вардым ярем кьапусына...* Обращает на себя внимание также богатство иных созвучий: *Аман, ашнам; Вардым ярем; Ярдан айрылдым; ярем эллер сармыш* и др.

Интенсивность переживаний безнадежно влюбленного страдальца подчеркивается также нестандартной ритмикой, в частности сочетанием широких и коротких, будто усеченных и резких, как удар, строк, таких, например, как «Ярдан айрылдым» («От любимой я отторгнут»), «Бойным урулды» («Поразивший меня удар»). Основу стихотворного ритма здесь составляет довольно игривое и бойкое сочетание двух разделенных цезурой четырехсложных стоп в строке, но во многих строках (уже с первого куплета) такая четкость нарушается, что соответствует передаче душевного смятения несчастного влюбленного. В вокальном исполнении это нарушение регулярного стихотворного ритма также ощущается, но оно существенно нивелируется за счет сочетания нот разных длительностей, за счет распевов, подчиняясь музыкальному ритму.

Созвучная изощренности народных орнаментов структурно-композиционная усложненность и изысканность, приближение

лирической экспрессивности едва ли не к эпической масштабности, конкретно-бытовая и символическая выразительность лаконичных образных деталей, эффектная звуковая организация строф (сочетание преимущественно белого стиха с богатством внутренних созвучий и перекличек) — все это удивительно гармонично подчинено выразительной, психологически проникновенной передаче переживаний несчастного влюбленного, удрученного горечью драматических жизненных обстоятельств.

Не менее изыскан и музыкальный текст рассматриваемого фольклорного произведения. Ему присуща плавно текущая, заунывная, даже тягучая мелодия, неизменно перемежающаяся и оживляющаяся более динамичными, преимущественно короткими распевами. Печальный характер мелодии, звучащей в тональности *E-moll* (ми минор), обуславливает, прежде всего, ее поступенное движение в пределах ноты, без скачков. Отмеченные распевы, весьма характерные для восточного мелоса, в данном случае таят в себе разнообразные эмоциональные и интонационные оттенки, но, главным образом, в соответствии с поэтическим текстом, они призваны придать особую выразительность вспышкам то более ощутимых, то едва уловимых приятных воспоминаний, чаяний, надежд влюбленного страдальца, которые непременно угасают под воздействием жестоких жизненных реалий. Распевы, как отмечено, здесь преимущественно короткие, до шести нот. Но это не преуменьшает глубокого драматизма, который благодаря им усиливается в песенном звучании.

Темп и характер исполнения в нотной записи не указан, анализируемый музыкальный текст предполагает импровизационность, зависящую от трактовки исполнителя. С этой импровизационностью, не ограничивающей передачу широкой гаммы душевных переживаний, связан довольно сложный ритмический рисунок — чередование триолей, дуолей, пунктирного ритма, залигованных длинных нот. Существенную роль здесь также играет опевание нот. Нередко встречаются ферматы, паузы, малые и увеличенные секунды. Постоянно, в каждом такте нотной записи указывается смена размера. Отмеченные размеры (11/8, 10/8, 9/8, 8/8) свидетельствуют о стремлении автора записи по-своему упорядочить импровизационную структуру звучания песни, особенно распевов, что крайне сложно.

Особую сложность и остроту душевных переживаний подчеркивают такие же короткие и притом весьма эффектные, как и распевы, инструментальные части музыкального текста. Вокальной партии предшествует небольшое, на четыре такта, инструментальное вступление, предваряющее драматизм дальнейшего лирическо-

го повествования. После 7, 11 и 19 тактов следуют инструментальные интерлюдии (один-два такта), звучащие во время пауз в вокальной партии и усиливающие ощущение внутреннего смятения несчастного влюбленного.

Отмеченные особенности музыкального текста гармонично согласуются с текстом поэтическим, содействуя выразительному и проникновенному раскрытию трогательного лиризма и драматической экспрессивности рассматриваемого фольклорного произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев Ф.М. Антология крымской народной музыки — Къырым халкъ музыкасынынъ антологиясы. Симферополь, 2001.
2. Бахшыш Ил. Къырымтатар халкъ йырлары. Симферополь, 2004.
3. Болат Ю., Бахшыш Ибр. Къырымтатар йырлары. Симферополь, 1939.
4. Гуменюк О.Н. Крымскотатарская народная песня в исследованиях композитора и фольклориста Ягъя Шерфединова // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2020. Выпуск 10 / Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова. С. 75–79.
5. Крымскотатарская энциклопедия: в 2 т. / Автор-составитель Р. Музафаров. Т. 2. Симферополь, 1995.
6. Олесницкий А. Песни крымских турок / Под ред. Вл. А. Гордлевского. М., 1910.
7. Челеби Э. Книга путешествий: походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667). Симферополь, 1996.
8. Шерфединов Я. Песни и танцы крымских татар. Симферополь; М., 1931.
9. Шерфединов Я. Звучит кайтарма — Янърай къайтарма. Ташкент, 1979.
10. Шерфединов Я. Янъра къайтарма — Звучи хайтарма. Ташкент, 1990.
11. Refatov H. Qъgъm tatar jъrlarъ. Simferopol, 1932. 160 b.

REFERENCES

1. Aliev F. M. *Antologiya krymskoi narodnoi muzyki* [Anthology of Crimean folk music]. Simferopol, *Krymchpedgiz Publ.*, 2001. 600 p. (In Russ. and Crimean Tatar.)
2. Bakhshysh I. *K”yrymtatar halk” iyrлары* [Crimean Tatars folk songs]. Simferopol, *K”yrym Devlet Okuv-pedagogika Neshriyaty Publ.*, 2004. 384 p. (In Crimean Tatar.)
3. Bolat Yus., Bakhshysh Ibr. *K”yrymtatar iyrлары* [Crimean Tatar Songs]. Simferopol, *K”yrym ASSR Devlet Publ.*, 1939. 150 p. (In Crimean Tatar.)
4. Humeniuk O. Krymskotatarskaia narodnaia pesnia v issledovaniakh kompozitora i fol’klorista Ya. Sherfedinov [Crimean Tatar folk song in studies of composer and folklorist Ya. Sherfedinov]. *Voprosy krymskotatrskoi filologii, istorii i kul’tury* [The Questions of Crimean Tatar Philology, History and Culture]. 2020. Issue 10. P. 75–79. (In Russ.)
5. *Krymskotatarskaia entsyklopedia: v 2 t.* [Crimean Tatar Encyclopedia; in 2 vol.]. Author and compeller R. Muzafarov. Vol. 2. Simferopol, *Vatan Publ.*, 1995. 835 p. (In Russ.)
6. Olesnitski A. *Piesni krymskikh turok* [Songs of Crimean Turks]. Moscow, *Lazariev Institute Vostochnykh Iazykov Publ.*, 1910. 85 pp. (In Russ. and Crimean Tatar.)

7. Chelebi E. *Kniga puteshestvii: pokhody s tatarami i puteshestvia po Krymu (1641–1667)* [Book of travelling: campaigns with Tatars and travelling in Crimea (1641–1667)]. Simferopol, *Tauria Publ.*, 1996. 240 p. (In Russ.)
8. Sherfedinov Ya. *Pesni i tantsy krymskikh tatar* [Songs and dances by Crimean Tatars]. Simferopol, *Krymskoye Gosudarstvennoe Izdatel'stvo*; Moscow, *Gosudarstvennoe Muzykal'noye Izdatel'stvo*, 1931, 94 p. (In Russ. and Crimean Tatar.)
9. Sherfedinov Ya. *Zvuchit kaytarma* [Kaytarma, rings]. Tashkent, *Izdatel'stvo Literatury i Iskusstva imeni Gafura Guliyama*, 1979, 232 p. (In Russ. and Crimean Tatar.)
10. Sherfedinov Ya. *Zvuchi, kaytarma* [Ring, kaytarma]. Tashkent, *Gafur Guliyam adyna Edebiyat ve Sanat Neshriyaty*, 1990. 230 p. (In Russ. and Crimean Tatar.)
11. Refatov H. *Qırım tatar jırları* [Crimean Tatar songs]. Simferopol, *K'ryym Devlet Neshriyatı Publ.*, 1932. 150 b. (In Crimean Tatar.)

Поступила в редакцию 10.06.2024

Принята к публикации 18.02.2025

Отредактирована 06.03.2025

Received 10.06.2024

Accepted 18.02.2025

Revised 06.03.2025

ОБ АВТОРЕ

Гуменюк Ольга Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и украинской филологии филологического факультета Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова; olvimy21@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Olha Humeniuk — Prof. Dr., Department of Russian and Ukrainian Philology, Fevzi Yakubov Engineering and Pedagogical University, Simferopol; olvimy21@gmail.com

ЭЛЕМЕНТЫ АНТИУТОПИИ В РОМАНЕ К. ИСИГУРО «КЛАРА И СОЛНЦЕ»

В.И. Пулатова

*University of Business and Science, Ташкентский филиал, Ташкент,
Узбекистан; vickyft9@mail.ru*

М.Н. Низамова

*Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент,
Узбекистан; munira.nizamova22@gmail.com*

Аннотация: В статье анализируется роль антиутопических элементов в романе Кадзуо Исигуро «Клара и Солнце» (2021): обнаружен характерный для жанра антиутопии мотив биологической стандартизации, показано, что главная героиня романа обладает свойствами протагониста антиутопии, а сам сюжет романа в значительной степени обусловлен проблемой прогресса материального и регресса духовного.

Ключевые слова: антиутопия; жанровый канон; К. Исигуро; «Клара и Солнце»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-12

Для цитирования: Пулатова В.И., Низамова М.Н. Элементы антиутопии в романе К. Исигуро «Клара и Солнце» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 156–166.

DYSTOPIAN ELEMENTS IN THE NOVEL *KLARA AND THE SUN* BY K. ISHIGURO

V.I. Pulatova

*University of Business and Science, Tashkent Branch, Tashkent, Uzbekistan;
vickyft9@mail.ru*

M.N. Nizamova

*National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent,
Uzbekistan; munira.nizamova22@gmail.com*

Abstract: The works by Kazuo Ishiguro, a modern British writer of Japanese origin, play a significant part in British literature of the early 21st century. He has written eight novels, and each of them in terms of genre can be defined as a syn-

thetic work. This article aims to describe the dystopian elements and their function in the newest novel by K. Ishiguro *Klara and the Sun* (2021). We suppose this work, as well as his novel *Never Let Me Go* (2005), can't be defined strictly as a typical dystopia: it doesn't contain features dominant in this genre, which in our opinion are: the idea of power, the theme of an authoritarian state, and the conflict between an individual and a state system. Therefore we suggest the novel *Klara and the Sun* to be a philosophical novel with dystopian elements that create the circumstances necessary to discuss philosophical problems. On the grounds of existing genre canon and dystopian conception of S.G. Shishkina we have revealed several dystopian elements used by the author. Firstly, the image of the main heroine, Klara, who is a robot-android, has characteristics of dystopian protagonist. Secondly, social hierarchy in the world described by Ishiguro is based on the motif of biological standardization typical of the genre ("lifted" and "unlifted" children). Thirdly, the novel plot depends considerably on the problem of progress of science and material values, and regress of spiritual ones. Further study of genre specifics of this novel would contribute to a more detailed analysis of Kazuo Ishiguro's works as a whole.

Keywords: dystopia; genre canon; Kazuo Ishiguro; *Klara and the Sun*

For citation: Pulatova V.I., Nizamova M.N. (2025) Dystopian Elements in the Novel *Klara and the Sun* by K. Ishiguro. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 156–166.

Значимое место в британской литературе начала XXI века занимает творчество британского писателя японского происхождения Кадзуо Исигуро (1954), лауреата Нобелевской премии по литературе 2017 года. Ему принадлежат восемь романов, каждый из которых с точки зрения жанра может быть определен как синтетическое произведение. Исигуро стремится максимально исчерпывающим образом осветить и решить поставленные проблемы, и это предполагает обращение ко многим повествовательным приемам, к разным жанрам в рамках одного текста. Так, самое известное произведение писателя — роман «Не отпускай меня» (2005) — обычно ассоциируется с антиутопией, романом-притчей, романом воспитания, «школьным романом» ("school story"). Поскольку это произведение в достаточной степени освоено литературоведческой критикой (например, исследования Е.Н. Беловой, О.Г. Сидоровой, С. Вонг и др. [Сидорова 2018; Белова 2011; Kazuo Ishiguro in a Global Context 2016; Kazuo Ishiguro: Contemporary Critical Perspectives 2010]), более продуктивным, на наш взгляд, представляется анализ новейшей работы Исигуро — романа «Клара и Солнце» (*Klara and the Sun*, 2021).

В мировом литературоведении существует лишь несколько посвященных этому произведению публикаций. Так, достаточно

полно освещены его основные темы и проблемы в обзорно-критической работе Д. Шулевиц [Shulevitz 2021]. О.П. Саху и М. Кармакар рассматривают произведение как реплику в дискуссии о сведении человеческих эмоций к компьютерному коду и создании «сопереживающих» искусственных друзей: роман критикует саму идею таких искусственных друзей, показывая, что робот не может понимать психологию человека [Sahu, Karmakar 2022]. В контексте нашего исследования интерес представляет статья А. Банерджи, в которой проводится параллель между положением ИП и ИД («искусственных подруг» и «искусственных друзей») в мире Исигуро и положением рабов. Автор статьи, исходя из концепции «почернения мира» (“the becoming black of the world”) профессора А. Мбембе, исследовал «создание в антиутопическом мире романа “Клара и Солнце” “пост-человеческих рас” с помощью технологических улучшений»¹ [Banerjee 2022]. Процесс «почернения» людей в романе рассматривается на примере образа «нефорсированного» Рика; «нелюдей», андроидов — на примере образов ИП и ИД. Ориентируясь на антиутопический канон, Банерджи заключает: «Если Оруэлл высказывает свои опасения по поводу растущей механизации и дегуманизации человека под властью тоталитарного режима, то Исигуро исследует насилие, увековеченное во имя сохранения так называемой святости человека во времена, когда авторитарность дробится и распространяется беспощадными техно-капиталистическими системами неолиберализма». Роман «Клара и Солнце» рассматривается в разных аспектах и в нескольких других работах [Ajeesh, Rukmini 2022; Du 2022; Parkes 2022; Stenseke 2022; Sun 2022].

Из русских литературоведов о романе писали Г.И. Лушникова и Т.Ю. Осадчая, изучавшие идиостиль Исигуро и заметившие, что «Клара и Солнце» совмещает большее число жанров, чем другие романы писателя (упоминаются антиутопия, научная фантастика, семейный и подростковый роман); в качестве носителя «перепорученного повествования» выступает машина, обладающая искусственным интеллектом; «неопределенность хронотопа обеспечивает высокую степень обобщения и показывает универсальность проблем современного человечества» [Лушникова, Осадчая 2022].

На наш взгляд, «Клара и Солнце» в определенной степени продолжает роман «Не отпускай меня». О связи и взаимообусловленности этих текстов говорит и сам Исигуро: “Part of me wanted to reply to *Never Let Me Go*, which is a very sad book. It’s not pessimistic exactly, but it’s very sad. So I wanted to reply to that vision” [Stewart 2021].

¹ Здесь и далее перевод научного и публицистического текста наш.

Мы полагаем, что «Клару и Солнце», как и «Не отпускай меня», нельзя однозначно определить как каноническую антиутопию. При этом в трактовке жанра мы опираемся на концепцию С.Г. Шишкиной, согласно которой антиутопия представляет собой «интертекстуальный литературный жанр, дискурс которого отличается своеобразно смоделированным хронотопом и направлен на выяснение соотношений внутри триады “человек — цивилизация — общество” с отрицанием возможности реализации утопических идеалов при условии нарушения баланса и гармонии между социумом и его нравственным наполнением» [Шишкина 2009: 219]. Комплекс признаков, характеризующих антиутопию как жанр, по-прежнему является дискуссионной литературоведческой проблемой, особенно актуальной в новом тысячелетии. Проанализировав наиболее разработанные модели, представленные в англоязычных исследованиях или в русскоязычных, где объектом изучения является именно британская антиутопия [Alihodžić, Jerković 2016; Claeys 2017; Шишкина 2009; Комлева 2007], мы предложили вариант комплекса специфических черт, свойственных антиутопии [Пулатова 2022, 2023], из которых жанрообразующими, с нашей точки зрения, являются идея власти, тема авторитарного государства, конфликт личности и системы. В романе «Клара и Солнце» указанные доминанты отсутствуют, однако некоторые элементы антиутопии используются в качестве средства постановки философско-этических проблем: что есть человек? Уникален ли он? В чем его уникальность? Соответственно, роман «Клара и Солнце» может быть определен как философский роман с антиутопическими элементами, которые создают необходимые условия для раскрытия указанных проблем. При этом элементы антиутопии более проявлены и обоснованы сюжетно, чем в романе «Не отпускай меня».

Наиболее важным из элементов антиутопии представляется центральный образ героини Клары, робота-андроида, «искусственной подружки» (“artificial friend”, “AF” («ИП»)), обладающий основными чертами протагониста антиутопии. Согласно канону антиутопии как жанра, главный герой — это конформист, пытающийся подстроиться под стереотипы поведения окружающих, но внутренне совершенно отличный от них, поскольку наделен каким-либо особым знанием, чертой характера и т. п. Таковы главные герои антиутопий Э. Форстера, О. Хаксли и Дж. Оруэлла [Пулатова 2022: 299]. Героиня Исигуро Клара при стандартном внешнем виде представляет собой уникальную модель, что становится очевидно при сравнении ее с другим роботом, Розой. Они находятся в витрине магазина вместе, но Клара любознательна и более наблюдательна: «Но

я заметила, что она почти ни на что не смотрит <...> Только если я показывала ей на что-то, Роза поворачивала голову, но она быстро теряла интерес и снова принималась глядеть на тротуар и на знак» [2]. Клара анализирует людские поступки и эмоции и пытается понять их причины: «Но я чем больше смотрела, тем большему хотела научиться и, в отличие от Розы, была сначала озадачена, а затем все сильнее заворожена загадочными эмоциями, которые прохожие на улице иногда проявляли» [2]. Это становится ее преимуществом даже перед ИП и ИД новейшего поколения. Как и героини каноничных антиутопий и в отличие от героев-клонов «Не отпускай меня», Клара пытается что-то изменить в порядке вещей, но не ради будущего всего человечества, а ради благополучия одного человека — Джози, которая и олицетворяет будущее для Клары. В ее случае своеобразной формой борьбы становится сделка с Солнцем и разрушение «КОТЭ-машины», вызывающей «Загрязнение», путем частичного самопожертвования. Образ Клары продолжает ряд «постчеловеческих» героев Исигуро и Д. Митчелла (героини-клоны Кэти Ш. и Сонми-451 соответственно).

Другим важным сюжетобразующим элементом антиутопии является мотив биологической стандартизации — искусственного устранения или стимулирования определенных особенностей развития человека (этот мотив есть, например, в романах О. Хаксли «О дивный новый мир» и «Обезьяна и сущность» (1948)) [Пулатова 2023: 73]. В обществе, описываемом Исигуро, дети, по желанию родителей, могут быть «форсированы» (в оригинале “be lifted”), т. е. пройти генное редактирование — процесс, который значительно улучшает интеллектуальные способности ребенка, но может пагубно повлиять на его здоровье. Вследствие биологической стандартизации возникает социальное расслоение: «форсированные» дети получают больше возможностей, а «нефорсированные» их лишаются. Так, друг Джози Рик не форсирован и практически не имеет шансов учиться в том учебном заведении, где хочет, а вынужден пытаться сдать экзамен в колледж Атлас Брукингс — единственное учебное заведение, принимающее менее двух процентов «нефорсированных». Наиболее ярко иллюстрирует социальное расслоение сцена «социализации» в доме Джози. Встречи-«социализации» призваны помогать «форсированным» детям, лишенным нормального общения и занимающимся дистанционно, самостоятельно адаптироваться к жизни взрослых и по сути являются моделированием взрослого общения. Если родители «форсированных» относятся к Рiku хотя и осторожно, но с пониманием, то сами дети предубеждены против него и проявляют излишнее снисхождение и участие,

превращающие всю сцену в пародию: «Рик, я знала, надеялся, что все, кто слушает, рассмеются, как взрослые, когда он сказал про доставку пиццы. Но четыре девочки просто продолжали смотреть на него участливыми глазами <...> Не дразните его, — сказала длиннорукая. — Больше доброты. Он справляется. — Справляется, ага, — произнес чей-то голос, и некоторые захихикали» [2]. Подобное детское отношение к Рику, по мысли Исигуро, является отражением действительного отношения взрослых к «нефорсированным».

Мотив биологической стандартизации связан с проблемой прогресса науки (материального) и регресса человечности. В каноничных антиутопиях чем выше уровень технического прогресса, тем ниже самосознание личности и тем менее духовно развитой она становится: в «дивном новом мире» Хаксли промышленность достигла невероятного уровня, но искусство, красота, религия, нравственность принесены в жертву комфорту и счастью [Пулатова 2023: 72]. Использование этого мотива позволяет Исигуро сформулировать главный для него философский вопрос. Общество, находящееся в преддверии перелома, включает представителей трех поколений и мировоззрений: люди «прошлого мира», неспособные полностью принять существование роботов и их превосходство в некоторых областях, — Крисси, Пол, Хелен; дети — будущее поколение, — для которых жизнь вместе с ИП и ИД — норма; люди новой формации, потерявшие веру в человека, такие как Капальди — ученый, занимающийся созданием робота, который смог бы заменить человека. Его идеи наиболее полно раскрывают анализируемую проблему, поскольку Капальди считает, что человек не уникален и практически ничем не отличается от робота-андроида, наделенного совершенным искусственным интеллектом: «Какая-то часть нас <...> по-прежнему хочет верить, что в каждом из нас есть что-то недостижимое. Что-то уникальное и не передающееся. Но нет ничего такого в нас, мы сейчас это знаем <...> Нет ничего внутри Джози такого, чего не могли бы продолжить Клары нашего мира» [2]. Другими словами, часть общества ценит научно-технические достижения выше «устаревшего предрассудка» гуманистических идеалов. Приведенный пример социального расслоения детей показателен и в данном случае: система ценностей «форсированных» в целом определяется специфическими особенностями модели ИП и ИД: может ли андроид, принадлежащий другому человеку, петь, делать сальто и т. д., тогда как Рик искренне беспокоится за здоровье Джози и пытается сохранить их дружбу.

Идеям таких людей, как Капальди, противопоставляются традиционные ценности «прошлого мира», которыми руководствуются

люди, подобные Полу, отцу Джози, бывшему инженеру; их судьба углубляет проблему прогресса материального. Несмотря на то, что Пол был очень талантливым изобретателем, на заводе он был заменен, скорее всего роботом, и стал жить в сообществе таких же потерявших работу. Все это становится понятно из разговоров, которые слышит Клара, но не уделяет им внимания. Таким образом сквозь призму восприятия ИП Исигуро намекает на нестабильное положение в обществе: семьи Крисси и других обеспеченных госслужащих живут в мире и спокойствии, но существуют и группы, в которые собираются люди, ставшие изгоями, и некоторые из них действительно представляют опасность; Пол характеризует свою общину так: «Там, где мы живем, есть разные группы, я не отрицаю. <...> И если какая-нибудь другая группа не будет нас уважать, нас и все наше, она должна знать, что будет драка» [2]. Кроме этого, Исигуро не дает никаких деталей, но и «обрывки разговоров» позволяют судить о вероятной угрозе и неопределенном состоянии социума.

В диалоге с Кларой Пол формулирует центральный философский вопрос романа; в отличие от Капальди, он не может уверенно на него ответить: «Ты веришь в человеческое сердце? <...> Я говорю в поэтическом смысле. Человеческое сердце. Существует оно, потвоему? То, что делает нас особенными и неповторимыми» [2]. Вопрос о сущности человека, его душе значим для творчества Исигуро в целом и был определяющим, в частности, для романа «Не отпускай меня».

Мотив души также присутствует, например, в антиутопической части романа Д. Митчелла «Облачный атлас» «Оризоне Сонми-451». Однако если Д. Митчелл склоняется к отрицательному ответу, надея на искусственного человека большим гуманизмом, то Исигуро оставляет надежду и для человечества, что очевидно из ответа Клары, сформулированного позже: «Мистер Капальди считал, что в Джози нет ничего совсем особенного — того, что не продолжается. Он сказал Маме, что искал, искал и ничего такого не нашел. Но я сейчас думаю, что он искал не там, где надо. Было что-то совсем особенное, но не внутри Джози. Оно было внутри тех, кто любил ее» [2]. Эти слова свидетельствуют, что автор оставляет нам надежду, несмотря на то что главная героиня умирает («угасает»). Сам Исигуро в интервью выразил желание, чтобы его роман был прочитан как «светлое и оптимистичное произведение» [Allardice 2021].

Итак, роман К. Исигуро «Клара и Солнце» с точки зрения жанра создан в характерной для писателя синтетической манере, определяемой нами как философский роман с элементами антиутопии,

служащими для постановки и раскрытия философских проблем. Из составляющих антиутопического канона в тексте были выявлены следующие: во-первых, черты протагониста антиутопии в образе главной героини ИП Клары. Во-вторых, мотив биологической стандартизации, воплощенный в образах «форсированных» и «нефорсированных» подростков. В-третьих, проблема прогресса материального и регресса духовного, раскрываемая в различном отношении персонажей к традиционным гуманистическим ценностям. Дальнейшая конкретизация жанровой природы данного произведения будет способствовать целостному анализу творчества К. Исигуро, синтетическому с точки зрения жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова Е.Н. Поэтика романа Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» (к проблеме художественного мультикультурализма): дис. ... канд. филол. н. 10.01.03. Волгоград, 2011.
2. Исигуро К. Клара и Солнце / Пер. Л. Мотылева. М., 2021.
3. Комлева Н.Л. Антиутопическая традиция в американской прозе 1980-х гг.: романы «Берег москитов» и «О-Зона» П. Теру: дис... канд. филол. н.: 10.01.03. Саранск, 2007.
4. Лушикова Г.И., Т.Ю. Осадчая. К вопросу об идиостиле К. Исигуро (на материале романа «Клара и Солнце») // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 2. С. 299–315. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-299-315.
5. Пулатова В.И. Из истории английской антиутопии конца XX в.: идейно-содержательные доминанты романа Ф.Д. Джеймс «Дитя человеческое» // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 3. С. 68–81. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-68-81>
6. Пулатова В.И. Специфика жанрового инварианта антиутопии первой половины XX века // Вестник Национального университета Узбекистана. 2022. № 1/9. С. 297–300.
7. Сидорова О.Г. Кадзуо Исигуро. писатель в «зыбком мире» // Вопросы литературы. 2018. № 4. С. 301–318.
8. Шишкина С.Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке. Иваново, 2009.
9. Ajeesh A.K., Rukmini S. Posthuman perception of artificial intelligence in science fiction: an exploration of Kazuo Ishiguro's Klara and the Sun // AI & Soc. 2022. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-022-01533-9>
10. Alihodžić D., Jerković S.V. The Boundaries of Dystopian Literature. The Genre in Context. Tuzla, 2016.
11. Banerjee A. “Just Fabric”: The Becoming Black of the (Post) Human in Kazuo Ishiguro's Klara and the Sun (2021) // Sillages critiques. 2022. № 32. DOI: <https://doi.org/10.4000/sillagescritiques.13104>
12. Claey's G. Dystopia: A Natural History. A Study of Modern Despotism, Its Antecedents, and Its Literary Diffractions. New York: Oxford University Press, 2017.
13. Du L. Love and hope: affective labor and posthuman relations in *Klara and The Sun* // Neohelicon. 2022. № 49. P. 551–562. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11059-022-00671-9>
14. Kazuo Ishiguro: Contemporary Critical Perspectives / S. Matthews, S. Groes (ed.). London, 2010.

15. Kazuo Ishiguro in a Global Context / Ed. by Cynthia F. Wong, Hülya Yıldız. NY, 2016.
16. Parkes A. Nothing New under the Sun: Planned Obsolescence in Ishiguro's *Klara and the Sun* // *Foreign Literature Studies*. 2022. № 44 (1). P. 13–27.
17. Sahu O.P., Karmakar M. Disposable culture, posthuman affect, and artificial human in Kazuo Ishiguro's *Klara and the Sun* (2021) // *AI & Soc.* 2022. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-022-01600-1>
18. Shulevitz J. The Radiant Inner Life of a Robot // *The Atlantic*, 2022. P. 78–81.
19. Stenseke J. The Morality of Artificial Friends in Ishiguro's *Klara and the Sun* // *Journal of Science Fiction and Philosophy*. 2022. № 5. URL: <https://jsfphil.org/volume-5-2022/artificial-friends-in-klara-and-the-sun/>
20. Sun Y. Post/Human Perfectibility and the Technological Other in Kazuo Ishiguro's *Klara and the Sun* // *Critique: Studies in Contemporary Fiction*. 2022. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1080/00111619.2022.2056429>
21. Allardice L. Kazuo Ishiguro: 'AI, gene-editing, big data ... I worry we are not in control of these things any more' // *The Guardian*. 20.02.2021. URL: <https://www.theguardian.com/books/2021/feb/20/kazuo-ishiguro-klara-and-the-sun-interview> (дата обращения: 1.03.2023).
22. Stewart D. Kazuo Ishiguro on How His New Novel *Klara and the Sun* Is a Celebration of Humanity // *Time.com*. 2.03.2021. URL: <https://time.com/5943376/kazuo-ishiguro-interview/> (дата обращения: 1.03.2023).

REFERENCES

1. Belova E.N. Pojetika romana Kadzuo Isiguro "Ne otpuskaj menja" (k probleme hudozhestvennogo mul'tikul'turalizma) [Poetics of the Novel by K. Ishiguro "Never Let Me Go" (on the Issue of Artistic Multiculturalism)]. PhD. diss. Volgograd, 2011. 185 p. (In Russ.)
2. Ishiguro K. *Klara and The Sun*. Translated by L. Motylev, 2021. URL: <https://libbox.ru/books/klara-i-solnce>
3. Komleva N.L. Antiutopicheseskaja tradicija v amerikanskoj proze 1980-h gg.: romany «Bereg moskitov» i «O-Zona» P. Teru [Dystopian Tradition in American Prose of 1980s: 'The Mosquito Coast' and 'O-Zone' Novels by P. Theroux]. PhD diss. Saransk, 2007. 207 p. (In Russ.)
4. Lushnikova G.I., Osadchaya T.Yu. K voprosu ob idiostile K. Isiguro (na materiale romana «Klara i Solntse») [Kazuo Ishiguro's Idiostyle (Novel "Klara and the Sun")]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2022. Vol. 11, no. 2, pp. 299–315. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-299-315.
5. Pulatova V.I. "From the History of English Dystopia of the End of the 20th Century: Conceptual and Substantial Dominants of the Novel *The Children of Men* by P.D. James." *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 3, 2023, pp. 68–81. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-68-81>
6. Pulatova V.I. Spetsifika zhanrovogo invarianta antiutopii pervoi poloviny XX veka [The Peculiarities Of Dystopian Genre Invariant In the First Half Of XX Century]. *Vestnik Natsional'nogo universiteta Uzbekistana* [Acta NUUZ], 2022. Vol. 1, no. 9, pp. 297–300. (In Russ.)
7. Sidorova O.G. Kadzuo Isiguro. pisatel' v «zybkom mire» [Kazuo Ishiguro. The Writer in the "Floating World"]. *Voprosy literatury*. 2018, no. 4, pp. 301–318. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2018-4-301-318>
8. Shishkina S.G. *Istoki i transformatsii zhanra literaturnoi antiutopii v XX veke* [The Origins and Transformation of the Genre of Literary Dystopia in XX century]. Iva-

- novo; Ivanovo State University of Chemistry and Technology Publ., 2009. 229 p. (In Russ.)
9. Ajeesh A.K., Rukmini S. Posthuman perception of artificial intelligence in science fiction: an exploration of Kazuo Ishiguro's *Klara and the Sun*. *AI & Soc*, 2022. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-022-01533-9>
 10. Alihodžić D., Jerković S.V. The Boundaries of Dystopian Literature. The Genre in Context. Tuzla, 2016. 176 p.
 11. Banerjee A. "Just Fabric": The Becoming Black of the (Post) Human in Kazuo Ishiguro's *Klara and the Sun* (2021). *Sillages critiques*, 2022, no. 32. DOI: <https://doi.org/10.4000/sillagescritiques.13104>
 12. Claeys G. *Dystopia: A Natural History. A Study of Modern Despotism, Its Antecedents, and Its Literary Diffractions*. New York: Oxford University Press, 2017. 576 p.
 13. Du L. Love and hope: affective labor and posthuman relations in *Klara and The Sun*. *Neohelicon*, 2022, no. 49, pp. 551–562. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11059-022-00671-9>
 14. Kazuo Ishiguro: Contemporary Critical Perspectives. S. Matthews, S. Groes (ed.). London: Continuum, 2010. 168 p.
 15. Kazuo Ishiguro in a Global Context. Ed. by Cynthia F. Wong, Hülya Yıldız. NY: Routledge, 2016. 161 p.
 16. Parkes A. Nothing New under the Sun: Planned Obsolescence in Ishiguro's *Klara and the Sun*. *Foreign Literature Studies*, 2022, no. 44(1), pp. 13–27.
 17. Sahu O.P., Karmakar M. Disposable culture, posthuman affect, and artificial human in Kazuo Ishiguro's *Klara and the Sun* (2021). *AI & Soc*, 2022. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-022-01600-1>
 18. Shulevitz J. The Radiant Inner Life of a Robot. *The Atlantic*, April 2021. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2021/04/kazuo-ishiguro-klara-and-the-sun/618083/> (accessed: 10.03.2023).
 19. Stenseke J. The Morality of Artificial Friends in Ishiguro's *Klara and the Sun*. *Journal of Science Fiction and Philosophy*, 2022, no. 5. URL: <https://jsfphil.org/volume-5-2022/artificial-friends-in-klara-and-the-sun/>
 20. Sun Y. Post/Human Perfectibility and the Technological Other in Kazuo Ishiguro's *Klara and the Sun*. *Critique: Studies in Contemporary Fiction*, 2022, pp. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1080/00111619.2022.2056429>
 21. Allardice L. Kazuo Ishiguro: 'AI, gene-editing, big data ... I worry we are not in control of these things any more'. *The Guardian*, 20 February 2021. URL: <https://www.theguardian.com/books/2021/feb/20/kazuo-ishiguro-klara-and-the-sun-interview> (accessed 1.03.2023).
 22. Stewart D. Kazuo Ishiguro on How His New Novel *Klara and the Sun* Is a Celebration of Humanity. *Time.com*, 2 March, 2021. URL: <https://time.com/5943376/kazuo-ishiguro-interview/> (accessed: 1.03.2023)

Поступила в редакцию 01.07.2023
 Принята к публикации 28.08.2024
 Отредактирована 06.03.2025

Received 01.07.2023
 Accepted 28.08.2024
 Revised 06.03.2025

ОБ АВТОРАХ

Пулатова Виктория Искандеровна — доктор философии по филологическим наукам (PhD), и. о. доцента кафедры социально-гуманитарных наук и языков Ташкентского филиала University of Business and Science; vickyft9@mail.ru

Низамова Мунира Низамовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского литературоведения факультета узбекской филологии Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека; munira.nizamova22@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Victoria Pulatova — PhD in Philology, Acting Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Sciences and Languages, Tashkent Branch, University of Business and Science; vickyft9@mail.ru

Munira Nizamova — PhD, Associate Professor, Department of Russian Literary Studies, Faculty of Uzbek Philology, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek; munira.nizamova22@gmail.com

НЕОМИФОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН 1920–1940-х ГОДОВ КАК ЖАНР РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Н.З. Кольцова

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва,
Россия; koltsovaru@rambler.ru*

Аннотация: Статья посвящена оформлению жанра неомифологического романа в литературе Советской России 1920–1940-х годов. *Неомиф* (как и *миф*) — широкое понятие, связанное, с одной стороны, со сферой мышления, сознания человека, а с другой — со сферой искусства, литературного творчества, поэтики. Исследователи по-разному определяют неомиф, миф, неомифологизм. Хализев называет неомифом любой индивидуальный авторский миф, в том числе миф романтиков, Мелетинский и Минц подчеркивают, что понятие *неомифологизм* применимо прежде всего к культуре эпохи модерна. По их мнению, неомиф отличается от архаичных мифов и от мифа романтиков прежде всего прагматикой: неомиф не стремится к гармонизации мира — скорее, используется для сатирической подсветки действительности и в итоге разоблачения того, что представляется идеалом или по крайней мере нормой (Мелетинский называет неомиф антимифом). Минц подчеркивает роль русского символизма в создании специфического художественного языка, который чуть позже оказался востребованным в прозе зрелого модернизма. Минц и Мелетинский сходятся во мнении, что из всех литературных жанров наиболее приспособленным для воплощения неомифа является роман.

Среди русских постсимволистских романов выделяются произведения Булгакова, Замятина, Клычкова, Платонова: это тексты, которые можно назвать прецедентными. Их прецедентность (и одновременно внутреннее родство, то, что объединяет эти романы) определяется ориентацией авторов на миф как на особый способ постижения мира и организации художественного материала. Платонов, Булгаков, Замятин и Клычков интересуются мифом как «текстопорождающей» моделью мироустройства и человеческой психики. При этом если новый роман уподобляется мифу, то верно и обратное: новый миф начинает выстраиваться по законам романа, поскольку мировосприятие человека XX века сформировано романом.

Национальная специфика русского неомифологического романа проявляется в области хронотопа (деревня у Клычкова, обобщенная провинциальная Россия у Платонова; локальный миф — петербургский и московский — у Замятина, Булгакова), а также в сфере жанра (использование авторами жанровых элементов сказки, мистерики, антиутопии и др.). Применительно к неомифологическому роману можно также говорить о памяти жанра: прит-

ча, сказка, мистерия и особенно антиутопия — одни из самых востребованных в современной культуре (в т. ч. в литературе фэнтези, в кинематографе).

Ключевые слова: миф, неомиф; неомифологический роман; память жанра; Булгаков; Замятин; Клычков; Платонов

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-13

Для цитирования: *Кольцова Н.З.* Неомифологический роман 1920–1940-х гг. как жанр русской литературы // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 167–177.

NEO-MYTHOLOGICAL NOVEL OF THE 1920s–40s AS A GENRE OF RUSSIAN LITERATURE

Natalia Z. Koltsova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; koltsovaru@rambler.ru

Abstract: This article is devoted to the genesis of the genre of neo-mythological novel in Russian Soviet literature of the 1920–40s. Neo-myth (as well as myth) is a broad concept associated with the sphere of thinking, human consciousness, and with the sphere of art, literary creativity, poetics, too. Researchers define neo-myth, myth and neo-mythologism differently. Khalizev calls any individual author's myth, including the myth of romantics, a neo-myth, Meletinsky and Mintz emphasize that the idea of neo-mythologism is applicable primarily to the culture of the Art Nouveau era. In their opinion, neo-myth differs from archaic myths and from the myth of romantics primarily in its pragmatics: neo-myth does not strive to harmonize the world — rather, it is used for satirical illumination of reality and, ultimately, to expose what seems to be an ideal or at least a norm (Meletinsky calls neo-myth an anti-myth). Mintz emphasizes the role of Russian symbolism in the creation of a specific artistic language, which a little later turned out to be in demand in the prose of mature modernism. Both Mintz and Meletinsky agree that of all literary genres, the novel is the most suitable for the embodiment of neo-myth.

Among Russian post-symbolist novels, the works of Bulgakov, Zamyatin, Klychkov and Platonov stand out: these are texts that can be called precedent. Their precedent nature (and at the same time their internal kinship, what unites these novels) is determined by the authors' orientation toward myth as a special way of understanding the world and organizing artistic material. Platonov, Bulgakov, Zamyatin, and Klychkov are interested in myth as a “text-generating” model of the world order and the human psyche. At the same time, if a new novel is likened to a myth, then the opposite is also true: a new myth begins to be built according to the laws of the novel, since the worldview of a person in the 20th century was formed by the novel (see Mandelstam).

The national specificity of the Russian neo-mythological novel is manifested in the area of chronotope (village, generalized provincial Russia in case of Klychkov and Platonov; local myth — St. Petersburg and Moscow — for Zamyatin and Bulgakov), as well as in the sphere of genre (the use of genre elements of fairy tales,

mystery, dystopia, etc. by the authors). In relation to the neo-mythological novel, we can also talk about the memory of the genre: parable, fairy tale, mystery and especially dystopia are among the most popular ones in modern culture.

Keywords: neo-myth; neo-mythological novel; novel genre; genre memory; Bulgakov; Zamyatin; Klychkov; Platonov.

For citation: Koltsova N.Z. (2025) Neo-mythological Novel of the 1920s–40s as a Genre of Russian Literature. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 167–177.

Неомифологический роман — явление, казалось бы, достаточно хорошо изученное, однако вопрос, является ли он новым жанром XX столетия, или неомифологизм — это внежанровая дефиниция, до сих пор остается дискуссионным. Топоров пишет: «При более широком подходе к теме “неомифологизма” начала века неизбежен выход за пределы художественной литературы в сферу изобразительного искусства и музыки» [Топоров 1990: 42].

Действительно, неомиф (как, впрочем, и собственно миф) — понятие чрезвычайно широкое, захватывающее сферу мышления, с одной стороны, и поэтики — с другой: не случайно Руднев рассуждает о «неомифологическом сознании» [Руднев 1997: 184], тогда как Мелетинский сосредоточен на рассмотрении «поэтики мифа», подчеркивая, однако, что «... применительно к мифу нельзя говорить о собственно художественных приемах» [Мелетинский 2000: 7].

Не погружаясь в вопросы терминологии, отметим, что *миф*, *неомиф*, *мифопоэтика* — понятия, в толковании которых у исследователей не наблюдается единодушия. Так, Хализев относит к неомифу всякий индивидуальный авторский миф, в том числе миф романтиков: «В литературе поры романтизма... индивидуально-авторское мифотворчество предельно активизировалось... Подобного рода неомифологизм дал о себе знать в творчестве И.Х. Гельдерлина, И.В. Гете (вторая часть “Фауста”), Дж.Г. Байрона (“Манфред”) и многих русских писателей эпохи романтизма... Эта традиция была подхвачена XX столетием» [Хализев 2004: 123].

Однако, как подчеркивает Кузнецов, «понятие *неомифологизм* по справедливости применяется к культуре модерна» [Кузнецов 2022: 42–49]. Подобной точки зрения придерживаются и Мелетинский, и Минц, выявляющие радикальное отличие неомифа не только от архаичных мифов, но и от мифа романтиков: причины кроются не только в пополнении *словаря* вторичного языка (во многом сформированного историко-культурными сюжетами — не в последнюю очередь эпохи романтизма) и даже не в *грамматике* (способах введения мифов в художественную структуру), но и — прежде всего —

в *прагматике* неомифа, который отнюдь не всегда преследует задачу гармонизации мира. Напротив, неомиф, по словам Мелетинского, — это антими́ф (самый яркий пример — «Улисс» Джойса, основанный на инверсии архетипических образов и мотивов) [Мелетинский 2000].

Минц убедительно доказывает, что русский символизм уже на рубеже веков создает тот язык, на котором мировая и русская модернистская проза заговорит позже: «Историки новейшей литературы... относят появление европейского “романа-мифа” и других жанров “неомифологического” искусства к 1920–1930-м гг. (творчество Джойса, Кафки, Т. Манна и др.). Между тем русский (а по всей вероятности, и европейский) символизм уже в конце XIX — начале XX в. не только формирует, под влиянием Ф. Ницше и Р. Вагнера, концепцию пути современного искусства “от символа к мифу” (Вяч. Иванов), но и активно стремится создавать “тексты-мифы” ярко новаторского типа» [Минц 2004: 59]. И отнюдь не случайно явление неомифологизма она рассматривает на примере романа: именно этот жанр наиболее приспособлен для создания неомифа. Такой же точки зрения придерживается и Мелетинский: «...так называемое “возвращение к мифу” произошло прежде всего на почве романа» [Мелетинский 2000: 360]. Однако в центре внимания и Мелетинского, и Минц оказывается не вопрос об обновлении жанровой картины эпохи, но сама специфика мифотворчества авторов XX столетия.

О появлении же в XX веке принципиально новых жанров и жанровых разновидностей рассуждает Хализев: «...структурной устойчивостью обладают и вновь возникшие в XIX–XX вв. жанровые образования... Неоспоримо наличие структурной и концептуальной общности в романах французских писателей 1960–1970-х годов» [Хализев 2004]. На наш взгляд, к таким «устойчивым» жанровым образованиям относится и русский неомифологический роман 1920–1940-х годов.

Задачу рассмотреть «жанровые следствия» мифопоэтических установок писателей ставит перед собой В.В. Полонский. В книге «Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX — начала XX века» он показывает, как обращение к мифу влияет на изменение жанровой картины русской литературы начала XX века, подчеркивая при этом, что сознательно не рассматривает «авангардные — и, шире, постсимволистские — явления мифопоэтики (за исключением некоторых показательных и концептуально для нас важных примеров пограничного характера). Во-первых, окончательно развернув свой потенциал по большей части уже в 1920-е годы, системно-эстетически (в отличие от поздних произведений того же

Д.С. Мережковского) они принадлежат скорее следующему этапу развития литературы, во-вторых, оказываются гораздо более проблематичными с точки зрения анализа именно жанрового аспекта художественной фактуры...» [Полонский 2008: 9–10]. Итак, как следует из книги Полонского, вопрос о влиянии мифа на жанры русской литературы XX века еще не до конца прояснен, и проявления неомифологических тенденций в произведениях периода 1920–1930-х годов, как он подчеркивает, по-прежнему «нуждаются в отдельном аналитическом исследовании».

Отметим, что Полонский рассматривает обновление системы жанров Серебряного века на примере всех трех родов литературы, тогда как (согласимся с приведенным выше мнением Мелетинского) именно эпика и преимущественно роман оказались наиболее восприимчивы к неомифологизму.

Русская постсимволистская проза не просто сохраняет достижения Серебряного века и прежде всего символистского романа, в свою очередь наследующего традициям XIX столетия, но творчески перерабатывает их, и некоторым из произведений классиков русской литературы исследуемого периода суждено стать прецедентными. Так, по мнению Руднева, в творчестве Булгакова неомифологическое сознание эпохи обрело законченное жанровое воплощение [Руднев 1997]. Однако не менее характерным воплощением неомифологических тенденций, на наш взгляд, стали романы Замятина, Клычкова, Платонова, в которых миф если и не выделяется в самостоятельный историко-временной или сюжетный план, то играет не менее важную роль, создавая, может быть, даже более сложную жанровую структуру. Очевидно, что внутренняя близость столь непохожих друг на друга текстов обеспечивается не обращением авторов к общим источникам (библейским, античным или историко-культурным сюжетам, которые могут присутствовать и в произведениях писателей, в целом чуждых поэтике мифологизирования), но прежде всего самой ориентацией писателей на миф как на особый способ постижения мира — и, как следствие, организации художественного материала. Платонова, Булгакова, Замятина и Клычкова — при всех различиях в принципах отбора и инкорпорирования мифов в текст — объединяет «неомифологическое сознание» (В.П. Руднев), интерес к мифу как к «текстопорождающей» модели мироустройства и человеческой психики.

И если в прозе Серебряного века все же преобладают канонические жанры — исторического (историософского) романа (трилогия Д. Мережковского), романа «большого пути» или приключенческого романа («Огненный ангел» В. Брюсова), социально-психологического и семейно-бытового романа («Мелкий бес» Ф. Сологуба),

претерпевающие, разумеется, радикальные изменения, то жанровая иерархия русской прозы послереволюционного периода существенно меняется: на передний план выдвигаются жанры, сформированные именно мифом, а также теми жанрами, которые возникли на его основе задолго до (и независимо от) романа, — мистерией, притчей, сказкой, быличкой.

И, безусловно, особую роль в оформлении неомифологического романа сыграл «Петербург» Андрея Белого, в известном смысле «выводящий» романистику за пределы Серебряного века [Скороспелова 2003], а также своеобразная (весьма противоречивая) теория мифа, созданная представителями как гуманитарной мысли — филологами и философами, религиозными мыслителями (особенно выделяется фигура Вяч. Иванова, чьи работы наряду с трудами Ницше, Соловьева и др. получили художественное воплощение в том же «Петербурге»), так и естественно-научного знания [Линьлин Чжан, 2023: 168–179]. И все же жанровый канон неомифологического романа оформится позже.

Так, Полонский пишет: «...при всей важности той роли, какую сыграла мифопоэтика в художественном преображении русской литературы Серебряного века, в сфере именно жанровой эволюции ее новаторское воздействие оказалось более или менее локальным» [Полонский 2008: 265]. Продолжая мысль исследователя, подчеркнем, что влияние мифа на жанровую систему прозы 20–40-х годов XX века оказалось уже не «локальным», а определяющим. Ориентация на миф сказывается не только на архитектонике, организации хронотопа, повествовательном алгоритме произведений (выдвижении на передний план фигуры «летописца» — повествователя, рассказчика), но и на языковой фактуре: «И здесь, — подчеркивает В. Руднев, — происходит самое главное: художественный текст XX в. сам начинает уподобляться мифу по своей структуре. Основными чертами этой структуры являются циклическое время, игра на стыке между иллюзией и реальностью, уподобление языка художественного текста мифологическому предъязыку с его “многозначительным косноязычием”» [Руднев 1997].

Итак, Руднев пишет о том, что литературное произведение начинает уподобляться мифу, но верным, по нашему мнению, является и противоположное суждение: новый миф начинает выстраиваться по законам литературы — и прежде всего романа, поскольку мировосприятие индивидуума XX века сформировано романом: «...роман может быть понят не только как определенный тип м ы ш л е н и я , но и как тип с о з н а н и я (в данном случае оно должно быть определено как романное), т. е. как романная художественная концепция, определенный тип миропонимания, це-

лостная система оценки разных аспектов бытия человека, “Weltbild”), — подчеркивает Рымарь [Рымарь 1989: 11]. О романном мышлении современного индивидуума пишет и Мандельштам в знаменитой работе «Конец романа».

Итак, структура романа — это в известном смысле и структура, или логика мышления, нового мифотворца. Сохраняя корневые свойства первичного мифа, неомиф радикальным образом преобразует некоторые из них: «память мифа» соединяется с *памятью романного жанра*, для которого характерны телеологичность, установка на вымысел, метапоэтика, чуждые «первичному» мифу древности.

При этом русский неомифологический роман обладает ярко выраженной национальной спецификой (как, впрочем, и любое явление мировой культуры), которая проявляется в жанровой сфере. Е. Зейферт полагает, что «жанр и этническая картина мира, по сути, представляют собой подобные друг другу умозрительные явления» и «их предназначение состоит в создании определенного образа мира». На основании этой посылки исследователь полагает возможным рассматривать «жанровые процессы этноса» [Зейферт 209: 318].

Национальная специфика русского неомифологического романа заявляет о себе уже на стадии его становления — в литературе Серебряного века, в творчестве Сологуба, Белого, Мережковского. И проявления национального колорита следует искать, на наш взгляд, не только и даже не столько в наличии плотного реминисцентного слоя, заданного русской классикой или русским фольклором, но именно в сфере жанровых установок. Так, отмеченное Полонским национальное своеобразие неомифологической романистики Мережковского (историософский роман исследователь трактует как знаковое явление русской прозы) тем более удивительно, что Мережковский и по сей день воспринимается как писатель европейского склада, в романах которого проявления художественности подчиняются умозрительным концепциям, что и сближает его произведения с жанром *интеллектуального романа*, характерного для европейской литературы. И тем больший интерес вызывает тонко подмеченная Полонским особенность русской исторической прозы — ее теснейшая связь с философской мыслью.

В этой связи следует упомянуть и историософскую мысль «русского англичанина» Замятина, роман которого вобрал в себя рассуждения о законах как мировой, так и русской истории. Не случайно Л.В. Полякова рассматривает его *tagnum opus* в свете идей Ясперса, Гвардини, Шпенглера, но также и Бердяева, Соловьева [Полякова 2022].

Тем не менее замятинский роман не может быть должным образом воспринят без учета его жанровой предыстории — не только мировой утопии (от Платона до Свифта), но и прозы Гоголя, Достоевского, Салтыкова-Щедрина. И даже «интернациональная» научная мысль у писателя пропущена сквозь призму идей Достоевского, воспринимающего математику под знаком морали и нравственности: темы «подлой арифметики», взаимоотношений человека и государства, нравственного выбора личности выдвигаются в романе «Мы» на передний план. Кроме того, утопизм — коренное свойство русского самосознания, предельно обострившееся в революционную эпоху. И сам протест «еретика» Замятина против всего застывшего, в том числе и жанрового канона, — все это «очень по-русски». Максимализм, неприятие полумер, срединности, умеренности — характерное для русской души свойство (скифство, еретичество) — в романе подается как математическое понятие предела функции.

Национальный колорит «Чертухинского балакиря» Клычкова очевиден уже потому, что писатель показывает основу основ русской жизни — *деревню*, тогда как Замятин и Булгаков подключаются к традиции *локальных мифов* — *петербургского* [Кольцова 1999: 65–76] и *московского текстов* [Скорospelова 2003: 53].

Роман Платонова вбирает в себя всю провинциальную Россию — деревню и провинциальные города (или обобщенный город).

И все же жанровая природа русского неомифологического романа определяется отнюдь не тематикой и не хронотопом: как бы ни были широки обобщения, важен выход за пределы романного канона, сформированного русской прозой предшествующего столетия, или отмеченное Мелетинским «возвращение к мифу». Но если замятинский роман-антиутопия отсылает к мифу как таковому (автор мыслит категориями мифа и сказки, о чем свидетельствуют его статьи о романах Уэлса, с которыми он соотносит свое творчество), то клычковский роман предоставляет читателю возможность увидеть «перетекание» былички в сказку [Вавулина, Кольцова 2018].

Для Булгакова образцом становится средневековая мистерия, хранящая память о синкретизме мифа [Вавулина, Кольцова 2013]. Не вызывает сомнений, что в «Чевенгуре» (при всей сложности его жанровой природы) — к мифу «ведёт» наследующая ему притча: платоновское странноречие — это действительно тот мифический «предъязык», о котором пишет Руднев. Сомнамбулический гротеск Платонова, коррелирующий с абсурдистской эстетикой XX столетия, с открытиями сюрреалистов, уводит читателя в мир «темного» слова провидца-визионера, в область жуткого и загадочного языка видений [Ромодановская 2002], снов и заговоров, в царство «кро-

мешной» культуры — в том числе в традицию анекдотов о пошехонцах [Кольцова 2016].

Сегодня, почти век спустя, пожалуй, уже можно говорить о памяти жанра неомифологического романа: его разновидности — притча, сказка, мистерия и особенно антиутопия — одни из самых востребованных в современной культуре (в том числе в литературе фэнтези, а также в кинематографе). В поэтике произведений Айтматова, Водолазкина, Толстой, Варламова и др. отчетливо проступает жанровая доминанта русского неомифологического романа 1920–1940-х годов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вавулина А.В., Кольцова Н.З.* «Мастер и Маргарита»: роман или опера? (к вопросу о музыкальной природе булгаковского романа) // Язык, литература, культура: актуальные проблемы изучения и преподавания. 2013. № 9. С. 235–255.
2. *Вавулина А.В., Кольцова Н.З.* Языковая личность рассказчика в романе С. Клычкова «Чертухинский балакирь» // Язык, литература, культура: актуальные проблемы изучения и преподавания. 2018. № 14. С. 81–100.
3. *Зейферт Е.И.* Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX — начала XXI вв. Лаге, 2009.
4. *Кольцова Н.З.* О платоновских «дураках» (роман «Чевенгур») // Проблемы неклассической прозы. М., 2016. С. 205–212.
5. *Кольцова Н.З.* Роман Евгения Замятина «Мы» и «петербургский текст» русской литературы // Вопросы литературы. 1999. № 4. С. 65–76.
6. *Кузнецов И.В.* Мифология мифа как фундамент культуры постмодерна // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 1. С. 42–49. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-42-49>.
7. *Линьлин Чжан.* Математика как организующее начало системы персонажей в романе А. Белого «Петербург» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. № 1. С. 168–179.
8. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 2000.
9. *Миц З.Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Миц З. Г. Блок и русский символизм: Избранные труды: В 3 кн. Кн. 3: Поэтика русского символизма. СПб., 2004.
10. *Полонский В.В.* Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX — начала XX века. М., 2008.
11. *Полякова Л.В.* Проза Е.И. Замятина: историософские искания художника. Тамбов, 2022.
12. *Ромодановская Е.К.* Рассказы сибирских крестьян XVII—XVIII вв. о видениях (К вопросу о специфике жанра видений) // Ромодановская Е.К. Сибирь и литература. XVII век. Избранные труды. Новосибирск, 2002.
13. *Руднев В.П.* Словарь культуры XX века. М., 1997.
14. *Рымарь Н.Т.* Введение в теорию романа. Воронеж, 1989.
15. *Скорospelова Е.Б.* Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М., 2003.
16. *Топоров В.Н.* Неомифологизм в русской литературе начале XX в. Роман А.А. Кондратьева «На берегах Ярыни». Trento, 1990.
17. *Хализев В.Е.* Теория литературы. М.: Высшая школа, 2004.

REFERENCES

1. Vavulina A.V., Kol'tsova N.Z. «Master i Margarita»: roman ili opera? (k voprosu o muzykal'noi prirode bulgakovskogo romana) [«The Master and Margarita»: novel or opera? (On the musical nature of Bulgakov's novel)]. *Yazyk, literatura, kul'tura: aktual'nye problemy izucheniya i prepodavaniya*. Moscow: MAKS Press Publ., 2013, № 9, pp. 235–255. (In Russ.)
2. Vavulina A.V., Kol'tsova N.Z. *Yazykovaya lichnost' rasskazchika v romane S. Klychkova «Chertukhinskii balakir»* [The linguistic personality of the narrator in S. Klychkov's novel *Chertukinski Balakir*]. *Yazyk, literatura, kul'tura: aktual'nye problemy izucheniya i prepodavaniya*. Moscow: MAKS Press Publ., 2018, № 14, pp. 81–100. (In Russ.)
3. Zeifert E.I. *Zhanr i etnicheskaya kartina mira v poezii rossiiskikh nemtsev vtoroi poloviny XX — nachala XXI vv.* [Genre and ethnic picture of the world in the poetry of russian Germans of the second half of the 20th — early 21st centuries]. Lage: *BMV Verlag Robert Burau*, 2009. 525 p. (In Russ.)
4. Kol'tsova N.Z. *O platonovskikh «durakakh»* (roman «Chevengur») [About Platonov's «fools» (the novel *Chevengur*)]. *Problemy neklassicheskoi prozy: sbornik statei*. Issue 2. Moscow: MAKS Press Publ., 2016, pp. 205–212. (In Russ.)
5. Kol'tsova N.Z. *Roman Evgeniya Zamyatina «My» i «peterburgskii tekst» russkoi literatury* [Evgeny Zamyatin's novel *We* and the «Petersburg text» of Russian literature]. *Voprosy literatury*, 1999, № 4, pp.65–76. (In Russ.)
6. Kuznetsov I.V. *Mifologiya mifa kak fundament kul'tury postmoderna* [Mythology of myth as the foundation of postmodern culture]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, vol. 24, № 1, pp. 42–49, doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-42-49. (In Russ.)
7. Lin'lin' Chzhan. *Matematika kak organizuyushchee nachalo sistemy personazhei v romane A. Belogo «Peterburg»* [Mathematics as an organizing principle of the system of characters in a Bely's novel *Petersburg*]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology], 2023, № 1, pp. 168–179. (In Russ.)
8. Meletinskii E.M. *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow: *Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN*, 2000, 407 p. (In Russ.)
9. Mints Z.G. *O nekotorykh «neomifologicheskikh» tekstakh v tvorchestve russkikh simvolistov* [On some «neomythological» texts in the works of Russian symbolists]. Mints Z.G. *Blok i russkii simvolizm: Izbrannye trudy: V 3 knigakh*. Kn. 3: *Poetika russkogo simvolizma. SPb.: Iskusstvo Publ.*, 2004, pp. 59–96. (In Russ.)
10. Polonskii V.V. *Mifopoetika i dinamika zhanra v russkoi literature kontsa XIX — nachala XX veka* [Mythopoetics and the dynamics of the genre in Russian literature of the late 19th — early 20th centuries]. Moscow: *Nauka Publ.*, 2008, p. 265. (In Russ.)
11. Polyakova L.V. *Proza E.I. Zamyatina: istoriosofskie iskaniya khudozhnika* [Prose by E.I. Zamyatin: the artist's historiosophical quest]. Tambov: *Izdatel'skii dom «Derzhavinskii»*, 2022, 748 p. (In Russ.)
12. Romodanovskaya E.K. *Rasskazy sibirskikh krest'yan XVII—XVIII vv. o videniyakh (K voprosu o spetsifike zhanra videnii)* [Stories of Siberian peasants of the 17th–18th centuries about visions (On the issue of the specificity of the genre of visions)]. Romodanovskaya E.K. *Sibir' i literatura. XVII vek*. Novosibirsk: *Nauka Publ.*, 2002, 391 p. (In Russ.)
13. Rudnev V.P. *Slovar' kul'tury XX veka* [Dictionary of XX century culture]. Moscow: *Agraf Publ.*, 1997 (In Russ.)

14. Rymar' N.T. *Vvedenie v teoriyu romana* [Introduction to the theory of the novel]. Voronezh: izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1989 (In Russ.)
15. Skorospelova E.B. *Russkaya proza XX veka: ot A. Belogo («Peterburg») do B. Pasternaka («Doktor Zhivago»)* [Russian prose of the 20th century: from A. Bely (*Petersburg*) to B. Pasternak (*Doctor Zhivago*)]. Moscow: TEIS Publ., 2003, 420 p. (In Russ.)
16. Toporov V.N. *Neomifologizm v russkoi literature nachale XX v. Roman A.A. Kondrat'eva «Na beregakh Yaryni»* [Neo-mythologism in Russian literature of the early 20th century. A. A. Kondratyev's novel *At the banks of the Yarina*]. Edizioni M.V. Trento, 1990 (In Russ.)
17. Khalizev V.E. *Teoriya literatury* [Literary Theory]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 405 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 30.08.2024

Принята к публикации 18.02.2025

Отредактирована 06.03.2025

Received 30.08.2024

Accepted 18.02.2025

Revised 06.03.2025

ОБ АВТОРЕ

Кольцова Наталья Зиновьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; koltsovaru@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia Z. Koltsova — PhD in Philology, Associate Professor, Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; koltsovaru@rambler.ru

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС САМАРСКИХ ГОВОРОВ: КАРТЫ И КОММЕНТАРИИ / Под ред. Т.Е. Баженовой. Самара, 2021. 80 с.: ил.

С.А. Мызников

Институт славяноведения РАН, Москва, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; myznikovs@rambler.ru

М.Д. Королькова

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; skifane@gmail.com

Аннотация: «Лексический атлас самарских говоров», вышедший в 2021 году, представляется исключительно важным научным трудом, продолжающим лингвогеографические традиции описания говоров Поволжья. Рецензия имеет безусловно положительный характер, кратко описывается исторический контекст появления обсуждаемого атласа и его структура, оценивается вклад, вносимый этой работой в русскую диалектологию и диалектную лексикологию.

Ключевые слова: лингвогеография; русская диалектология; Поволжье
doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-14

Для цитирования: Мызников С.А., Королькова М.Д. Рецензия на книгу: Баженова Т.Е. (ред.) Лексический атлас самарских говоров: карты и комментарии. Самара, 2021. 80 с.: ил. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 178–184.

BOOK REVIEW: LEXICAL ATLAS OF SAMARA DIALECTS: MAPS AND COMMENTS. Ed. by Tatyana E. Bazhenova. Samara, 2021. 80 p.

Sergey A. Myznikov

*Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg,
Russia; myznikovs@rambler.ru*

Mariia D. Korolkova

*Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg,
Russia; skifane@gmail.com*

Abstract: We believe that *The Lexical Atlas of the Samara Dialects* published in 2021 is a highly prominent scholarly work and a proper continuation of the tradition of linguogeographic description of the Volga region dialects. In our completely favourable review we give a brief outline of the historical context in which the Atlas was conceived, a short description of its structure, and the evaluation of the contribution of this work to Russian dialect studies and dialect lexicology.

Key words: linguogeography; Russian dialectology; Volga region

For citation: Myznikov S.A., Korolkova M.D. (2025) Book Review: *Lexical Atlas of Samara Dialects: Maps and Comments*. Ed. by Tatyana E. Bazhenova. Samara, 2021. 80 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 178–184.

Необходимость комплексного и системного исследования лексики русских говоров подготовлена всем сегодняшним развитием диалектологической науки. Накопление материала, проходящее на протяжении уже более чем двух веков, позволило составить не только такой масштабный лексикографический источник, как «Словарь русских народных говоров» [1965 — наст. время], но и ряд региональных диалектных словарей, которые представляют самостоятельную ценность, так как описывают специфику диалектных лексических систем в отдельных регионах.

Методы лингвистического картографирования лексики, примененные в ряде атласов, в первую очередь в «Диалектологическом атласе русского языка» [1986, 1996 и др.] и в «Лексическом атласе русских народных говоров» [2017, 2022], позволяют продемонстрировать лексическое разнообразие русских диалектов и обогатить наше представление о составе русского языка в целом. Но масштабные проекты, охватывающие огромные территории, не позволяют подробно раскрыть специфику отдельных регионов, обладающих самобытным характером. К таким относится значимый регион Среднего Поволжья — Самарская область.

В настоящее время значительно возрос интерес к изучению лексического состава русских диалектов методами лингвогеографии, что позволяет проводить комплексное изучение лексикона, на котором в дальнейшем может базироваться включение полученных данных в новейшие научные парадигмы. В этой связи работа Т.Е. Баженовой представляется крайне важным и нужным трудом.

Работа над изучением Поволжских говоров началась еще в 1940-х годах с собирания материалов для «Диалектологического атласа русского языка» и с активного изучения этих говоров В.А. Малаховским и А.Н. Гвоздевым. В 2000 году вышло первое лингвогеографическое обследование говоров Поволжья — «Атлас

русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья» [2000], отразивший черты говоров Ульяновской, Самарской, Пензенской, Саратовской и Волгоградской областей. В этом издании опубликована наиболее представительная часть карт. Полная версия атласа хранится в Саратовском университете и содержит 180 карт. Этот атлас составлен в Саратовском университете Л.И. Баранниковой по материалам обширной картотеки, хранящейся в Саратовском университете.

В 2009 году в свет вышел «Атлас говоров Самарского края», составленный Т.Ф. Зибровой и М.Н. Барабиной [2009], представивший в форме диалектологических карт важнейшие фонетические и грамматические особенности самарских говоров. И в настоящее время научная необходимость картографирования диалектной лексики выделяется как первостепенная задача в исследовании самарских говоров.

В этом контексте выход в свет в 2021 году «Лексического атласа самарских говоров», составленного российским диалектологом, доц. Т.Е. Баженовой, очень своевременно и актуально, так как этот научный труд продолжает лингвогеографическое описание говоров Поволжья и собственно Самарской области.

Территория обследования самарского лексического атласа ограничена Самарской областью, включающей 27 административных районов. На карты атласа нанесены 157 населенных пунктов с расстоянием около 30 км, что позволяет максимально полно и емко продемонстрировать лексические особенности говоров картографируемого ареала (с. 4). Очень значимо, что в самарском лексическом атласе сохранена территориальная преемственность с существующими региональными атласами, позволяющая воспринимать его в контексте всей проделанной лингвогеографической работы в Поволжье. Эта преемственность выражается в сохранении параметров карты-бланковки, использованной в предыдущих атласах этой территории и опоре на программу-вопросник, разработанную в Институте русского языка РАН для составления Диалектологического атласа русского языка. Источником материала для составления самарского лексического атласа послужила обширная (более 7000 единиц) словарная картотека, собираемая в течение 1939–2019 гг. Значительная часть материалов последних лет была собрана под руководством доц. Т.Е. Баженовой.

В самарском лексическом атласе содержится 72 карты, отражающие ответы на вопросы из раздела «Лексика» из Программы собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка, созданной под руководством Р.И. Аванесова, Б.А. Ла-

рина и Ф.П. Филина [1947]. Наглядность и ясность карт достигается четкой системой картографических символов, использующих форму и заливку значка. Знаковая система строится на противопоставлении геометрических фигур (круга, квадрата, треугольника, ромба, прямоугольника и др.) и их внешних графических модификаций (различные виды штриховки, заливки и др.). Ярким примером контрастной передачи противопоставленных диалектных различий является карта № 4 «Чердак над жилым помещением», где значки разной формы и цвета показывают разные названия чердака над жилым помещением (с. 15).

Каждая карта сопровождается легендой, где указываются условные обозначения, алфавитным списком картографируемых слов, а также подробным комментарием, в котором приводится тема карты, основные противопоставления и образуемые ареалы, а также единичные и редкие лексемы по теме карты. Кроме того, значимым и с научной, и с учебной точек зрения является этнографический комментарий для многих реалий, отражаемых на картах, напр., карта № 7 «Огороженное место для скота при доме» (с. 18). В некоторых случаях комментарий сопровождается яркими фотографическими или схематичными иллюстрациями, которые наглядно поясняют особенности реалии, напр., карта № 10 «Постройка для сушки снопов» (с. 21).

Присутствие в томе вспомогательных карт № 1 и 2, «Схематичное изображение административных районов Самарской области» и «Отображение распространения оканья и аканья на обследуемой территории» (с. 11), очень помогают в работе с атласом.

Как справедливо отмечает автор, карты самарского лексического атласа демонстрируют большую вариативность в диалектном обозначении той или иной реалии, и нередко отмечается сосуществование нескольких вариантов в пределах говора одного села (с. 4). Возможность для передачи этой вариативности — специфическая черта регионального атласа, которая позволяет сохранить всё богатство самарской диалектной лексической системы.

В материалах атласа отражаются этноязыковые контакты в регионе, например, на карте № 13 «Деревянная изгородь» (с. 24) представлена лексема **турлук**, которая традиционно рассматривается как тюркизм, отмечаемый также в южнорусских говорах, а также говорах Кубани: **турлу'к** 'плетень, обмазанный глиной с навозом' Кубан. Ряз.; при турец. *torluk* 'землянка' (Радлов 3, 1187). Хотя в данном случае это может быть опосредованный тюркизм, попавший в русский диалектный лексикон из украинского континуума,

ср. укр. **турлучний, турлучній** 'о здании: из плетня, обмазанного глиной' (Гринченко, 4, 297) [Мызников 2019: 813].

В некоторых случаях вопрос карты представляет собой совмещение нескольких реалий. Так, например, в карте № 37 «Большая кладка снопов или сена в поле» (с. 45) в результате представлены лексемы традиционной крестьянской культуры, относящиеся к кладке снопов: **суслон, хрест, кладь**; к наименованиям стога сена: **острамок, одонье**; к реалиям колхозной хозяйственной жизни: **скирда** с вариантами.

На наш взгляд, в региональном атласе имеется возможность детального показа лексической манифестации реалий материальной культуры и традиционного хозяйства.

Высказанные соображения никоим образом не снижают высокой научной оценки данного труда, и следует констатировать, что «Лексический атлас самарских говоров» представляет собой работу, выполненную на высоком научном уровне, с весьма высокой практической значимостью. Весьма успешно продемонстрированы возможности лингвогеографического изучения лексических диалектных данных на синхронном срезе одного региона. Появление в научном обиходе регионального атласа — очень значимое событие, которое может послужить наглядным примером для дальнейшего развития региональной лексической лингвогеографии как дополнительных штудий в русле «Лексического атласа русских народных говоров».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранникова Л.И. Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Саратов, 2000.
2. Гринченко Б.Д. Словарь української мови. Тт. I–IV. Киев, 1907–1909.
3. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 1. Фонетика / Под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. М., 1986.
4. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 3. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. Справочный аппарат / Ред. О.Н. Мораховская. М., 1996.
5. Зиброва Т.Ф. Атлас говоров Самарского края: учеб. пособие / Т.Ф. Зиброва, М.Н. Барабина. Самара, 2009.
6. Лексический атлас русских народных говоров: Т. 1. Растительный мир / Отв. ред. Т.И. Вендина. М.; СПб., 2017.
7. Лексический атлас русских народных говоров: Т. 2. Животный мир / Отв. ред. Т.И. Вендина. М.; СПб., 2022.
8. Мызников С.А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб., 2019.
9. Программа собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка / Академия наук СССР. Институт русского языка. [2-е изд.]. М.; Л., 1947.

10. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Тт. I-IV. СПб., 1899-1911.
11. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Т. 1-52. М.; Л. / СПб., 1965 — наст. время.

REFERENCES

1. Barannikova L.I. *Atlas russkikh govorov Srednego i Nizhnego Povolzh'ya* [Atlas of Russian dialects of the Middle and Lower Volga region]. Saratov, 2000. 103 p. (In Russ.)
2. Grinchenko B.D. *Slovar' ukraïns'koï movi* [Dictionary of Ukrainian language]. Vol. I–IV. Kyiv, 1907–1909. (In Ukr.)
3. *Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka. Centr Evropejskoj chasti SSSR. Vyp. 1. Fonetika* [Dialectological atlas of the Russian language. Center of the European part of the USSR. Issue. 1. Phonetics]. R.I. Avanesov, S.V. Bromley (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1986. 288 p. (In Russ.)
4. *Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka. Centr Evropejskoj chasti SSSR. Vyp. 3. Sintaksis. Leksika. Kommentarii k kartam. Spravochnyj apparat* [Dialectological atlas of the Russian language. Center of the European part of the USSR. Issue. 3. Syntax. Vocabulary. Comments on maps. Reference apparatus]. O.N. Morakhovskaya (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1996. 375 p. (In Russ.)
5. *Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov: T. 1. Rastitel'nyj mir* [Lexical atlas of Russian folk dialects: T. 1. Plant world]. T.I. Vendina (ed.). Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. 736 p. (In Russ.)
6. *Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov: T. 2. ZHivotnyj mir* [Lexical atlas of Russian folk dialects: T. 2. Animal world]. T.I. Vendina (ed.). Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. 768 p. (In Russ.)
7. Myznikov S.A. *Russkij dialektnyj etimologicheskij slovar'. Leksika kontaktnyh regionov* [Russian dialect etymological dictionary. Vocabulary of contact regions]. M.; St. Petersburg: Nestor-History, 2019. 1064 p. (In Russ.)
8. Radlov V.V. *Opyt slovarya tyurkskikh narechij* [Working on the dictionary of Turkic dialects]. Тт. I–IV. St. Petersburg, 1899–1911. (In Russ.)
9. *Programma sobiraniya svedenij dlya sostavleniya Dialektologicheskogo atlasa russkogo yazyka* [The program for collecting information for compiling the Dialectological Atlas of the Russian Language]. Academy of Sciences of the USSR. Russian Language Institute. [2nd ed.]. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1947. 218, [6] p. (In Russ.)
10. *Slovar' russkikh narodnyh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov (Ch. Ed.). Т. 1–52. Moscow; Leningrad / St. Petersburg, 1965–. (In Russ.)
11. Zibrova T.F. *Atlas govorov Samarskogo kraja: ucheb. posobie* [Atlas of dialects of the Samara region: textbook]. T.F. Zibrova, M.N. Drum (ed.). Samara: Samara University Publishing House, 2009. 116 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 01.10.2023

Принята к публикации 28.08.2024

Отредактирована 06.03.2025

Received 01.10.2023

Accepted 28.08.2024

Revised 06.03.2025

ОБ АВТОРАХ

Мызников Сергей Алексеевич — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики, Институт славяноведения РАН, Москва, заведующий Отделом диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург; myznikovs@rambler.ru

Королькова Мария Денисовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург; skifane@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Sergey A. Myznikov — Prof. Dr., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow of the Center of Areal Linguistics Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Dialect Lexicography and Linguogeography of the Russian Language, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences; myznikovs@rambler.ru

Mariia D. Korolkova — PhD in Philology, Senior Research Fellow of the Department of Dialect Lexicography and Linguogeography of the Russian Language, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences; skifane@gmail.com

«ПРОНИКАЯ В НЕПРОНИЦАЕМУЮ СУЩНОСТЬ»

Рецензия на книгу: Поэзия мысли: от романтизма к современности. К 220-летию Е.А. Боратынского. Коллективная монография / общ. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. СПб.: Нестор-История, 2023. 448 с. (Серия: Русская литература и философия: пути взаимодействия; вып. 6).

А.П. Дмитриев

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; Санкт-Петербург, Россия; apdspb@gmail.com

Аннотация: В коллективной монографии «Поэзия мысли: от романтизма к современности» решается задача теоретического обоснования феномена «поэзии мысли» в его неоднозначных взаимоотношениях с «поэзией эмоции» и «философской поэзией». В книге анализируется наследие Е.А. Боратынского и его рецепция в творчестве поэтов XIX–XXI веков, а также рассматриваются трансформации и метаморфозы феномена «поэзии мысли» в русской литературе начиная с конца XVIII столетия. Издание представляет собой значимое научное исследование.

Ключевые слова: поэзия мысли; философская поэзия; романтизм; модернизм; Е.А. Боратынский; А.М. Песков; эмблематика; мифологема; художественная антропология

Финансирование: Исследование выполнено при Институте научной информации по общественным наукам РАН в рамках проекта Российского Научного Фонда № 23-2800020. *Шевырёв С.П.* Полное собрание литературно-критических трудов: в 7 т. Т. 5–6.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-15

Для цитирования: *Дмитриев А.П.* «Проникая в непроницаемую сущность»: Рецензия на книгу: Поэзия мысли: от романтизма к современности. К 220-летию Е.А. Боратынского. Коллективная монография / общ. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. СПб.: Нестор-История, 2023. 448 с. (Серия: Русская литература и философия: пути взаимодействия; вып. 6) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 185–191.

“PENETRATING THE IMPENETRABLE ESSENCE”

Poetry of Thought: From Romanticism to Modernity. To the 220th Anniversary of E.A. Boratynsky. Collective monograph / general. ed. and comp. E.A. Tahoe-Godi. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2023. 448 p. (Series: Russian Literature and Philosophy: Ways of Interaction; issue 6)

A.P. Dmitriev

*Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS; Saint Petersburg, Russia;
apdspb@gmail.com*

Abstract: The collective monograph *Poetry of Thought: From Romanticism to Modernity* solves the problem of theoretical substantiation of the phenomenon of “poetry of thought” in its ambiguous relationship with “poetry of emotion” and “philosophical poetry”. The book analyzes Boratynsky’s legacy and its reception by poets in 19th–21st centuries, and also examines the metamorphoses of the phenomenon of “poetry of thought” in Russian literature since the end of the 18th century. The monograph represents a significant academic study.

Keywords: poetry of thought; philosophical poetry; romanticism; modernism; E.A. Boratynsky; A.M. Peskov; emblems; mythologem; artistic anthropology

Funding: The study was carried out at the Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS; within the framework of the Russian Science Foundation project No. 23-2800020. Shevyrev S.P. Complete collection of literary critical works: in 7 volumes. Vol. 5–6.

For citation: Dmitriev A.P. (2025) “Penetrating the Impenetrable Essence”: Poetry of Thought: from Romanticism to Modernity. To the 220th Anniversary of E.A. Boratynsky. Collective monograph / general. ed. and comp. E.A. Tahoe-Godi. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2023. 448 p. (Series: Russian Literature and Philosophy: Ways of Interaction; issue 6). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 185–191.

Очередной, шестой по счету, выпуск серии научно-исследовательских трудов «Русская литература и философия: пути взаимодействия», издаваемой начиная с 2018 года под эгидой Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, представляет собой коллективную монографию, приуроченную к 220-летию Е.А. Боратынского.

Старинный спор о написании второй буквы в фамилии поэта здесь разрешился в пользу «о», вызвав ожидаемый разнобой, поскольку почти во всех цитатах, приводимых исследователями, — Баратынский, а в авторской речи — только Боратынский. На этот диссонанс указывается во «Введении», где приносятся извинения

перед «взыскательными читателями». Составитель издания ссылается на авторитет таких «борцов» за написание буквы «о», как М.Л. Гофман и профессор Московского университета А.М. Песков, хотя указывает, что и А.М. Песков в личной переписке рубежа 1980–1990-х годов «зачастую отступал от данного требования» (10).

Надо сказать, что рецензируемый выпуск «литературно-филологической» серии впервые целиком посвящен поэзии. Отметим, что уже на первых страницах цитируется афоризм Любомира Д.В. Веневитинова «Поэзия неразлучна с философией» (13), а далее и сходные по смыслу изречения из сочинений немецких романтиков, к которым восходят слова Веневитинова. Таким образом, в коллективной монографии задается основной лейтмотив разрабатываемой проблематики, которой посвящена вся серия, и ставится в качестве основополагающей задача теоретического обоснования феномена «поэзии мысли» в его неоднозначных взаимоотношениях с «поэзией эмоции» («сердечного воображения») и «философской поэзией». Один из участников издания, А.М. Ранчин, предлагает даже математически выверенный алгоритм для опознания текстов, соответствующих категории «поэзия мысли» (335–336).

Авторский коллектив весьма представительен и включает 35 исследователей из 10 регионов России (преобладают москвичи — их 24 человека) и 6 ученых из Сербии, Германии, Франции и США. Издание готовилось по материалам одноименной конференции 2020 г., в период ковидной эпидемии, и два автора — доктора филологических наук Наталья Владимировна Володина (Череповец) и Антонина Григорьевна Грек (Москва), — к сожалению, не дождались его выхода в свет, а в октябре 2023 г. скончался волгоградский профессор Александр Иванович Пигалев, автор первого раздела монографии.

Структурно в книге выделены две части. В первой («Е.А. Боратынский: эстетика, поэтика, интерпретации»), подразделяющейся в свою очередь на две главы, анализируется творчество самого поэта. В главе I рассматриваются концепты, отдельные категории, мотивы, мифологемы Боратынского; в главе II — взаимовлияния и рецепция его наследия прежде всего современниками: Пушкиным, Вяземским, В. Одоевским — и писателями-модернистами, среди которых — Брюсов, Розанов, З. Гиппиус, Мережковский, Блок, Иван Коневской, Вяч. Иванов, Андрей Белый, Айхенвальд (цитату из его очерка о Боратынском мы использовали в заголовке рецензии) и др.

Вторая часть книги («Поэзия мысли — трансформации и метаморфозы») включает три главы, в которых этот феномен трактуется в хронологическом порядке: в отечественной литературе конца XVIII — второй половины XIX столетия (от Державина до Фета),

в поэзии Серебряного века (от И. Анненского до Мандельштама) и в литературе Новейшего времени вплоть до наших дней (от Б. Божнева до О. Седаковой).

Следует признать, что книга получилась весьма достойная; причем в отличие от иных «коллективных монографий», лишь внешним образом совмещающих разнородные компоненты, здесь ощущается внутреннее единство составляющих книгу разделов-параграфов, обеспеченное прежде всего присущей им основательной теоретической рефлексией над феноменом «поэзия мысли». Краткая рецензия не позволяет остановиться на всех материалах, заслуживающих внимания. Выделим лишь параграфы с наиболее глубокой и оригинальной, на наш взгляд, проработкой заявленных тем.

А.И. Пигалев (раздел «Примирение философии с поэзией в немецком и русском романтизме») показал, что в лирике Боратынского, как и в русском романтизме в целом, происходило движение от поэтического языка чувства и образа к языку, основанному на точности стиля и слога, — в соответствии с принципами просветительского рационализма. Тогда как в немецком романтизме, для которого этот этап был позади, поэтический язык претендовал на роль философского, осваивающего глобальные мировоззренческие и цивилизационные проблемы. Исследователь справедливо подчеркивает «ведущую роль» С.П. Шевырева (13) в обосновании понятий «поэзия мысли» и «поэт мысли», правда, не развивая этот тезис. Поэтому, кстати сказать, отсутствие в книге особого параграфа, посвященного взаимоотношениям Боратынского и Шевырева, представляется досадным упущением.

Из произведений Боратынского авторы предсказуемо чаще всего обращаются к сборнику «Сумерки» (И.А. Александров о «мифологии света», В.П. Троицкий о поэтике и генезисе заголовка и др.) и, в частности, к стихотворению «Недоносок» (В.Ю. Даренский о мотиве «второго рождения», Т.А. Касаткина об «аспектах художественной антропологии» в этом произведении). Наиболее интересна последняя из названных интерпретаций стихотворения: исследовательница убедительно раскрыла сущность антропологической концепции поэта, которая, вопреки сложившимся стереотипам восприятия «Недоноска» (сквозь призму платонически-гностицистских идей, в метафорическом плане и пр.), зиждется на христианских представлениях о посмертии новорожденного и возможностях развития человеческого духа только в пределах его земного существования (58–62).

Богатый материал как для комментирования ряда поздних стихотворений поэта, так и для утверждения о том, что в основе его творческой диалектики лежит метод эмблематики, дает объемный

раздел «Е.А. Боратынский — искушение недоказуемым», написанный Е.А. Тахо-Годи. Здесь предложено множество гипотез, порой дерзких, но всегда дельных и будящих мысль, поскольку основаны они на кропотливом анализе различных аналогий, соположений и претекстов, для чего привлекаются: «Метаморфозы» Овидия, ветхозаветные книги Царств и Екклесиаст, проповеди Лютера и Феофана Прокоповича, «Сон в летнюю ночь» Шекспира, живопись Рембрандта и Ф. Буше, трактаты Э. Сведенборга и Я. Бёме, поэзия В. Гюго и Й. Цедлица, Карамзина, Сумарокова, Кюхельбекера и др. (74–107). Не менее интересен подготовленный Д.П. Ивинским параграф «“Две повести в стихах”: 14 декабря, Николай I, князь П.А. Вяземский и другие», где убедительно реконструируется замысел Пушкина, напечатавшего «Графа Нулина» под одной обложкой с «Балом» Боратынского, состоявший в том, чтобы завуалировать свои симпатии к политике Николая I по отношению к либеральной оппозиции (108–116).

Из четырех разделов, посвященных модернистским интерпретациям личности Боратынского как «предтечи символизма», выделяется параграф «Поэт-философ о поэте мысли: Е.А. Боратынский в восприятии Вяч. Иванова», написанный Ю.Ю. Анохиной (149–157), не так давно защитившей в Московском университете кандидатскую диссертацию о поэте-романтике.

Вторая часть книги объединяет 23 раздела, авторы которых плодотворно исследуют динамику развития феномена «поэзии мысли» в русской культуре на протяжении двух с половиной столетий. Перечислим поэтов, которым посвящены особые сюжеты монографии: Н.А. Львов, Г.Р. Державин, А.Х. Востоков, В.А. Жуковский, Ф.Н. Глинка, Н.В. Станкевич, А.С. Хомяков, К.С. и И.С. Аксаковы, Ф.И. Тютчев, С.П. Шевырев, А.А. Фет; И.Ф. Анненский, Д.С. Мережковский, Н.С. Гумилев, С.М. Городецкий, С.А. Есенин, О.М. Мандельштам, В.Ф. Ходасевич; Б.Л. Пастернак, Б.Б. Божнев, В.В. Набоков, И.А. Бродский, Е.А. Шварц, О.А. Седакова, А.С. Глазова. В качестве поэта выступает даже В.В. Розанов — в параграфе о его «поэтическом богословии», написанном сербским ученым Лазаром Милентиевичем (285–292).

Попутно с осмыслением «поэзии мысли» делаются интересные открытия, например: о «поворотном моменте в религиозно-эстетических поисках» Мережковского в 1892 году (В.В. Кравченко, «Религиозно-философские эксперименты в раннем поэтическом творчестве Д.С. Мережковского», 277–284), о философских предпосылках и обоснованиях зарождавшегося акмеизма (А.В. Филатов, «Н.С. Гумилев и С.М. Городецкий как теоретики акмеизма: к вопросу о философии нового течения», 293–300). Важны три раздела моно-

графии, авторы которых прослеживают рецепцию конкретных философских систем в творчестве отдельных поэтов. Имеем в виду работы Ю.В. Шевчук (о Л.М. Лопатине и И.Ф. Анненском, 239–245), О.М. Седых (об Освальде Шпенглере и О.Э. Мандельштаме, 301–310) и А.А. Азаренкова (о Франсуа Федье и О.А. Седаковой, 352–360). Т.Ф. Теперик проводит яркие сопоставления перевода оды Горация В.А. Жуковским с опытами других поэтов, в том числе третьестепенных («Поэзия мысли и поэзия чувства: ода Горация II, 3 (“К Делию”) в переводе В.А. Жуковского», 193–202)¹.

Отрадно, что не была забыта одна из первых книг-предшественниц рассматриваемой монографии — антология П.П. Перцова «Философские течения русской поэзии» (СПб., 1896; 2-е изд.: 1899), снабженная статьями, в которых предлагалось религиозно-философское осмысление поэтических подборок Пушкина, Боратынского, Лермонтова, Тютчева, Фета и других поэтов. Замечательно, что автор этого параграфа, В.Н. Крылов, привлекает неопубликованную переписку Брюсова с Перцовым, где обсуждались принципы освоения критикой «истинной философии поэзии» (255)².

В разделе «Историософские основания идеи славянского единства в поэзии А.С. Хомякова, братьев Аксаковых, Ф.И. Тютчева, С.П. Шевырева», написанном молодой исследовательницей А.Ф. Багаевой, к сожалению, присутствуют неточные суждения. Например, в связи с началом Крымской войны И.С. Аксаков получает такую характеристику: «критически оценивавший славянофильство и панславизм» (227) — и потому якобы в стихотворении «На Дунай! туда, где новой славы...» поэт призывает к участию в войне только ради «жажды подвига», которого людям недостает в обыденной жизни, а вовсе не для защиты поработанных турками славян. Как известно, Аксаков был редактором-составителем и активным участником всех трех славянофильских «московских сборников» (1846, 1847, 1852), а с начала 1860-х годов возглавил славянофильское движение. Воззвание же «На Дунай!» — это однозначный призыв именно к самопожертвованию ради братьев-славян. Объясняются досадные недочеты тем, что автор раздела здесь некритически опиралась на вступительную статью к однотомнику И. Аксакова в серии «Библиотека поэта», вышедшему в 1960 году, когда о публикации славянофильского наследия в СССР не могло быть и речи. Но чудо произошло. Правда, и научное издание полного корпуса поэзии лидера

¹ Видимо, исследовательнице был неизвестен перевод оды Горация А.С. Хомяковым, опубликованный, правда, недавно: Хомяков А.С. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. СПб.: Росток, 2021. Т. 1. С. 277–278.

² Отметим, однако, недосмотр: местоположение брюсовского архивного фонда № 386 в сносках указывается по-разному: то в РГАЛИ (255), то в ОР РГБ (257).

славянофилов И. Аксакова, безусловно, только и стало возможным благодаря статье А.Г. Дементьева и Е.С. Калмановского, основанной на благотворном в данных обстоятельствах принципе «ложь во спасение».

Впрочем, отмеченные случайные упущения нисколько не омрачают общего впечатления от книги, представляющей значимое для нашей науки исследование.

Завершается монография необычно и очень душевно — в качестве приложения к ней опубликован мемуарный очерк «Уроки Пескова», принадлежащий перу его ученицы Е.Е. Давыдовой-Пастернак (379–394). Теперь у знающих Алексея Михайловича только по его талантливым работам, прежде всего о Боратынском, появилась прекрасная возможность живо ощутить на себе обаяние этой светлой личности — прекрасного человека, ученого, педагога.

Поступила в редакцию 18.03.2024

Принята к публикации 28.08.2024

Отредактирована 06.03.2025

Received 18.03.2024

Accepted 28.08.2024

Revised 06.03.2025

ОБ АВТОРЕ

Дмитриев Андрей Петрович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; apdspb@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Andrey P. Dmitriev — Dr. Sci, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS; apdspb@gmail.com

ГОРЬКОВСКИЙ ОПЫТ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОПТИМИЗМА

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: М. Горький. Письма о литературе /
Под научн. ред. А.Г. Плотниковой; сост. О.В. Быстрова,
Е.В. Кудрина, Е.Н. Никитин, А.Г. Плотникова. М.:
Литературный институт имени А.М. Горького, 2023.
(Серия «Писатели о творчестве»). 368 с.

В.Н. Гусейнов

*Российский государственный художественно-промышленный университет
имени С.Г. Стrogанова, Москва, Россия; vagifng2007@yandex.ru*

Аннотация: Рецензируемое новое издание писем Горького о литературе предназначено для студентов творческих вузов и литераторов. Охват тем, которых касается в своих письмах к коллегам по цеху Горький, безграничен. Читателя ждут радостные открытия тонких горьковских наблюдений и глубоких размышлений о литературе как трибуне, с которой можно «упрекать и мстить», о партиях и свободе от них, о совести — писателя и человека, об оптимизме и любви к жизни, о равнодушии, о желании жить «с солнцем в крови», о боге, которого человек непременно встречает, как на пути «сверху вниз и внизу, в грязи», так и на пути «снизу вверх», о важности иметь чувство красоты, но еще более важным качеством иметь «хорошую, вдумчивую» душу, о литературе как наслаждении и литературе как служении, о ненависти к «достоешине» в русском характере и еще о многом другом. Ценность рецензируемого издания в том, что горьковское наследие предстает здесь как никогда актуальным в своем стремлении «пробуждать в человеке гордость самим собой», в опыте конструирования социального оптимизма.

Ключевые слова: Горький; письма о литературе; конструирование; социальный оптимизм; инженеры душ; начинающие писатели

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-16

Для цитирования: Гусейнов В.Н. Горьковский опыт конструирования социального оптимизма. Рецензия на книгу М. Горький. Письма о литературе / Под научн. ред. А.Г. Плотниковой; сост. О.В. Быстрова, Е.В. Кудрина, Е.Н. Никитин, А.Г. Плотникова. М.: Литературный институт имени А.М. Горького, 2023. (Серия «Писатели о творчестве»). 368 с. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 192–201.

GORKY'S EXPERIENCE OF CONSTRUCTING SOCIAL OPTIMISM REVIEW OF THE BOOK: M. Gorky. Letters About Literature / Ed. by A.G. Plotnikova; comp. O.V. Bystrova, E.V. Kudrina, E.N. Nikitin, A.G. Plotnikova. Moscow, Gorky Literary Institute, 2023. (Series "Writers on Creativity"). 368 p.

Vagif N. Guseynov

*Stroganov Russian State University of Design and Applied Arts, Moscow, Russia;
vagifng2007@yandex.ru*

Abstract: The peer-reviewed new edition of Gorky's letters on literature is intended for students of creative universities and writers. The scope of the topics that Gorky addresses in his letters to colleagues in the workshop is limitless. The reader will find joyful discoveries of subtle Gorky's observations and deep reflections on literature as a platform from which to "reproach and take revenge", about parties and freedom from them, about conscience — of a writer and a man, about optimism and love of life, about indifference, about the desire to live "with the sun in the blood", about God, whom a person will certainly meet, both on the way "from top to bottom and down in the mud" and on the way "from bottom to top", about the importance of having a sense of beauty, and even more important quality of having a "good, thoughtful" soul, about literature as pleasure and literature as service, about hatred of "Dostoevschina" in the Russian character, and much more. The value of the reviewed publication lies in the fact that the Gorky legacy appears here more relevant than ever in its desire to "awaken self-pride in a person", in the experience of constructing social optimism.

Keywords: Gorky; letters about literature; construction; social optimism; soul engineers; aspiring writers

For citation: Guseynov V.N. (2025) Gorky's Experience of Constructing Social Optimism. Review of the Book: *M. Gorky. Letters About Literature* / Ed. by A.G. Plotnikova; comp. O.V. Bystrova, E.V. Kudrina, E.N. Nikitin, A.G. Plotnikova. Moscow, Gorky Literary Institute, 2023. (Series "Writers on Creativity"). 368 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 192–201.

В 2023 году, в год 155-летнего юбилея А.М. Горького, две литературные институции, носящие его имя, академическая, Институт мировой литературы РАН, и образовательная, Литературный институт, объединились для издания тома избранных писем Горького о литературно-художественном творчестве — «Письма о литературе». Как сообщили составители, «книга предназначена для студентов творческих вузов, литераторов, всех знатоков и поклонников литературы и искусства».

На выход сборника отреагировал короткой, в саркастическом духе заметкой рецензент gorky.media¹, назвавший Горького писателем, «которого никто не читает, кроме Павла Басинского», порассуждавший об «олдскульных», для современных «криэйтив врайтеров»², рекомендациях Горького своим корреспондентам — начинающим авторам, подавляющее большинство которых так и не стало писателями выдающимися, и посетовавший на «душноватый» тон горьковских «упёртых» рекомендаций по овладению «техникой» литературного письма. В доказательство рецензент привел целый ряд действительно несколько комично звучащих сегодня горьковских «суровых» наставлений. Впрочем, автор рецензии признал, что «проблемы времен ликвидации безграмотности в наши дни зачастую неожиданно актуализируются» и в этом контексте, похоже, иронично оправдал «прагматическую и пропедевтическую» направленность издания.

На новое издание писем Горького откликнулся и журнал «Москва»³, похваливший составителей за предоставленную возможность вспомнить интересные события и реалии прошлого, например перипетии подготовки и выхода в свет тех или иных изданий, а заодно отметив задушевный характер писем и их полезность для начинающих авторов.

Эти отклики, к сожалению, не способствуют тому, чтобы перепиской Горького заинтересовался современный молодой читатель или начинающий автор, т. е., те, кому, главным образом, и адресована книга.

Впрочем, такой реакции отчасти способствуют и акцентировки во вводной редакторской статье к сборнику, в которой утверждается, что «главной задачей писателя Горький считал постоянное самосовершенствование — обучение, осознанное чтение, вдумчивое письмо», в которой педалируется забота Горького о «литературной грамоте» и его известная борьба с бранными словами и литературными «вшами» — обилием шипящих и свистящих звуков.

Горьковская дидактика, ставшая, как следует из редакторского предисловия, едва ли не главным содержанием публикуемых писем, плохо рифмуется с выбранным составителями эпиграфом к книге: «Вы спрашиваете: как писать? Пишите так, как будто Вы — свидетель на вековом суде правды с кривдой...» (письмо В.Д. Пушкинову, 23 ян-

¹ <https://gorky.media/reviews/obedayas-razlagayushhimisya-trupami-knigi-nedeli/> (дата обращения: 14.03.2024).

² Так в оригинале статьи на сайте gorky.media

³ https://moskvam.ru/publications/publication_3101.html?ysclid=lsudck8gw4456005983 (дата обращения: 14.03.2024).

варя 1929 г.)⁴, в котором сконцентрирована идейная программа творчества писателя. Современному молодому читателю и начинающему писателю полезно помнить, что Горький, выходец из социальных низов, бунтарь-индивидуалист в начале творческой биографии и организатор-коллективист к концу жизни, был не просто свидетелем, но деятельным участником переломных событий рубежа XIX–XX вв. В нем мировая культура нашла самого горячего, последовательного и убежденного сторонника «восстания масс», которое определило ход истории XX века и продолжает свою тектоническую преобразовательную миссию в XXI веке. Позволим себе за составителей сборника сказать, что горьковские письма о литературе тем и ценны, что литературу Горький считал способной «запечатлеть в красках, в словах, в звуках, в формах то, что есть в человеке наилучшего, красивого, честного, благородного», что задачу литературного творчества Горький видел в том, чтобы «пробуждать в человеке гордость самим собой, говорить ему о том, что он в жизни — самое лучшее, самое значительное, самое дорогое, святое и что кроме его — нет ничего достойного внимания. Мир — плод его творчества, Бог — частица его сердца и разума» (Пятницкому, 1900)⁵; что литература виделась ему «серьезным, боевым делом» (Добровольскому, 1905), что она «у нас, на Руси, дело священное, дело величайшее» (Семеновскому, 1913), что творчество «дело строгое, оно требует от человека-писателя всех его сил» (Брыкину, 1926) и что художественному слову Горький отводил решающую роль в пробуждении лучших начал человека: «Человек! Это великолепно! Это звучит гордо!». И потому «Письма о литературе», характеризуют, в первую очередь, горьковскую программу воскрешения человека, уничтожения культурной отсталости трудового человека, создания «второй природы» городов из камня и бетона и конечной победы над главными врагами человечества — страданиями и смертью: «Наука является основой культуры, главной силою, творящей “вторую природу”, которая и есть — культура»⁶. Его письма к начинающим писателям — свидетельства его искренней веры в силу образования и культуры («три человека строят культуру: ученый, художник и рабочий»⁷) и его жажды вернуть раздавленному нуждой и черным трудом человечеству ренессансную веру в свои силы. Эти

⁴ Горький М. Письма о литературе. М.: Советский писатель. 1957. (сост. А.И. Овчаренко). С. 380.

⁵ Здесь и далее в скобках указываются адресаты писем Горького и годы написания писем, представленных в рецензируемом сборнике.

⁶ Горький М. О культуре // Публицистические статьи. Л.: ОГИЗ-ЛЕНГИХЛ, 1933. С. 45.

⁷ Горький М. О культуре // Публицистические статьи. Л.: ОГИЗ-ЛЕНГИХЛ, 1933. С. 46.

свойства личности Горького, раскрывающиеся с особой ясностью в его «дидактике», обращенной к молодым литераторам, объясняют, почему предложение России включить в 2018 году 150-летний юбилей писателя во Всемирный календарь памятных дат ЮНЕСКО было поддержано целым рядом европейских стран, а юбилейные празднования охватили ведущие культурно-образовательные площадки России, Италии, Франции, Индии, Китая, Южной Кореи.

Нельзя не согласиться с составителями в том, что культура литературного творчества, по Горькому, основывается на безукоризненном владении техникой художественного письма: «Не зная столярного или сапожного ремесла, не имея представления о свойстве того или иного дерева, той или иной кожи — невозможно сделать даже плохонький стул, сшить даже грубый сапог. Писательство — тоже мастерство, в известной степени, писатель должен хорошо знать свой материал — язык, слово» (Барсукову, 1926; Кулагину, 1928; Новицкому, 1933). Закономерно, что Горький ставит перед своими адресатами не проходные образцы литературной техники и требует учебы у классиков и даже отверженных им по идейным соображениям декадентов: «как писали Тургенев, Чехов, как пишет повести и рассказы Толстой. Читайте Пушкина, Лермонтова, Некрасова, новых поэтов, напр. — Бальмонта, он — декадент, но великолепно знает язык» (Добровольскому, 1905).

Горький, чье творчество 1920-х гг. отмечено исключительной экспрессией и орнаментальностью, выступает тонким и высоко эрудированным критиком, когда чувствует, что нарушено «чувство стиля»: «Когда в одном и том же стихотворении встречаются два столь далекие друг от друга слова, как — нерусское — “блик” и — очень русское! — “клоп”, — я говорю, что здесь нет стиля, нет единства. На мой взгляд, только ирония позволяет сближать столь далекое, — ирония Бодлера, например» (Аренс-Гаккель, 1915).

Особое внимание Горький уделяет усвоению писателями богатств родного языка: «читайте таких писателей, каковы Лесков, у него изумительно велик лексикон, т. е. много слов и чист язык» (Гребенщикову, 1913), — и требует умения неподражательно им пользоваться: «рассказ написан хорошим языком, хотя, порою, автор не точен в определениях, порою — неуклюж. Видно, что у него богатый лексикон, но в построении фразы он не самостоятелен еще, своего лица у его фразы нет, читаешь и кажется: что это уже было читано» (Тихонову, 1907). «С печалью вижу, — жалуется Горький Федину, — как мало внимания обращает молодежь на язык, стремясь не к пластичности фразы, а к фигурности ее, редко удивляя и почти никогда не убеждая» (Федину, 1924). Впрочем, это не мешало Горькому с пониманием относиться к писательскому поиску новых форм

и благословить стилевые открытия: «Надо искать то, что еще не найдено: новое слово, рифму, образ, картину. Поэт — эхо мира, а не только — няня своей души» (Ахумяну, 1916).

Опытный литератор, Горький знает, что «требования к форме литературного произведения стоят очень высоко» (Гребенщикову, 1912). И дело в том, что форма для Горького суть первейшее впечатление, которое вызывает произведение в читателе, и он призывает следить за ее соответствием содержанию, не стесняясь резких, а потому и запоминающихся приговоров: «ритмическая проза — опасная форма, в ней есть нечто ублюбочное. Писать ею о мужиках, кои в лаптищах и рубищах прут на заработки, — не кажется ли Вам, что это несколько — неловко, что ли? Как будто Вы мужиков этих в гостиные сытых любителей литературы направяете, а — чего им там делать?» (Касаткину, 1909).

Сам будучи утонченным стилистом, он не забывает предостеречь своих адресатов от чрезмерного увлечения литературным «дендизмом», который «выражается на Руси <...> и провинциальной манерностью» таких «гг. эстетов», подобных «титularной советнице из Калуги в парижском платье», которая «еще не умеет носить его незаметно для себя самой» (Аренс-Гаккель, 1915). Предупреждает Горький и о пагубности подражательности, клише и штампов, на которые разменяны индивидуальные приемы великих писателей: «Никогда не начинайте рассказов “диалогом” — разговором, это прием старинный и неудачный» (Виридарской, 1929; Герасимовой, 1932).

С освоения этих простых, но важнейших умений, по Горькому, начинается литературное мастерство. Его требовательное отношение к «технике» как «литературной грамоте» обусловлено боевой программой творчества и убежденностью в высочайшем предназначении литературы: «литература, как Вы это чувствуете, — боевое дело, и, чтоб нанести врагу хороший удар, Вы должны отточить Ваше оружие, да будет оно гибким, острым, ранящим глубоко» (Никифоровой, 1909).

И если бы «Письма о литературе» были лишь практическим пособием для курсов литературного редактирования или техники литературного мастерства и культуры речи, тогда лучшим эпиграфом к сборнику стала бы цитата из другого горьковского письма: «Я слишком мало знаю Вас для того, чтобы говорить о чем-либо ином, кроме техники» (Гржебиной, 1919). Но рецензируемый сборник оказался гораздо шире и глубже оптики, заданной аннотацией: книга «может быть использована в учебной и воспитательной работе». Вспоминается признание Стендаля: «Печальная истина состоит в том, что до известной поры ученик вообще ничего не видит в при-

роде. Прежде всего нужно, чтобы рука его повиновалась, а затем, чтобы он разобрал, что взял учитель у природы. Если повязка спадет с его глаз, если он обладает каким-нибудь дарованием, он различит в природе вещи, которые он сам, в свою очередь, должен воспроизводить, чтобы доставлять удовольствие людям с такой же душой, как у него. Всего труднее то, что нужно иметь душу»⁸. Вот и Горький — вслед за Стендалем — учит: «Вам необходимо много работать над формой, необходимо обязательно — почему? Потому, что Вы должны писать. У Вас есть то, что зовется искрой Божией, есть чувство красоты, есть чуткость зрения и слуха, а главное — хорошая, вдумчивая душа» (Ярцевой, конец 1900 — начало 1901).

Итак, подготовленная новая книга писем Горького о литературе оказалась богаче и лучше, чем о ней думали ее составители. В ней раскрывается с большой полнотой горьковская программа воспитания нового типа художника — творца, способного своим мастерством, помноженным на талант, к «конструированию» нового типа личности. Этой генеральной теме был посвящен доклад Горького на Первом съезде советских писателей в августе 1934 г.: «Государство пролетариев должно воспитать тысячи отличных “мастеров культуры”, “инженеров душ”. Это необходимо для того, чтобы возратить всей массе рабочего народа отнятое у нее всюду в мире право на развитие разума, талантов, способностей. Это намерение, практически осуществимое, возлагает на нас, литераторов, необходимость строгой ответственности за нашу работу и за наше социальное поведение. Это ставит нас не только в традиционную для реалистической литературы позицию “судей мира и людей”, “критиков жизни”, но предоставляет нам право непосредственного участия в строительстве новой жизни, в процессе “изменения мира”. Обладание правом и должно внушить каждому литератору сознание его обязанности и ответственности»⁹.

Молодой задор борьбы с жизнью, бунтарский по своей природе социальный оптимизм, веру в способность человека справиться, совладать с трудностями жизни — «Но однако, что же такое — жить? Я думаю, — напишет молодой Горький, — что это [значит] занятие приятное, вроде танца — неумоимого и бешеного танца. Нужно так танцевать — чтоб всем кругом было весело, и для этого нужно чаще наступать ногой на всякую гадость жизни, на пошлость, чтобы она пищала и чтоб из нее сок брызгал» (Средину, 1900), — эту убежденность Горький пронес через всю жизнь, хотя всегда сохранял

⁸ Стендаль. История живописи в Италии // Собрание сочинений: В 12 т. Т. 8. М.: Правда. 1978. С. 116.

⁹ Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: Стенографический отчет. М.: Художественная литература, 1934. С. 18.

критическую способность рационально оценить сопряженные с нею трудности: «но это, кажется, только картинка, а не исполнимо. Как будешь плясать, когда поясница болит?» И все же неприятие страдальчества, культивируемого русской классической литературой, — одна из сквозных тем его эпистолярия: «Акакий Акакиевич, “Станционный смотритель”, Муму и все другие “Униженные и оскорбленные” — застарелая болезнь русской литературы, о которой можно сказать, что, в огромном большинстве, она обучала людей прежде всего искусству быть несчастным. Обучались они этому ловко и добросовестно. Нигде не страдают с таким удовольствием, как на Святой Руси. От физических страданий нас, все более успешно, лечат доктора, а — от моральных Толстые, Достоевские и прочие, коих в сем случае я бы назвал деревенскими “знахарями”, они тоже бывают и мудры, и талантливы, однако ж чаще усугубляют болезнь, а не излечивают ее. Аз есмь старый ненавистник страданий и физических, и моральных. И те, и другие, субъективно и объективно взятые, возбуждают у меня негодование, брезгливость и даже злость. Страдание необходимо ненавидеть, лишь этим уничтожишь его. Оно унижает Человека, существо великое и творческое» (Федину, 1926).

Горьковская вера в возможность «конструирования» социального оптимизма находит отражение в его поздних, после переезда из Сорренто в Москву, письмах, где он раскрывается как позитивист, искренне убежденный в возможности найти, руководствуясь доводами рассудка, однозначные ответы на самые сложные вопросы бытия, в том числе социального: в письме Гроссману он утверждает, «что существует две правды и что в мире нашем количественно преобладает подлая и грязная правда прошлого, а — на смерть ей — родилась и растет другая правда. Вне столкновения, вне борьбы этих правд нельзя понять ничего, это — тоже известно» (Гроссману, 1932). Обращаясь к своему адресату, попавшему под подозрение в контрреволюционности, Горький так продолжил эту свою мысль: «Автор неплохо видит правду прошлого, но не очень ясно понимает, что же ему делать с нею? Автор правдиво и со вкусом изобразил тупоумие шахтеров, их пьянство, драки и вообще все то, что — должно быть — преобладает в его — автора — поле зрения. Конечно, это — правда, очень скверная, даже мучительная правда, с нею необходимо бороться, ее нужно без пощады истреблять. Ставит ли автор перед собой эту цель?» (Гроссману, 1932).

Охват тем, которых касается в своих письмах к коллегам по цеху Горький, безграничен: читателя ждут радостные открытия тонких горьковских наблюдений и глубоких размышлений о жизни, когда он пишет о своем отращении к умным, но не умеющим чувствовать

людям, о своем страстном желании «иметь врагов», о литературе как трибуне — чтобы «упрекать и мстить», о партиях и свободе от них, о совести — писателя и человека, об оптимизме и любви к жизни, о равнодушии, о желании жить «с солнцем в крови», о боге, которого человек непременно встречает — как на пути «сверху вниз и внизу, в грязи», так и на пути «снизу вверх», о том, возможно ли существование чего-то «выше бога», о важности иметь чувство красоты, но еще более важном качестве иметь «хорошую, вдумчивую» душу, о литературе как наслаждении и литературе как служении, о необходимости думать не только о литературной, но и общественной значимости произведения, о народе и толпе, о критике и самокритике, «кая суть свирепейшая из всех “критик”», о ценности и уникальности жизни каждого отдельного человека, о ненависти к мещанству, о глубокой нелюбви к крестьянству, о ненависти к «достоевщине» в русском характере и еще о многом-многом другом.

Читателя порадует также не только несомненно общий высокий научный уровень издания, но и продуманное композиционное его построение, существенно облегчающее навигацию в пространстве книги: письма, расположенные в хронологическом порядке, сопровождаются краткой биографической справкой об адресате и кратким научным комментарием, которые размещаются не в конце книги, как это часто бывает, а сразу после каждого из текстов писем, и читателю не приходится по многу раз листать книгу вперед-назад.

Подобное устройство научного аппарата — это не просто «удобство пользователя»: его ценность в том, что оно ненавязчиво поддерживает возникающий читательский интерес, создавая у читателя представление о взаимоотношениях Горького и его корреспондентов, и поощряет к дальнейшим самостоятельным поискам — с помощью точных отсылок к конкретным текстам собраний сочинений писателя, приводимых в справке и комментариях. В этом отношении издание — прекрасный подарок исследователям — студентам-гуманитариям и их преподавателям. Однако такой компактный и емкий способ представления материала, при его несомненных достоинствах, к сожалению, оказался не свободен в ряде случаев от дублирования информации — в справках и комментариях. Не получает должного подтверждения и заявленное в редакторской статье утверждение, что в сборнике представлены «мысли и советы Горького литераторам в невозможной прежде широте и разнообразии», а также интригующее предупреждение о том, что большинство включенных в сборник писем «многие десятилетия было недоступно для читателей». Точнее было бы сказать, что по сравнению с предыдущим, более полувековой давности изданием одноименного сборника горьковских писем (М., «Советский писатель», 1957, сост.

А.И. Овчаренко), содержавшего письма Горького только к «разрешенным», именитым, советским и зарубежным его корреспондентам (всего 412 писем), в новом издании мы встретим как знакомые уже имена его корреспондентов, так и новые, малоизвестные имена, что делает данное издание — при меньшем числе представленных писем (их всего 85 в рецензируемом сборнике) — и более разнообразным, и гораздо более «демократичным».

Но все эти замечания не умаляют несомненных достоинств сборника. Изданная малым тиражом 500 экземпляров, книга уже исчезла с прилавков магазинов. Электронную версию книги, к сожалению, издательство, похоже, не предусмотрело. Тех же, кому все же повезет приобрести сборник, порадует и удобный, карманный, формат и полумягкая обложка, которые позволят не расставаться с книгой даже в дороге.

И последнее. Книжка вышла в возобновленной Литинститутом серии «Писатели о творчестве» — за что инициаторам этого проекта отдельное спасибо.

Поступила в редакцию 03.04.2023

Принята к публикации 28.08.2024

Отредактирована 06.03.2025

Received 03.04.2023

Accepted 28.08.2024

Revised 06.03.2025

ОБ АВТОРЕ

Гусейнов Вагиф Нариман оглы — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории искусств и гуманитарных наук РГХПУ имени С.Г. Строганова; vagifng2007@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vagif N. Guseynov — PhD, Associate Professor, Department of Arts History and Humanities, Stroganov Russian State University of Design and Applied Arts; vagifng2007@yandex.ru

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ЛУВЭЙ ЦЗОУ, МИХАЙЛОВА М.В. ЖЕНСКАЯ ЛИНИЯ
В РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ДО И ПОСЛЕ А.А. АХМАТОВОЙ.
СПб.: Нестор-История, 2023. 204 с.**

Ю.В. Шевчук

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; julyshevchuk@yandex.ru

Аннотация: В рецензии рассматривается научная монография, которая посвящена исследованию русской лирики XIX и начала XX века, представленной именами А. Ахматовой, Е. Ростопчиной, М. Лохвицкой, Л. Копыловой, Н. Львовой, В. Инбер. Взятый за основу хронологический принцип осмысления форм психологизма «до и после Ахматовой» разделил книгу на три главы. В них поэтапно выявляются истоки и специфика психологизма Ахматовой, анализируются ее открытия в создании женского образа в первой половине 1910-х годов и творческое восприятие ахматовской лирики поэтессами-современницами. В приложении публикуется обзор «Восприятие личности А.А. Ахматовой и ее творчества в Китае». Результативны сравнительно-типологический, культурно-исторический и гендерный подходы в исследовании любовной лирики, активно применяется авторами сопоставительный анализ стихотворений. Отмечается глубина проработки проблемы психологизма в лирическом произведении и ценность общего итога, раскрывшего особенности развития женской поэзии начала XX века.

Ключевые слова: психологизм; лирика; женское; А.А. Ахматова; Ф.И. Тютчев; Е.П. Ростопчина; М.А. Лохвицкая; Л.Ф. Копылова; Н.Г. Львова; В.М. Инбер

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-17

Для цитирования: Шевчук Ю.В. Рецензия на книгу: Лувэй Цзоу, Михайлова М.В. Женская линия в русской поэзии: до и после А.А. Ахматовой. СПб.: Нестор-История, 2023. 204 с. // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 202–206.

REVIEW OF THE BOOK:

LUWEI ZOU, MIKHAILOVA M.V. THE FEMALE LINE IN RUSSIAN POETRY: BEFORE AND AFTER

A.A. AKHMATOVA. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2023. 204 p.

Yuliya Shevchuk

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; julyshevchuk@yandex.ru*

Abstract: The review considers a monograph that is devoted to the study of Russian lyrics of the 19th and early 20th centuries, represented by the female names of A. Akhmatova, E. Rostopchina, M. Likhvitskaya, L. Kopylova, N. Lvova, V. Inber. The chronological principle of understanding the forms of psychologism “before and after Akhmatova” divided the book into three chapters. They gradually reveal the origins and specifics of Akhmatova’s psychologism, analyze her discoveries in creating a female image in the first half of the 1910s and the creative perception of Akhmatova’s lyrics by contemporary poetesses. The appendix publishes a review “Perception of the Personality of A.A. Akhmatova and Her Work in China”. Comparative-typological, cultural-historical and gender approaches are effective in the study of love lyrics, the authors actively use a comparative analysis of poems. The depth of the study of the problem of psychologism in the lyrical work and the value of the overall result, which revealed the peculiarities of the development of female poetry at the beginning of the 20th century, are noted.

Keywords: psychologism; lyrics; female; Akhmatova; Tyutchev; E. Rostopchina; M. Likhvitskaya; L. Kopylova; N. Lvova; V. Inber

For citation: Shevchuk Yu. (2025) Review of the Book: Luwei Zou, Mikhailova M.V. The Female Line in Russian Poetry: Before and After A.A. Akhmatova. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2023. 204 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 202–206.

В 2023 году в издательстве «Нестор-История» вышла книга Лувэй Цзоу и Марии Михайловой — совместный труд филологов из Китая и России, посвященный исследованию русской любовной лирики XIX и начала XX века, представленной женскими именами, среди которых важнейшей «точкой отсчета» становится ахматовская поэзия 1910-х годов. Не умаляя влияний русской психологической прозы, творчества Анненского и опыта акмеистского «цеха» на формы психологизма у Ахматовой, в первой главе («Истоки психологизма ранней лирики А.А. Ахматовой») авторы размышляют над тем, что в качестве идейно-эмоционального ориентира ею могли быть восприняты лирические произведения Тютчева и Ростопчиной (как наиболее ярких выразителей «мужской» и «женской» линий в поэзии XIX века). На рубеже столетий ахматовской героине пред-

шествует психология новой женщины в лирике Лохвицкой, начавшей публиковаться в год рождения Ахматовой. Феномен «подахматовок» раскрывается в заключительной части книги на примере «женского письма» Л. Копыловой, Н. Львовой, В. Инбер: задается такой ракурс восприятия ахматовских произведений, при котором особенно заметна их непрямая исповедальность.

В ахматоведении проблема психологизма была поставлена одной из первых, и к сегодняшнему дню накоплен материал, требующий обобщения и специального разговора в аспекте актуальной теории и методологии. В рецензируемой книге психологизм лирики Ахматовой исследуется как самостоятельная научная проблема, наиболее важными для авторов являются психологический, сравнительно-типологический, культурно-исторический и гендерный подходы. Проблематика исследования, судя по представленному в приложении обзору «Восприятие личности А.А. Ахматовой и ее творчества в Китае», соответствует также запросам современной гуманитарной науки в Китае и читательским предпочтениям соотечественников Лувэй Цзоу, с особым интересом осваивающих именно любовную лирику поэта.

Книга дает представление о психологизме Ахматовой, имеющем, условно говоря, две стороны — одна обращена к вещному миру, тяготеет даже к натурализму во внешнем описании, другая отражает сложный душевный и духовный опыт женщины рубежа веков, для которой «веществом» не менее плотным, чем буквальные вещи окружающего мира, становятся переживания культурных смыслов, а также непростые ощущения, связанные с религиозной сферой. В отличие от предшественниц и современниц по «женской линии» Ахматова выражала состояния личности, погруженной в свой внутренний мир, но при этом отражающей общее напряжение жизни. Об этом свидетельствуют расположенные в разных частях книги подробные разборы стихотворений «Песня последней встречи», «Сжала руки под темной вуалью...», «Сад» и др. Заметим только, что иногда авторы монографии излишне проговаривают суть любовных ситуаций, стремясь прояснить самые тонкие переживания поэта, героини, читателя. Впрочем, думается, сложность решения задач постижения ахматовского психологизма не в последнюю очередь связана со складом личности героини, не смеющей говорить о самом важном. И в целом человеческая психология у Ахматовой — сфера «невыразимого»: внешне выражая внутреннее через жесты, физические ощущения, диалоги, фигуры умолчания, автор улавливает момент переживания на границе осознанного видения, волевого порыва и бессознательного, интуитивного ощущения.

В первой главе в качестве предшественника, погруженного в психологический мир любви, по «мужской линии» проходит Тютчев.

Действительно, именно тютчевский психологизм, раскрывающий напряжение любовной ситуации на социально-историческом и космическом фоне, близок ранней Ахматовой — и не только ей в русском модернизме, смело глядящем на внешние потрясения и катастрофы сквозь трепещущий внутренний мир отдельной личности. Авторы отмечают, что «Ахматова разделяет взгляд Тютчева на любовь как “роковой поединок”, и у нее лирическое “я” (героиня) тоже смотрит на ситуацию “со стороны”, представляет себе свершающееся или произошедшее как сцену, где действуют персонажи» (с. 35). Рассматривается непростая временная и субъектная организация ранней лирики Ахматовой, обнаруживающая своеобразие ее психологизма. О времени в книге говорится больше, чем о системе субъектов. Ахматовское «я» показывается как полифоничное, чутко настроенное на Другого, раскрывающееся в диалогических отношениях и сложно представленное именно в лирике начала 1910-х годов, где еще не слышен гул эпохи, нет библейской эпики, но уже присутствует многоголосье — в доме, природе, хоре — и, наоборот, молчание, немота, тишина как звук «оттуда».

Сопоставление переживаний лирической героини Ахматовой с героинями Ростопчиной и Лохвицкой плодотворно для понимания того, насколько смело и беспощадно акмеистка преодолевает гендерные стереотипы, идет дальше предшественниц и современниц, у которых героини уже не абсолютно покорны, не безмолвны, претендуют на собственное «я» (как в «Насильном браке» Ростопчиной). Стоило, однако, более подробно остановиться на том, что важным стимулом психологического сюжета для Ахматовой, создавшей образ женщины, главные области самореализации которой — любовь и творчество, становится конфликтность именно этих сфер. Сначала Муза отнимает у героини обручальное кольцо, «первый весенний подарок» («Музе», 1911), а позже автор напишет: «Одной надеждой меньше стало, / Одной песней больше будет» («Я улыбаться перестала...», 1915). В ранней лирике Ахматовой, испытывающей искреннее притяжение к всечеловеческой обыденности жизни, творчество является драматическим способом самосохранения личности.

Сопряжение любовного и творческого обнаруживается исследователями в поэзии Лохвицкой. Разнообразны у нее облики «новой женщины», стремящейся с помощью творчества завладеть своим счастьем и отождествляющей счастье со сладострастьем. В последней части второй главы «А. Ахматова и М. Лохвицкая: сопряжения и отталкивания» ценными являются размышления о сходстве и различии в отношении к вещам, которые, как правило, прописываются женщинами с особым вниманием. Вещный мир у Лохвицкой «обескровливается» ее мифопоэтическими построениями — и пси-

хологизм становится более условным. При всей погруженности героини в «грех и страсть» ее порыв напоминает порыв романтического героя к свободе самовыражения в дуалистическом мире, его цель — полет над облаками (см. разбор стихотворения «Если б счастье мое было вольным орлом...», 1891). Отметим удачный анализ образов сада у Лохвицкой и Ахматовой с учетом особенностей лирического хронотопа (стихи «Мой сад» (1896–1898) и «Сад» (1911)). А вот вывод в конце главы кажется излишне жестким, цитирую: «лирический субъект в творчестве первой <Лохвицкой> демонстрирует некое однообразие психической жизни, он чаще всего статичен, однозначен, в то время как в лирике последней <Ахматовой> возникает *психологизм*, и раскрывающий *различные состояния души* героини, и наделяющий психологической значимостью *разные элементы художественного мира*» (с. 108).

В последней главе Лувэй Цзоу и М. Михайлова собрали материалы, свидетельствующие о раскрепощении женщины в России 1910-х годов: статьи и выступления Л. Столицы, М. Шагинян, М. Моравской, Е. Нагродской, Анны Мар. Разбор лирики Любови Копыловой, Надежды Львовой и Веры Инбер убедительно демонстрирует понимание значения Ахматовой ее современницами, которые «заимствовали» образы, «копировали» детали, «воспроизводили» диалоги и монологи, но при этом не смогли избежать экзальтированности и непростоты. Добавим к этому, что, возможно, многим поэтессам Серебряного века не хватило самоиронии и самоумирения личности (это, однако, отдельная тема). В женской поэзии первых десятилетий XX века со временем обнаруживаются полнота духа героинь, их подвижничество и, соответственно, те психологические построения, которые, по определению авторов, можно назвать «онтологическим» психологизмом.

Поступила в редакцию 20.09.2024

Принята к публикации 18.02.2025

Отредактирована 06.03.2025

Received 20.09.2024

Accepted 18.02.2025

Revised 06.03.2025

ОБ АВТОРЕ

Шевчук Юлия Вадимовна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН; julyshevchuk@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yuliya Shevchuk — DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature, RAS; julyshevchuk@yandex.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Славятинская М.Н. Учебник древнегреческого языка. 3-е издание. Исправленное и дополненное. М.: ФЛИНТА, 2022. 732 с.

О.М. Савельева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; dus.177@gmail.com

Аннотация: В рецензии рассматривается «Учебник древнегреческого языка» Марины Николаевны Славятинской (3-изд, 2022), который представляет собой ценный компендиум как собственно методическое пособие для изучения древнегреческого языка и одновременно просветительский источник, содержащий большой массив сведений по многим направлениям, связанным с греческим языком: история греческого языка, греческий язык в сравнительно-историческом языкознании и его значение для развития этой науки, диалектная картина античного периода, греческая литература, сопоставление греческого и латинского языков и греко-римской словесности, греко-славянские связи, их значимость в развитии церковнославянского языка и церковной книжности. Диапазон направлений и тем соответствует концепции учебника: это собственно дидактика с основной задачей освоить греческий язык, его грамматику непременно в связи с историей общества. Книга имеет междисциплинарное значение и может быть продуктивно применена при изучении греческого языка для всех гуманитарных специальностей.

Ключевые слова: древнегреческий язык; античность, Древняя Греция; Византия; славянская словесная культура

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-18

Для цитирования: Савельева О.М. Рецензия на книгу: Славятинская М.Н. Учебник древнегреческого языка. 3-е издание. Исправленное и дополненное. М.: ФЛИНТА, 2022. 732 с. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 207–211.

REVIEW OF THE BOOK: A *Textbook of Ancient Greek* by Marina N. Slaviatinskaya. 3d ed., corrected and amended. Moscow, FLINTA Publ., 2022. 732 p.

Olga Saveljeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dus.177@gmail.com

Abstract: The review examines the *Textbook of the Ancient Greek Language* by Marina N. Slavyatinskaya (2022), which is a valuable compendium as a proper

methodological guide for studying the Ancient Greek language and at the same time an educational source containing a large amount of information on many areas related to Greek: the history of the Greek language, the Greek language in comparative historical linguistics and its significance for the development of this science, the dialect picture of the ancient period, Greek literature, comparison of Greek and Latin languages and Greco-Roman literature, Greek-Slavic relations, their importance in the development of the Church Slavonic language and church literature. The range of directions and topics corresponds to the concept of the textbook: it is actually didactics with the main task of mastering the Greek language, its grammar, necessarily in connection with the history of society. The book has interdisciplinary significance and can be productively applied in the study of the Greek language for all humanitarian specialties.

Keywords: Ancient Greek; antiquity; Ancient Greece; Byzantium; Slavic verbal Culture

For citation: Saveljeva O.M. (2025) Review of the Book: *A Textbook of Ancient Greek* by Marina N. Slaviatinskaya. 3rd ed., corrected and amended. Moscow, FLINTA Publ., 2022. 732 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 207–211.

Рецензируемый «Учебник древнегреческого языка» М.Н. Славятинской является продолжением серии учебников этого автора по древнегреческому языку. Первым был учебник 1993 г. (1–2 ч., изд. МГУ); второй — учебник 1996 г. (1–2 ч., изд. «Филология»); потом известный и применяемый «Учебник древнегреческого языка» 2003 г., Филоматис. 622 с.). Освещаемый учебник 2022 года состоит из краткого предисловия, вводного раздела и пяти частей. Все разделы, наряду с русским названием, имеют обозначение по-гречески, что позволяет увидеть многие термины в их первоисточнике, как, напр., *Предисловие* — ΠΡΟΛΟΓΟΣ. Основу учебника составляет Часть I (уроки 5–40), в которой представлена вся грамматика древнегреческого языка. *Вводный раздел* (уроки 1–4) содержит очерк из истории греческого языка, хронологическую таблицу, сведения об алфавите и графике. Особенно важна глава о фонетике литературного языка классического периода, также даны сведения о дальнейших исторических изменениях в произношении, графике и типах чтения, без чего нельзя иметь грамотное представление о времени и характере заимствований, напр., из греческого в русский. Начиная с первых глав, учебник последовательно снабжен разделами: *Контрольные вопросы; Упражнения; Лингвокультурологический практикум*. В 3-м издании учебника увеличен объем материала, число упражнений, контрольных заданий, усилена теоретичность в изложении лингвистического аспекта. Обширные словари, Греческо-

русский/обратный, Грамматический индекс представлены в новой редакции. Уроки построены по единому методическому формату: вводное объяснение грамматики, таблицы с парадигмами, текст, комментарий к нему, упражнения, лексический минимум, большой спектр контрольных заданий. Стоит выделить раздел «Лингвокультурологический практикум», цель которого — расширение культурного кругозора учащихся на основе собственно языкового материала. Здесь отражаются мифология, история, культура, объяснение номинаций, которые студенты знали давно, и вот теперь, в курсе греческого языка, знакомые слова и идиомы получают наконец объяснение на основе их первичного значения или в силу изменения формы и звучания: *алфавит, игрек, поэт/пиит, Гомер/Омир, Елена/Helene, топонимика, порфира, «Ни на йоту»* etc. Для этого учебника концептуально важно сочетание учебной цели и культурного развития студентов. После 15 и после 40 уроков даны *Контрольные уроки*, построенные в живой манере: перевод, определение форм, грамматика известных пословиц и сентенций.

Представляется абсолютно логичным, что наиболее подробное внимание уделяется самой сложной стороне — глагольной системе и специфике основообразования. Напомним, что канд. дисс. М.Н. Славятинской была посвящена теме «Семантика глагольных основ презенса и аориста в греческом языке древнейшего периода» (МГУ, 1969). Это исследование семантики и связанных с нею трудноопределяемых дистинкций временных форм в гомеровском эпосе стало наилучшей базой для освещения греческой глагольной системы в учебниках. Также М.Н. Славятинской принадлежит большая аналитическая статья «Греческий язык» в Православной энциклопедии: <https://www.pravenc.ru/text/166467.html>. Она много лет читала лекции по истории греческого языка, и в ее учебнике удачно отражается связь научных интересов и педагогических задач автора. Такое плодотворное сочетание нельзя назвать характерным для учебной литературы по классическим языкам, и поэтому стоит приветствовать его здесь.

Последующее описание функционирования греческого языка в постантичное время (Ч. III, IV, V) хорошо согласуется с задачами русского и славянского отделений: хронология, персоналии, лексика и фонетика, трансформация формы слова; отдельно освещено формирование греческой христианской лексики в языке Нового завета, в церковнославянском. Приложения I–II наглядно освещают семантические функции греческих словообразовательных элементов, столь обильно представленных в русских дериватах.

Пользуясь возможностью жанра рецензии, отметим для данного учебника следующие вопросы, которые вообще являются дискусси-

онными в преподавании древнегреческого языка. 1) Когда стоит вводить глаголы II спряжения (на -μι): достаточно рано, как здесь, в 6-м уроке курса? Или это целесообразно делать уже после прочного усвоения системы I спряжения, как принято традицией? Какая методическая последовательность лучше, чтобы этот сложный грамматический сегмент был хорошо усвоен? Глаголы II спряжения, как более архаичная система, заслуженно имеют репутацию трудно поддающихся освоению. Нам представляется, что вводные сведения, общее описание системы II спряжения могут быть даны достаточно рано, но их осложненное формообразование, непосредственно парадигматика, лучше усваивается на более позднем этапе прохождения курса. 2) В методике известна и дилемма о характере учебных текстов: какие тексты должны применяться в нормативном курсе греческого языка? Подлинные авторские или неоригинальные, составленные специально для учебного процесса? В данном учебнике принята вторая система, т. е. учебные тексты составлены по образцу классического аттического языка, и положительную сторону этого варианта можно увидеть в том, что грамматика преподносится здесь рассказами из истории, литературы и культуры Древней Греции. Таким образом, каждый урок дает языковые сведения и одновременно обогащает культурный кругозор студентов. Апологетикой такого выбора текстов «по образцу» также может послужить наличие в данной книге богатой, отлично подобранной хрестоматии авторских текстов, которые особенно полезны для студентов неклассических отделений. Однако для достижения основной цели — показать особенности мысли древних, построения фразы, специфику лексики/семантики и стиля — предпочтительнее давать подлинные фрагменты из классических авторов с начала курса, сторонниками чего были филологи старой школы (С.И. Соболевский). 3) Нельзя согласиться с отсутствием перевода слов поурочного лексического минимума даже при наличии превосходного общего греческо-русского словаря, поскольку перевод лексики для каждого текста серьезно облегчает студентам подготовку. Все высказанные вопросы и предложения были и остаются в поле обсуждения, и для каждого учебника их решает его автор.

Работа с освещаемым «Учебником» в его 3-м обновленном издании подтвердила, что это не только учебник, а многоаспектное дидактическое исследование, в котором на высоком филологическом уровне соединены собственно руководство для преподавания греческого, собрание эксцерптов из сочинений греческих авторов разных эпох, системные очерки теоретического плана, и именно такая книга может на современном этапе восполнить многие пробелы в доуниверситетской подготовке студентов и обеспечить хо-

роший профессиональный результат для филологов и специалистов других гуманитарных направлений.

Поступила в редакцию 19.12.2024

Принята к публикации 18.02.2025

Отредактирована 06.03.2025

Received 19.12.2024

Accepted 18.02.2025

Revised 06.03.2025

ОБ АВТОРЕ

Савельева Ольга Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; dus.177@gmail

ABOUT THE AUTHOR

Olga Saveljeva — PhD, Associate Professor, Department of Classics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; dus.177@gmail.com

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ОБЩАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ФОНЕТИКА: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА ЛЮБОВИ ВЛАДИМИРОВНЫ ЗЛАТОУСТОВОЙ»

Н.И. Миронова, Г.Е. Кедрова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; mironnat@rambler.ru, gekedrova@yandex.ru

Аннотация: Статья содержит обзор научных докладов, прозвучавших на прошедшей 10–12 октября 2024 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова Международной научной конференции «Общая и прикладная фонетика: к 100-летию со дня рождения профессора Любови Владимировны Златоустовой». В конференции приняли участие 59 исследователей из разных городов России, а также из Индии, Вьетнама, Беларуси, Казахстана, Азербайджана, Узбекистана, Кыргызстана.

Ключевые слова: Любовь Владимировна Златоустова; лингвистика; прикладная лингвистика; фонетика; психолингвистика; корпусная лингвистика; судебное речеведение; русский язык как иностранный

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-19

Для цитирования: *Миронова Н.И., Кедрова Г.Е.* Международная научная конференция «Общая и прикладная фонетика: к 100-летию со дня рождения профессора Любови Владимировны Златоустовой» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 212–218.

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “GENERAL AND APPLIED PHONETICS: ON THE 100th ANNIVERSARY OF PROFESSOR LYUBOV VLADIMIROVNA ZLATOUSTOVA”

Nataliya I. Mironova, Galina E. Kedrova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mironnat@rambler.ru, gekedrova@yandex.ru

Abstract: The article contains an overview of scientific reports presented at the International Scientific Conference “General and Applied Phonetics: On the 100th

Anniversary of Professor Lyubov Vladimirovna Zlatoustova” held on October 10–12, 2024, at the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. 59 researchers from different cities of Russia, as well as from India, Vietnam, Belarus, Kazakhstan, Azerbaijan, Uzbekistan, and Kyrgyzstan, took part in the conference.

Keywords: Lyubov Vladimirovna Zlatoustova; linguistics; applied linguistics; phonetics; psycholinguistics; corpus linguistics; forensic linguistics; Russian as a foreign language

For citation: Mironova N.I., Kedrova G.E. (2025) International Scientific Conference “General and Applied Phonetics: On the 100th Anniversary of Professor Lyubov Vladimirovna Zlatoustova”. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, p. 212–218.

10–12 октября 2024 года на филологическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в смешанном формате прошла Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора Любви Владимировны Златоустовой. Организатором конференции выступила Лаборатория фонетики и речевой коммуникации. Участниками стали исследователи из разных городов России, Индии, Вьетнама, Беларуси, Казахстана, Азербайджана, Узбекистана, Кыргызстана.

Большая часть жизни Любви Владимировны Златоустовой (1924–2011), Заслуженного профессора МГУ, действительного члена Международной академии информатизации, члена Президиума Акустического общества, члена Международной комиссии по фонетике и фонологии, члена Комиссии по фонетике и фонологии при РАН, была связана с филологическим факультетом МГУ. Придя на кафедру СиПЛ в 1964 г., она в 1970 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Фонетические единицы русской речи» и с 1971 г. и до конца жизни была профессором кафедры уже ТиПЛ, успешно совмещая преподавательскую деятельность с научно-исследовательской, административной и общественной работой. Так, в 1988 г. она стала бессменным руководителем межкафедральной Лаборатории фонетики и речевой коммуникации; позже заместителем декана по научной работе (1981–1991), председателем диссертационного совета факультета по специальностям теоретической и прикладной лингвистики (с 2000 г.). В 2002 г. под руководством Л.В. Златоустовой было открыто отделение «Лингвокриминалистика». Тематика фонетических исследований Любви Владимировны разнообразна: анализ фонетической природы словесного и фразового ударения; структуры слога и принципов слогаделения в РЯ; звучащая речь в разных типах устного дискурса; автоматическое распознавание

речи; исследование коммуникативных сигналов морских млекопитающих; фоноскопическая экспертиза и др. Любовь Владимировна подготовила 25 кандидатов и 4 доктора наук; 200 научных публикаций, в том числе 7 монографий. Многие научные идеи Л.В. Златоустовой актуальны и сегодня и находят развитие в работах лингвистов, в том числе ее многочисленных учеников.

На открытии конференции с приветственным словом выступил и. о. декана филологического факультета профессор А.А. Липгарт. На пленарных заседаниях особый интерес вызвали доклады, посвященные Любви Владимировне Златоустовой. Р.К. Потапова (д. ф. н., проф. МГЛУ, почетный вице-президент Международного общества по фонетическим наукам (ISPhS), член Международной академии информатизации) в докладе «Роль профессора Любви Владимировны Златоустовой в истории развития фундаментального и прикладного речеведения» отметила необыкновенный талант и знания Любви Владимировны, позволившие основать в МГУ собственную научную школу, и важную роль ее исследований в решении практических задач, имеющих колоссальное государственное значение. Е.И. Галяшина (д. ф. н., д. юр. н., проф., зав. каф. криминалистики МГЮА) в докладе «Судебное речеведение в эпоху искусственного интеллекта: воплощение идей профессора Л.В. Златоустовой» предложила в период бурного развития систем искусственного интеллекта развивать концепцию судебного речеведения на основе идей Любви Владимировны, высказанных в эпоху становления фоноскопической экспертизы. В докладе на тему «Научные взгляды Любви Владимировны Златоустовой в контексте лингводидактики» Е.Л. Бархударова (д. ф. н., проф., зав. каф. дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филол. ф-та МГУ) говорила об успешном использовании в практике преподавания русского языка как иностранного результатов исследований Л.В.З. и ее учеников. Н.И. Миронова (д. ф. н., и. о. зав. лаб. фонетики и речевой коммуникации филол. ф-та МГУ) в докладе «Диагностическая значимость пауз колебания: социопсихолингвистическое исследование под руководством Л.В. Златоустовой» представила результаты анализа связи между особенностями процесса порождения речи и социальными характеристиками говорящего. С.Г. Татевосов (д. ф. н., проф., зав. каф. теоретической и прикладной лингвистики филол. ф-та МГУ) в докладе «Л.В. Златоустова и фонетические исследования на кафедре теоретической и прикладной лингвистики» рассказал о становлении фонетических исследований на кафедре структурной, а затем теоретической и прикладной лингвистики и о ведущей роли и активной деятельности на кафедре Л.В.З. как исследователя и преподавателя.

Т.М. Надеина (д. ф. н., проф. каф. судебных экспертиз МГЮА) в докладе «Словесное ударение и ритмическая структура слова в русском языке в работах Л.В. Златоустовой» отметила, что изучение факторов, влияющих на длительность гласного в слове в потоке речи, — проблема, актуальная и сейчас для решения задачи автоматического распознавания речи. Не менее интересны были и доклады на другие темы. П.А. Скредин (д. ф. н., проф., зав. каф. фонетики и методики преподавания иностранных языков СПбГУ); У.Е. Кочеткова (к. ф. н., доц.); В.В. Евдокимова (к. ф. н.) в докладе «Фонетические единицы выражения эмоционально-оценочной коннотации» привели результаты исследования эмоционально окрашенной речи, важные для улучшения синтеза и распознавания речи в диалоговых системах с использованием технологий искусственного интеллекта. Г.Н. Трофимова (д. ф. н., проф. каф. массовых коммуникаций РУДН) в докладе «Восприятие и понимание эмоций в медиакоммуникации: проблемы интонирования в контексте теории эмоционального интеллекта» сделала вывод о том, что эмоциональный интеллект — важнейшая компетенция человечества, которая еще не освоена генеративными нейросетями. Э.Б. Яковлева (д. ф. н., проф., зав. отд. языкознания ИНИОН РАН) в докладе «Синергические формы звучащей спонтанной речи: специфика порождения и сегментации» подчеркнула важнейшую роль в реализации коммуникативной стратегии говорящих суперсегментных средств, в частности пауз.

На заседании секции «Общая и экспериментальная фонетика» обсуждались теоретические вопросы фонетики (доклады С.А. Крылова (Ин-т Востоковедения РАН) «Классификация разделов фонетики по методам (эпистемологический аспект)»; Е.Ф. Кирова (МГПУ) «Фонетическая грамматика и теория слога в русском языке»; А.В. Андроновой (Ин-т славяноведения РАН) «Транскрипция фонологическая, аллофоническая и звукотипическая: проблемы соотношения и обозначения»; С.В. Князева (ИРЯ РАН) «Одна ИК или не одна? (“шляпные” конструкции в русском литературном языке)»; Д.Р. Джумановой (Узбек. ГУ мир. языков) «Аспекты и значимость орфоэпических исследований»; И.А. Анашкиной (Мордов. ГУ) «Категория речевого голоса в контексте культурно-аксиологического подхода к языку и звучащему тексту»). Внимание в докладах уделялось и отдельным направлениям экспериментальных исследований фонетического строя русского и других языков в синхронии и диахронии (доклады Т.А. Коробейниковой (ИРЯ РАН), М.А. Красновой (МГУ), Т.Г. Давыдова (МГУ), М.А. Деминой (МГЛУ), И.И. Валуйцевой и Д.А. Боброва (Гос. ун-т просвещения), Н.К. Ивановой (Гум. Ин-т ИГХТУ) и О.А. Прохвятиловой (РГГУ). Прозвучали интересные доклады сопоставительного плана: К.В. Ефремовой (Гос. ун-т «Дубна»)

об имитации русского акцента носителями английского языка и Д. Уткарша о гласных в русском языке и хинди (Ун-т им. Дж. Неру, Индия). О перспективе использования новых методов инструментального исследования звучащей речи (фМРТ) было рассказано в докладах Г.Е. Кедровой (МГУ) «Дыхательные стратегии диктора при чтении прозаического и поэтического текстов: онлайн-овое МРТ-исследование», а также О.А. Казакевич, М.А. Амелиной (ИЯ РАН) и М.М. Зиминой (ТГПУ) «Ультразвуковое исследование артикуляции ительменских согласных (седанкинский диалект)». Ю.А. Ненашева (ЮУрГГПУ) предложила оригинальный подход к исследованию эмоций в звучащей речи с помощью вероятностных моделей.

Тематика докладов секции «Преподавание русской фонетики в иноязычной аудитории» была связана с преподаванием русского языка носителям китайского (А.Н. Антонова, МГУ; О.Н. Короткова, МГУ) и португальского (Д.Л. Давидян, ИРЯиК МГУ) языков. Обсуждались вопросы интерференции (доклады Г.М. Вишневецкой (Иванов. ГУ) и Т.М. Насоновой (Минск. ГЛУ). Не остались без внимания и другие темы: гласные вставки в консонантных кластерах (М.В. Фокина, Е.В. Моисеева, МГУ); постановка фонологического слуха (Д.В. Дашкевич, МГУ); фонетика в РКИ (М.Н. Шутова, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина) и интонация в РКИ (М.Ю. Ефремова, ИРЯиК МГУ); фоносемантическая картина мира как аспект лингводидактики (И.В. Одинцова, МГУ).

На заседании секции «Экспериментально-фонетическое исследование стихотворной и певческой речи» прозвучали доклады П.Б. Ландо (МГК им. П.И. Чайковского) о принципах артикулирования вербальных текстов в академическом пении, Ю.Г. Бахирева (МГУ) о сетевой журналистике и А.В. Кругловой (ИБДА РАНХиГС) о паузах как средстве просодического членения.

Секция «Корпусная лингвистика: фонетические корпуса и базы данных» была представлена докладами А.А. Добрыниной, Т.Р. Рыжиковой и К.В. Шиндровой (ИФЛ СО РАН) о представлении диалога в базе данных народностей Новосибирской области и И.И. Коньковой (Мордов. ГУ) об обучающем потенциале звукового корпуса английского языка.

В рамках работы секции «Социофонетика» Т.В. Сокорева и Т.И. Шевченко (МГЛУ) выступили с докладом о влиянии личности говорящего на ритм и тембр голоса; В.С. Орлова (ГМПИ им. М.М. Ипполитова-Иванова; на англ. яз.) рассказала о британской сценической речи, а М.В. Попова (МГЛУ) — о социальной значимости иноязычного акцента в условиях миграционного кризиса.

На секции «Психолингвистика звучащей речи» в докладах рассматривались вопросы взаимосвязи речи и эмоций в спонтанной

речи (Д.В. Жабин, ВГУ) и в поэтическом тексте (В.Ю. Иванова, ММА); восприятия и понимания речи видеохостингов (М.А. Пильгун, МГУ) и сказок Н.Б. Кыдырбаева (КазНУ им. Аль-Фараби, Казахстан); анализа речи школьников с дизартрией (Т.В. Чернуха, МИСИС); исследования просодии медиаречи (Е.О. Матвеева, МГИК).

В рамках секции «Судебное речеведение» рассматривались теоретические вопросы и результаты практических исследований в области фоноскопической экспертизы. В докладе Ф.О. Байрамовой (МГУ) была отмечена актуальность идей Л.В. Златоустовой в области описания тембральных характеристик голоса. Важные вопросы судебной лингвистической экспертизы были затронуты в докладах Т.В. Бердниковой (ФБУ РФЦСЭ) о коммуникативном акте молчания в «криминальных» диалогах, И.С. Сипарова и М.А. Плешановой (ФБУ СЗРЦСЭ) о влиянии изменения голоса на идентификационные признаки, М.А. Кузнецовской (ГБУ г. Москвы МИЦ) об особенностях комплексной психолого-лингвистической экспертизы и Л.П.о. Алиева и Н.К.к. Газиевой (ЦСЭ Минюста; ИЯЗ Нац. Акад. наук Азербайджана) об использовании акустических показателей геминации в фоноскопических исследованиях. Интерес участников конференции вызвали проблемы анализа искусственно сгенерированных текстов (доклад М.А. Бердниковой (ЭКЦ МВД) о признаках искусственной генерации текстов и А.К. Лебедевой и Н.Ф. Бодрова (МГЮА) о новых вызовах и возможностях судебной фоноскопической экспертизы в эпоху технологий ИИ), а также возможности использования искусственного интеллекта для экспертизы текстов (доклад А.Г. Боярова и С.Б. Шавыкиной, ФБУ РФЦСЭ). Вопросы применения специальных лингвистических знаний в экспертных целях были рассмотрены в докладах Е.В. Щенниковой (МГУ; ГБУ г. Москвы МИЦ) и Е.С. Цветковой (СЭЦ СК РФ). Особенности анализа текстов деструктивной направленности были посвящены доклады А.Ю. Михайловой (ЭКЦ МВД) о разработке словаря невербальных единиц экстремистских текстов и И.В. Швецевой (ЭКЦ МВД) о принципах создания корпуса текстов, содержащих угрозу.

Секция «Фонетика в системах искусственного интеллекта» была представлена докладами О.В. Гончаровой (ПГУ) о распознавании эмоций в речи, В.В. Евдокимовой, П.А. Скредина и У.Е. Кочетковой (СПбГУ) об использовании ИИ в экспериментальной фонетике, Т.А. Толмачевой, Е.Г. Таревой и В.Г. Караваевой (МГПУ) об использовании больших данных в образовании и Ю.Е. Ивановой и Е.И. Михалевой (Финанс. ун-т) о фоностилистических особенностях искусственных и естественных звучащих текстов.

Все представленные на конференции доклады вызвали вопросы и оживленную дискуссию. Завершил конференцию Круглый стол

на тему «Вклад профессора Л.В. Златоустовой в развитие лингвистической науки. Воспоминания коллег и учеников» с демонстрацией архивных фото- и видеоматериалов.

Поступила в редакцию 01.02.2025

Принята к публикации 18.02.2025

Отредактирована 06.03.2025

Received 01.02.2025

Accepted 18.02.2025

Revised 06.03.2025

ОБ АВТОРАХ

Миронова Наталия Изяславовна — доктор филологических наук, и. о. зав. Лабораторией фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; mironnat@rambler.ru

Кедрова Галина Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, директор Учебно-научной лаборатории персональных компьютеров филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; gekedrova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Nataliya I. Mironova — Prof. Dr., Acting Head of the Laboratory of Phonetics and Speech Communication, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; mironnat@rambler.ru

Galina E. Kedrova — PhD, Associate Professor, Department of Russian Language, Director of the Educational and Scientific Laboratory of Personal Computers, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; gekedrova@yandex.ru

VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX–XXI ВЕКОВ КАК ЕДИНЫЙ ПРОЦЕСС (ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ)»¹

М.М. Голубков, А.А. Семина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; m.golubkov@list.ru; seminaaa@yandex.ru

Аннотация: Обзор посвящен VIII Международной научной конференции «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)», где обсуждались актуальные проблемы новейшей русской литературы: теория и методология ее изучения, жанрово-стилевые тенденции, проблема автора и его эстетических ориентиров, — а также понятийный аппарат современного литературоведения.

Ключевые слова: литературоведение; критика; современный литературный процесс; методология; автор; стиль; литературное направление

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-20

Для цитирования: Голубков М.М., Семина А.А. VIII Международная научная конференция «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 219–232.

VIII INTERNATIONAL CONFERENCE “RUSSIAN LITERATURE OF THE 20th — 21st CENTURIES AS A WHOLE PROCESS (ISSUES OF THEORETICAL AND METHODOLOGICAL RESEARCH)”

Mikhail Golubkov, Anna Semina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; m.golubkov@list.ru; seminaaa@yandex.ru

Abstract: The review is devoted to the VIII International Conference “Russian Literature of the 20th–21st Centuries as a Whole Process (Issues of Theoretical and

¹ Авторы публикации благодарны за неоценимую помощь в подготовке материала сотрудникам, аспирантам и магистрантам кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса: А.И. Октябрьской-Кисничан, Д.А. Минаевой, А.В. Маркову, Д.А. Хромовой, В.В. Домашневой, Е.А. Салиховой, Е.М. Геронимус, Р.Г. Хизриевой, А.В. Макаровой, В.А. Савину, Д.М. Цыганову.

Methodological Research)”, where works on the most pressing problems of modern Russian literature were presented: theory and methodology, genre and style trends, the problem of the author, and his aesthetic guidelines; the conceptual apparatus of modern literary criticism was discussed.

Keywords: literary studies; literary criticism; contemporary literary process; methodology; author; style; literary direction

For citation: Golubkov M.M., Semina A.A. (2025) VIII International Conference “Russian Literature of 20th–21st Centuries as a Whole Process (Issues of Theoretical and Methodological Research)”. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 219–232.

21–22 декабря 2023 г. на филологическом факультете МГУ состоялась VIII Международная научная конференция «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения), в которой приняли участие более ста ученых из разных стран: Китая, Тайваня, Венгрии, Турции, Болгарии. Широко была представлена и Россия (помимо Москвы и Санкт-Петербурга, приехали исследователи более чем из двадцати городов, в числе которых Иркутск, Челябинск, Благовещенск, Улан-Удэ, Екатеринбург, Ярославль, Махачкала). Конференция прошла в традиционном формате: пленарное заседание, девять секций, заключительное пленарное заседание. На заключительном пленарном заседании выступил писатель Ю.М. Поляков совместно с коллективом издательства «Прометей», представившим новую книгу: «Гипсовый трубоч» Юрия Полякова: опыт прочтения одного романа. Ученые (и не очень) записки семинара профессора М.М. Голубкова».

В работе *пленарного заседания*, открытом приветственной речью и. о. декана факультета проф. А.А. Липгарта, в очном и дистанционном формате приняли участие более семидесяти человек.

Первый доклад, «Война и судьба модернизма», был сделан **В.В. Полонским** (Москва) и посвящен роману И. Эренбурга «Падение Парижа» в культурном контексте эпохи его создания.

Н.М. Солнцева (Москва, «Скифская группа в 1917–1918 гг.: приоритеты русских революций») описала полемику внутри т. н. «скифской группы», помогающую понять духовную основу «скифства» и его эволюцию.

О.Р. Темиршина (Москва, «Иероглиф» Якова Друскина: между знаком и Логосом») проанализировала одно из ключевых понятий художественной и гносеологической системы обэриутов и чинарей, его разнообразные трактовки, онтологические и гносеологические функции, специфику структуры.

В докладе **А.Г. Коваленко** (Москва) рассматривалась роль антиутопии и утопии в метажанровой прозе Пелевина и преломление в его творчестве постмодернистской эстетики.

И.Б. Ничипоров (Москва, «Встреча прошлого и будущего: о русском романе XXI века») говорил о современных поисках «героя времени» в прозе Р. Сенчина, Ю. Полякова, А. Иванова, Е. Водолазкина и др.

М.М. Голубков (Москва) осмыслил тенденции текущего литературного процесса как поиск нового культурного кода эпохи, бытийных и нравственных опор современного человека.

Отдельная секция прошла в дистанционном формате. Слушателей поприветствовали ее ведущие Л.А. Колобаева и А.В. Леденев.

В сообщении **Л.А. Колобаевой** (Москва) подчеркивалась творческая новизна романа А. Иванова «Бронепароходы».

А.В. Леденев (Шэньчжэнь) доказывал, что категория пространства у Набокова является производной сознания и демонстрирует состояние автора и персонажа (упоминались рассказ «Сказка», мемуары «Другие берега», романы «Приглашение на казнь», «Защита Лужина» и «Лолита»).

Н.Л. Блищ (Шэньчжэнь, «Экфрасисы А.М. Ремизова: типология, функции, подтексты») обнаружила в мире писателя отражение произведений Гойи и Калло, Босха и Брейгеля и обратила внимание на рецепцию современных Ремизову картин Л. Бакста («Портрет Сергея Дягилева с няней»), Н. Гончаровой («Мистические образы войны»), К. Петрова-Водкина («На линии огня» и «Андрей Белый»).

И.В. Мотеюнайте (Псков, «Герой с отклонениями» в литературе конца XX — первых десятилетий XXI века») описала эволюцию героя-юродивого у Е. Водолазкина, Е. Калядиной, В. Иоффе, Саши Соколова, М. Петросян, А. Козловой, А. Сальникова.

Предметом доклада **Орлина Стефанова** (Болгария) было изображенное в антиутопии Замятина превращение личности в предмет, которым манипулируют для укрепления антигуманной власти.

Доклад **И.С. Назаровой** (Благовещенск) был посвящен «литературе Байкало-Амурской магистрали» как особенному явлению (рассматривались коллективные сборники «Автограф века» (1976), «Магистраль» (1977), «Стыковка» (1984), «Цветы багульника» (2004)).

Т.Е. Смыковская (Благовещенск) показала, как посещение Горьким исправительно-трудовых лагерей и его участие в коллективной книге о Беломорканале отразилось на страницах гулаговских газет и журналов («Строитель БАМа», «Литература и искусство БАМлага», «Перековка на Волгострое», «На штурм трассы»), как личность и творчество писателя подвергались идеологическому кодированию, нацеленному на обеление гулаговской системы.

А. Молнар (Венгрия, «Современные постановки пьесы М. Горького “На дне” в Венгрии») были рассмотрены те аспекты философской проблематики драмы, которые заставляют венгров вновь обращаться к ней.

Цзин Жуге (КНР) показала, как гуманистические идеи Горького воспринимались в Китае в 1920–1940-х гг., как они искажались в 1950–1970-х гг.; были упомянуты также современные интерпретации (начиная с 1990-х гг.).

Д.А. Минаева (Москва, «Два монаха в романе “Летоисчисление от Иоанна” А. Иванова») говорила о царе, который «играет» в монаха, и митрополите Филиппе, встреча с подлинной верой которого оказывается для Грозного невыносимым испытанием. Обсуждались мотивы игры, переодевания, карнавализация.

Выступление **Дэн Си** (КНР, «Роман М. Шишкина “Письмовник”»: художественные модели восприятия жизни») выявило две онтологически противоположные позиции: покоя (примирения с собой и другими, гармонии, ведущим к самореализации) и кризиса (ведущего к разрушению).

Г.Ц. Бадуева (КНР; Бурятия, «Свой-чужой в русской прозе II половины XX в. — начала XXI в.») показала вариации образа «чужих»: «разорители», «пожогщики», «архаровцы», «перекати-поле» (В. Распутин), «браконьеры» (В. Астафьев), «краснодеревщики», «пришлые», «городские», «переселенцы», «соседи», «бичи» (Б. Екимов). Разные варианты отношений «чужих» со «своими» анализировались на примерах рассказов Б. Екимова, А. Варламова, М. Тарковского.

Лю Сюй (КНР) рассмотрела поэзию Н.А. Клюева в связи с религиозными представлениями поэта и старообрядческой иконописью.

Заседанием 1-й секции «Теоретические аспекты русской литературы XX–XXI веков» руководили М.В. Михайлова и И.Н. Коржова. Заседание открыл доклад **В.В. Калмыковой** (Москва) «Диалог, интертекст (уальность), подтекст: рецепция творчества Мандельштама в современной поэзии»: анализировались стихи С. Гандлевского, И. Буренина, Б. Кутенкова.

Доклад **М.В. Михайловой** и **Е.М. Геронимус** (Москва) «Постсимволизм и постакмеизм в литературном пространстве русской эмиграции» показал проявление этих тенденций у Н.А. Оцуца и М. Веги.

И.Н. Коржова (Москва) выявила жанрообразующие признаки поэтического дневника как стихотворного цикла.

В выступлении **А.В. Филатова** (Москва) «Реализация принципов акмеизма в военной лирике и публицистике Н.С. Гумилева» творчество поэта о Первой мировой войне было понято как опыт философской мысли.

Ю.В. Адриан и **А.С. Бокарев** (Ярославль) обнаружили в романе И.С. Холина «Кошки мышки» технику создания лианозовской «биографической легенды», предполагающей «маргинальность», «опозиционность официальному искусству» и «претензии на эстетическое превосходство».

Е.А. Афанасьева (Оренбург, «Нетрадиционные жанры в поэзии Саши Черного») описала синтез альбомной лирики и акварели как прецедент создания полижанрового стихотворения.

А.А. Голубкова (Москва, «Дмитрий Данилов: от абсурдистской прозы к роману-антиутопии») проанализировала основные этапы эволюции Д. Данилова и показала, что в романе «Саша, привет!» поэтика автора существенно меняется.

Т.В. Обласова (Тюмень, «Смыслообразующая роль субъектной организации “Невенка сонетов” А. Еременко») показала, что смысловые противоречия поэтического текста работают как прием.

Были заслушаны доклады **Е.Ю. Козьминой** (Екатеринбург, «Жанр повести в советской фантастике 1950–1970-х годов»), **Е.А. Власовой** (СПб., «Память в тексте или память о тексте в эссе И. Бродского “Путешествие в Стамбул”»), **Чэнь Синьи** (КНР, «Корпусное исследование концепта “мировая культура” в стихотворениях А. Ахматовой»), **А.Н. Андреева** (Москва, «Художественно-гносеологические возможности романа»).

1-я подсекция секции «Литературный процесс XX — начала XXI веков» была посвящена первой половине XX столетия. Заседанием руководили Н.З. Кольцова и А.М. Игнатова.

Р.Р. Кожухаров (Москва), анализируя аллюзии и реминисценции в рассказе А.Н. Толстого «Наваждение», показал, что Петр здесь, равно как и в рассказе «День Петра» и в пьесе «На дыбе», — трагически одинокая фигура; ее мрачный колорит характерен для символистского понимания петровской эпохи.

Доклад **А.М. Игнатовой** (Москва) «Образ читателя 1930–1950-х годов (письма читателей к Ю.К. Олеше)» воссоздавал портрет советского читателя-романтика; был дан социальный обзор советских читателей, представлена география писем, описана работа издательств с читателями.

О.М. Кириллина (Москва, «Отцы и дети: интеллигенция на распутье (А.П. Чехов, Д.С. Мережковский, А.П. Платонов)») показала, как на рубеже XIX–XX вв. интеллигенция переосмысляла принципы «отцов», переоценивала их культурные комплексы, создавая собственные.

Е.А. Коршунова (Москва) ввела в научный оборот доклады С.Н. Дурылина в ГАХН о литературе и живописи («Александр Добролюбов и Валерий Брюсов»), цикл докладов о Достоевском и др.).

Т.В. Левицкая (Москва, «Категория телесности в сборнике Л.И. Гумилевского “Рассказы из современной войны”») обратилась к первому сборнику писателя, в котором затрагивается знаковая для него тема физической и нравственной искаленности участников и свидетелей Первой мировой войны.

Н.З. Кольцова (Москва, «К вопросу о символике степи в русской прозе первой трети XX в.») рассматривала особенности «пространственной формы» у Платонова и Пришвина, восходящие и к традициям классической литературы, и к открытиям неореализма.

Е.С. Апалькова (Москва) описывала «специфику магической прозы С.Д. Кржижановского», связанную с выстраиванием особой концепции времени и пространства.

А.О. Супрякова (Москва) говорила о прогностической функции научной фантастики, реализуемой в произведениях А.Р. Беляева.

С.А. Румянцева (Москва) доказывала, что возможным прототипом главного героя повести О. Форш «Рыцарь из Нюрнберга» был Н.К. Рерих (сравнивались и биографии, и мировоззрение Рериха и персонажа).

2-я подсекция секции «Литературный процесс XX — начала XXI веков» была посвящена литературе второй половины XX столетия и современности. Заседание вели Г.В. Зыкова и И.Б. Ничипоров.

И.Б. Ничипоров (Москва) поделился своим видением поэтики и проблематики романа Сухбата Афлатуни (Е. Абдуллаева) «Рай земной». Террор 1930-х гг. и события позднейших эпох преломляются в частных биографиях, исповедальных и документальных текстах. Рассматривается образ «маленького человека» из мира культуры, который становится проницательным аналитиком истории и современности.

Гун Аньпин (СПб.) говорила о смысле образов «Будды Анагамы» и «глиняного пулемета» в «Чапаеве и Пустоте» Пелевина, о коане, составленном из этих образов, и о том, как художественный мир писателя соотносится с идеями дзен-буддизма. Чапаев у Пелевина — реинкарнация Будды Анагамы, и он же выступает как мастер дзена, создавая коаны, чтобы вдохновить Петра Пустоту.

М.В. Бочкина (Москва) сопоставляла романы Ю. Мамлеева «Шатуны» и А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него», видя общее прежде всего в идее «бездны», обоснованной в философских трудах Мамлеева (парадоксальность русского сознания он объяснял постоянным ощущением бездны). В героях Мамлеева и Сальникова воплотились такие черты русского сознания, как стремление к запредельному, чувство тоски, обездоленности и в то же время самоценности.

О.А. Гримова (Краснодар) говорила о «биографическом дискурсе в романе Е.Г. Водолазкина “Чагин”», обнаруживая в произведении такие черты биографических нарративов, как фрагментарность, повествовательная опосредованность, субъектный синкретизм, обращение к контрфактуальной биографичности, что связано с важными для романа смыслами, в частности, с идеей о вымысле как способе сблизить жизненный путь, выстраиваемый человеком, с Божественным замыслом о нем.

В.А. Магях (Москва) интерпретировала роман «Доктор Живаго» как претекст для «Доктора Гарина» В. Сорокина. Оба произведения демонстрируют связь важнейших концептов русской культуры: «история», «путь» и «жизнь», сопоставимо также отношение главных героев к истории и своему месту в ней.

Г.В. Зыкова (Москва, «Стихи Б.А. Слуцкого в собрании В.Л. Лейбович (состав самиздатской подборки и версии текстов)») представила возможные источники авторских версий стихотворения «Бог».

А.А. Семина (Москва) говорила о прозе Р. Михайлова в контексте исканий чинарей. Так, современному автору оказался близок образ вестников, восходящий к Хармсу и Я. Друскину, а также предложенное Липавским специфическое понимание ужасного. Михайлову также родственны некоторые черты поэтики метареализма.

Были также заслушаны доклады **А.М. Мусаевой** (Москва, «Символика в поэзии С. Соколкина и А. Абдурашидовой»), **Сюю Шуана** (КНР, «“Любимые слова пою на свой салтык”: стихи В. Кучерявкина в ряду русских поэтических “памятников”»), **Д.И. Марченко** (Краснодар, «Особенности повествовательной структуры романа А. Володиной “Протагонист”»).

Заседание 3-й секции «Критика и литературоведение XX — начала XXI веков и проблема канона» открыл доклад ее соруководителя **М.С. Руденко** (Москва) «Булгаков и Шолохов в критике русской эмиграции первой волны». Если Булгаков воспринимался эмигрантами как советский или «подсоветский» писатель и на него обрушились стрелы Ходасевича, Адамовича и др., то Шолохов обвинения в советском со стороны зарубежной критики избежал.

Выступление **А.Г. Лилеевой** (Москва) было посвящено анализу метода литературного критика Л. Аннинского, образу автора в его текстах, его интерпретационной стратегии.

Соруководитель секции **М.Б. Лоскутникова** (Москва) говорила о «понятийных характеристиках литературной детали в литературоведении XX — начала XXI вв.».

Доклад «М.М. Бахтин в пространстве советской науки о литературе 1950-х годов» представил один из соавторов — **Е.Г. Маслова**

(Саранск). Архив ученого, высказывания современников, сохранившаяся переписка свидетельствуют, что работы Бахтина были известны гораздо более широкому кругу ученых, чем предполагалось ранее, а диалог с Бахтиным о Достоевском был важной частью литературоведения второй половины 1950-х гг.

Доклад **Э.Л. Котовой** (Смоленск) был посвящен Адриану Македонову как интерпретатору поэзии Заболоцкого: по мнению исследовательницы, он смог дать целостный анализ творческой судьбы поэта, причем в полемическом взаимодействии с другими исследователями, в частности с Ю.М. Лотманом.

Н.Н. Кознова (СПб.) показала, как К.В. Мочульский — литературный рецензент использовал импрессионистические приемы, совмещая субъективное и объективное начала в оценке литературных явлений.

Д.М. Цыганов (Москва) охарактеризовал серию «Библиотека избранных произведений советской литературы 1917–1947», восстановил ее историю и остановился на нескольких наиболее репрезентативных случаях (публикация произведений Тынянова, В.П. Некрасова, Фадеева и др.).

Заседанием *секции «Литературы народов России и постсоветского пространства»* руководили И.В. Монисова и У.В. Овчеренко.

В докладе **Е.Ф. Гилевой** (Турция) «Образ эшелона в ингушской лирике о депортации» рассматривалось, как историческая память народа воплощает пережитое в устойчивых поэтических образах. В лирике ингушей депортация ассоциируется с огромным эшелоном, увозящим на Восток весь народ. Были проанализированы два стихотворения: «На восток» Б. Тимурзиева и «Кокчетавский перрон» Я. Патиева.

Н.В. Летаева (Москва) рассматривала «простоту» как категорию художественного текста для писателей парижской школы.

А.И. Кутдюсова (Москва) говорила об изображении Казани в малой прозе татарских авторов (Р. Сабирова, С. Юзеева, Р. Мухамадиева): современная Казань соединяет в себе бытовые детали, мифологемы, фантастические элементы и черты альтернативной истории, а национально-культурные реалии становятся объектом художественных экспериментов.

Доклад **Н.А. Токаревой** (Москва) был посвящен образам города и деревни в творчестве двуязычного бурятского поэта Н. Нимбуева, где бурятские фольклорные мотивы сливаются с отсылками к русской, западноевропейской и японской культуре.

К.С. Романова (Москва) в докладе «Проявление транскulturности в романе Э. Сафарли “Сладкая соль Босфора”» проанализи-

рвала билингвальное языковое сознание; говорилось о проблеме культурной интеграции русских на Востоке, о том, как писатель, принадлежащий восточному культурному коду, передает «русскую» точку зрения на мир.

И.В. Монисова (Москва) рассмотрела пьесу русскоязычного бурятского драматурга Булата Гаврилова «Чингисхан», где идеализируется основатель Монгольской империи. Жанровая природа пьесы усложняется за счет элементов ретроутопии; властитель показан как мудрец, реализующий свое мистическое предназначение, а столица Хара-Хорин приобретает черты идеального города, символизирующего идею единения народов и культур.

Были заслушаны также доклады **Д.А. Хромовой** (Москва, «Трансформация образа Другого в романе И. Мамаева-Найлза “Год порно”»), **В.Р. Аминовой** (Казань, «Транскультурная модель художественного развития в современной русскоязычной литературе: особенности художественного мира»), **Ш.А. Мазанова** (Дагестан, «Современная литература Дагестана на русском языке: своеобразие функционирования»), **У.В. Овчеренко** (Москва, «Исторические события в преломлении современной казахстанской прозы. На материале романа “Круг пепла” Д. Накипова»).

Заседанием 5-й секции «*Национально-историческая проблематика русской литературы XX–XXI веков*» руководили А.Ю. Большакова и М.А. Хлебус. **А.Ю. Большакова** (Москва) выступила с докладом «Заблуждения антипоэтики: деревенская проза XX в. в философическом контексте».

Б.В. Соколов (Москва) рассказал о прототипах героя Высоцкого — поручика Брусенцова — в фильме «Служили два товарища». Одним из них оказался реальный офицер врангелевской армии, другим — советский офицер и узник ГУЛАГа.

О.А. Колмакова (Иркутск) показала, как В.С. Маканин в своем произведении «Андеграунд, или Герой нашего времени» совмещает интертекстуально-игровые стратегии и традиции социально-психологического романа.

А.Л. Крупчанов (Москва) рассмотрел эволюцию изображения смерти в творчестве Ю.М. Полякова.

Т.Н. Маркова (Челябинск) говорила о своеобразии жанра «Ополченского романа» З. Прилепина.

Доклад **А.В. Кулагина** (Коломна) «Отзвуки “Капитанской дочки” в поэзии А.С. Кушнера» был посвящен стихам, содержащим отсылки к сцене бурана: «Вспоминай, в каком — в четвертом классе...», «Кто едет в купе и глядит на метель...» и др.

Заседание секции 6 «*Детско-подростковая литература XX–XXI веков*» прошло под руководством О.С. Октябрьской и Е.В. Бороды.

О.С. Октябрьская (Москва) определяла жанровые особенности современной «каникулярной повести о детском оздоровительном лагере» и показала, как они меняются в зависимости от этико-эстетических установок писателей.

Ж.К. Гапонова и **Е.В. Никкарева** (Ярославль, «Разве расскажешь об этом ребенку?»: нарративные стратегии трансляции памяти в современной подростковой прозе о деревне») говорили об актуализации констант русской картины мира и передаче ментального опыта новому типу героя-подростка — «наследнику».

А.И. Октябрьская-Кисничан (Москва, «Рассказ бабушки Максима о Севастопольской обороне во время Крымской войны» О.Е. Накко: проблематика и поэтика произведения для детей») описывала жанровую специфику просветительского рассказа-воспоминания, образную систему произведения, типологию характеров в контексте тем памяти, героизма, патриотизма.

Я.В. Мазина (Москва, «Жанровые черты романа воспитания в произведении А.Н. Толстого “Золотой ключик, или Приключения Буратино”») обнаружила способы реализации черт романа воспитания в сказке; исследование характера взаимодействия главного героя с другими персонажами позволило выявить разные типы наставничества.

Были представлены доклады **В.В. Домашневой** (Москва, «Типология характеров в философских сказках Г.М. Цыферова»), **Л.Я. Мещеряковой** (Тверь, «К вопросу о понимании агиографического канона современным читателем-ребенком (трансформация жанра в русской литературе XXI века)»), **С.Ю. Жутовой** (Тамбов, «Повесть Н. Дашевской “День числа Пи”: влияние классических текстов на современную литературу для юношества»), **Л.Х. Насрутдиновой** (Казань, «Становление жанра “страноведческой сказки” в отечественной детской литературе рубежа XX–XXI веков»).

Работой 7-й секции «*Русская литература XX–XXI веков в контексте мировой культуры*» руководили Т.А. Купченко и К.Н. Галай.

Г.К. Орлова (Москва, «Датская литература для детей в русских переводах: история, динамика, тенденции») рассмотрела историю переводов начиная с середины XIX в., а также современные тенденции на книжном рынке и причины колебания интереса к скандинавской, в частности датской, детской литературе.

В докладе **К.Н. Галай** (Москва, «Забывтый Илья Эренбург в контексте французской литературы») был прослежен интерес к Эрен-

бургу французской публицистики с 1920-х гг. и до нашего времени, особенно острый в годы Второй мировой войны.

Л.С. Кислова (Тюмень) обратила внимание на неоднократное обращение к героиням Троянского мифологического цикла в современной русской литературе: антиутопии Ю. Вознесенской «Путь Кассандры, или Приключения с макаронами», пьесе К. Степанычевой «Божественная пена», трагедии Д. Гринвалда «Кассандра», лирической драме Е. Исаевой «Две жены Париса».

Е.В. Суровцева (Москва, «Жития священномученика Илариона (Троицкого) в контексте современных житий новомучеников и исповедников») рассмотрела пять текстов: протопресвитера Михаила Польского, игумена Дамаскина Орловского (два — каноническое и «журнальное»), В. Марченко и протоиерея Константина Островского. Сравнивались способы подачи материала, особенности цитирования и жанровой специфики.

Доклад **А.В. Тихомировой** (Москва) «Парнасская линия в лирике первой волны эмиграции: три стихотворения (В. Ходасевич, Г. Иванов, Ю. Терапиано)» был посвящен полемике начала 1920-х гг. о роли поэта и природе искусства. В 1930-е гг. идеи Иванова, восходящие к заветам его учителя Гумилева, отразились в творчестве Терапиано.

Были заслушаны доклады **Г.М. Мамагова** (Новосибирск) «Над солнечной музыкой воды» Б. Поплавского: между буколиккой и апокалипсисом», **А.В. Макаровой** (Москва) «Рецепция мотивов поэтического сборника “Гитанджали” Р. Тагора в лирике Н.К. Рериха», **Т.Г. Шеметовой** (Москва) «Топос Комарово в циклах “Келломяки” И. Бродского и “Anno Iva” В. Сосноры», **Т.А. Купченко** (Москва) «Маяковский и Данте: мотивы “новой жизни”, небесной любви и рая в поэме “Про это” (1923)», **Ли Сянюй** (Китай) «История перевода и исследования произведений Мандельштама в Китае».

Руководителями 8-й секции «*Интермедиаальный потенциал русской литературы XX–XXI веков*» выступили А.В. Архангельская и Е.В. Жуйкова.

Т.С. Зевахина (Москва) подвергла лингвостилистическому анализу тексты рэп-композиций Р. Семашкова.

А.В. Архангельская (Москва) сравнивала разные театральные интерпретации романа Е.Г. Водолазкина «Лавр»: спектакли Э. Боякова (МХАТ, 2021 — Театр Российской армии, 2023) и Б. Павловича (Театр «На Литейном», 2019); были рассмотрены особенности сценической адаптации текста, способы передачи прямой речи, гендерные аспекты сценических версий.

Е.В. Жуйкова (Москва, «Комиксы и литература: история дружбы») описала историю комикса в России с 1930-х гг. вплоть до современных графических адаптаций литературных произведений, биографий писателей и поэтов.

Н.Э. Ибадова (Москва, «Москва меняющаяся: образ столицы в творчестве Ю. Трифонова и Ю. Полякова») показала, что образ столицы у обоих авторов биографичен, вмещает различные временные пласты, при этом у Трифонова доминирует ностальгия, а у Полякова — сатирическое изображение последовавших со времен «советства» перемен.

В докладе **К.Р. Ермолаевой** (Москва) «Ритмическая структура поэтического спектакля “В тени Бродского”» анализировался принцип ассоциативного монтажа в постановке, представляющей жизнь и творчество пяти ленинградских поэтов эпохи оттепели.

Большой интерес вызвали доклады **А.В. Маркова** (Москва) «Синтетический текст: к проблеме дифференциации феномена песенности» и **С.А. Макаровой** (Москва) «Тема покорения Арктики в поэтическом эпосе И.Л. Сельвинского: музыкальный характер художественных интерпретаций».

В честь 155-летия со дня рождения М. Горького секция 9 была посвящена разным аспектам изучения его творчества; ее работой руководили М.М. Голубков и О.В. Дефье.

О.В. Дефье (Москва, «О формировании нового литературного канона в трилогии М. Горького “Мои университеты”») обсуждал концепцию личности в автобиографической трилогии.

А.Г. Плотникова (Москва, «Писатели и кинематограф в 1935 году: к истории одного совещания у А.М. Горького») ввела в научный оборот новые факты, уточняющие наши представления об отношении Горького к искусству кино.

С.М. Демкина (Москва, «Личная библиотека М. Горького как музейный экспонат. К истории книжного собрания музея А.М. Горького ИМЛИ РАН») объясняла, в каком отношении последняя библиотека Горького (она хранится в музее-квартире на Малой Никитской и сохранила горьковский принцип расстановки и систематизации книг, содержащих инскрипты и читательские пометы) является существенным источником.

В докладе **О.С. Крюковой** (Москва) обнаруживалось значение языка, национального костюма, музыкального фольклора, «мест памяти» как элементов национальной и региональной идентичности в «Жизни Климса Самгина».

Е.А. Салихова (Москва, «Пьеса С. Найденова “Дети Ванюшина” в рецепции М. Горького») проанализировала преемственность «Вас-

сы Железновой» в отношении драмы Найденова: это выразилось в сходстве центральных героев, образов дома, среды, в теме разложения мещанско-купеческого быта и распада семейных связей.

На заключительном пленарном заседании, прошедшем 22 декабря, в качестве докладчиков и слушателей в очном и дистанционном формате участвовали более шестидесяти человек.

Доклад **А.В. Урманова** (Благовещенск) «Место так называемой “региональной литературы” в общенациональном литературном процессе» был посвящен литературе Приамурья первой четверти XX века.

Н.П. Дворцова (Тюмень) говорила о дискуссионности культурного значения новых технологий, утверждая, что нейросетевая литература — глобальное явление, альтернативное классической литературе и культуре.

Ю.Б. Орлицкий (Москва) обратил внимание на принципиальное для русской поэзии последних десятилетий, но не подвергавшееся еще академической рефлексии явление «мерцающих рифм» — стиха, совмещающего черты белого и рифмованного (в качестве примера послужили «Мирожские стихи» Всеволода Рожнятовского (2013)).

М.А. Хлебус (Москва, «Образ слова в прозе С.А. Клычкова») подробно описала особое понимание слова в прозе С.А. Клычкова, то, как оно наделяется особым статусом — мифологема, философема, эстетически значимой единицы и т. д.

Д.М. Фельдман (Москва, «Политическая цензура и редакторский произвол. К публикационной истории романной дилогии И.А. Ильфа и Е.П. Петрова») обозначил проблемы, с которыми сталкивается автор в процессе редакторской правки.

Ш.Г. Умеров (Москва, «Слова к портрету (вспоминая Алексея Ивановича Метченко)») создал многомерный и живой образ заведующего кафедрой советской литературы филологического факультета МГУ в 1952–1985 гг., яркого литературоведа и благородного человека.

Вторая часть заключительного заседания прошла в формате встречи с писателем Ю.М. Поляковым и презентации книги «Гипсовый трубач» Юрия Полякова: опыт прочтения одного романа».

Поступила в редакцию 01.02.2025

Принята к публикации 18.02.2025

Отредактирована 06.03.2025

Received 01.02.2025

Accepted 18.02.2025

Revised 06.03.2025

ОБ АВТОРАХ

Голубков Михаил Михайлович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; m.golubkov@list.ru

Семина Анна Андреевна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; seminaaa@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Mikhail Golubkov — Prof. Dr., Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; m.golubkov@list.ru

Anna Semina — PhD, Teaching Fellow, Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; seminaaa@yandex.ru

ISSN 0130-0075

ISSN для электронной версии 2949-2688 от 02.05.2023

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2025. № 2. 1–232.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.